

Иванъ III Васильевичъ.

р. 1440 † 1506.

Не будемъ говорить о томъ, что княженіе Ивана III было блестяще, что съ него, какъ выражается нашъ историографъ, «Исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной, описывая уже не безсмысленныя драки княжескія, но дѣянія Царства, пріобрѣтающаго независимость и величіе» и пр. Скажемъ только, что княженіе Ивана III есть какъ бы продолженіе княженія Василіева и дальнѣйшее развитіе идеи единодержавія. А потому прямо приступимъ къ изложенію теченія дѣлъ, начавшихся еще при Василіи и непрерывно продолжавшихся по смерти его ³⁹⁷⁾.

Мы видѣли, что Василій Васильевичъ, по просьбѣ псковичей, послалъ къ нимъ въ князья, а своимъ намѣстникомъ, кн. Владиміра Андреевича, на котораго они не указывали. Псковичи хотя и съ честію приняли его, но не ужились съ нимъ: въ сентябрѣ 1462 г. они показали ему путь. «А нынѣ

397) Всѣ извѣстія, за исключеніемъ двухъ-трехъ, до 1462 г., касающіяся Ивана Васильевича, на столько же касаются и его отца, почему и приведены въ біографіи послѣдняго. Вотъ почему мы сочли за лучшее не приводить въ текстѣ фактовъ изъ жизни Ивана Васильевича до 1462 г., а кратко, сжато, въ хронологическомъ порядкѣ перечислить ихъ въ настоящемъ примѣчаніи. При этомъ мы не будемъ выставлѣть обычной цитаты П. С. Р. Л., а будемъ выставлѣть только цифровыя данныя, указывающія на П. С. Р. Л. — Иванъ Васильевичъ родился 22-го января 1440 г. (VI, 50, 170); въ 1446 г. съ матерью и остальными членами семьи онъ встрѣчалъ въ Переяславлѣ отца, вышедшаго изъ плѣна (VI, 172—176; Ник. V, 201); въ томъ же году съ отцемъ и братомъ Юріемъ ѣздилъ въ Троицкій монастырь, гдѣ отецъ его, по приказанію Шемяки, захваченъ кн. Иваномъ Можайскимъ, а онъ съ братомъ успѣлъ бѣжать въ отчины кн. Ряполовскихъ, которые увезли его въ Муромъ, откуда коварствомъ Шемяки онъ выданъ былъ владыкѣ Іонѣ, съ которымъ Юрьевичъ отправилъ его къ отцу въ заточеніе (VI, 172—176; Ник. V, 203, 205—207); въ 1447 г. вмѣстѣ съ отцемъ и остальными членами семьи освобожденъ; идетъ въ данную отцу его Вологду, отсюда — въ Кирилловъ монастырь и, наконецъ, въ Тверь, гдѣ обрученъ былъ съ дочерью тверскаго князя Бориса, Маріей (V, 269; Ник. V, 211); въ 1448 г. былъ въ походѣ противъ татаръ царя Мамутека, которымъ приказано было воевать Муромъ и Владиміръ, гдѣ находился и Иванъ Васильевичъ (VI, 178; Ник. V, 215); въ 1449 г. былъ въ походѣ отца противъ Шемяки (Ник. V, 215—216); въ 1451 г., при нашествіи Мазовши, выѣхалъ съ отцомъ изъ Москвы (VI, 179; Ник. V, 218); въ 1452 г. Василій Васильевичъ, преслѣдуя Шемяку, отрядилъ его на р. Кокшенгу (VI, 179—180; Ник. V, 221); въ томъ же году Иванъ Васильевичъ женился на Марьѣ Борисовнѣ тверской (V, 271; XV, 495; Ник. V, 221—222); въ 1454 г. съ братомъ Юріемъ посланъ былъ отцемъ на берегъ Оки противъ царевича Салтана, сына Седи-Ахметова (VI, 180); въ 1456 г. предъ провожаніемъ въ Смоленскъ Смоленской иконы Божіей Матери присутствуетъ со всѣми другими членами семьи на молебствіи названной иконѣ (Ник. V, 280); въ 1458 г. у него родился сынъ Иванъ (Ник. V, 284); въ 1459 г. не пустилъ татаръ Седи-Ахмета чрезъ Оку (Ник. V, 285); въ 1460 г. стоялъ на берегу (Оки) въ то время, какъ на Рязанскую землю набѣжалъ Ахматъ, сынъ Кичи-Ахмата (V, 272); въ 1462 г. занялъ великое княженіе (V, 273; VI, 185; XV, 496; Ник. V, 289—290).

люди, замѣчаетъ лѣтописъ, на вѣщи съ степени съпхнули его». Лѣтописъ такъ объясняетъ это изгнаніе великокняжескаго намѣстника: «онъ пріѣха не по псковской старинѣ, псковичи не званъ, а на народъ не благъ». Владимиръ Андреевичъ поѣхалъ въ Москву жаловаться на псковичей. Въ началѣ зимы и псковичи отправили въ Москву пословъ просить себѣ князя. Великій князь три дня не пускалъ этихъ пословъ къ себѣ на очю. Только послѣ большихъ хлопотъ посламъ удалось представиться государю, который смягчился и обѣщалъ дать такого князя, какого они выберутъ, — но въ такомъ случаѣ псковичи должны были прислать съ бояриномъ своимъ грамоту о томъ въ Москву. Въ **1463 г.** въ Москву прибылъ бояринъ съ грамотой, въ которой псковичи просили себѣ кн. Ивана Александровича Звенигородскаго, который и пріѣхалъ въ Псковъ въ началѣ апрѣля. Мало того, лѣтомъ великій князь прислалъ во Псковъ воеводу своего, кн. Феодора Юрьевича, на помощь противъ нѣмцевъ. Послѣдніе, послѣ удачныхъ дѣйствій русскихъ войскъ, стали просить мира. Любопытно, что при этомъ упоминается о какихъ-то пошлинахъ, долженствовавшихъ идти великому князю отъ дерптскаго епископа: «тогда же и о пошлинѣ великихъ князей (т. е. говорили), что въ Юрьевѣ, а то пискупу великому князю давати по старинѣ». Перемиріе взято было на 9 лѣтъ. Новгородцы, замѣчаетъ лѣтописъ, хотя ихъ и много просили псковичи, не оказали помощи ни словомъ, ни дѣломъ... Псковичи, какъ извѣстно, старались освободиться отъ Новгорода не только въ политическомъ, но и въ церковномъ отношеніи. Политической самостоятельности Псковъ уже достигъ, но церковной у него еще не было: онъ зависелъ въ этомъ отношеніи отъ новгородскаго владыки. Равнодушіе Новгорода къ Пскову во время войны послѣдняго съ нѣмцами сильно, кажется, подогрѣло въ псковичахъ желаніе обособиться отъ Новгорода и въ церковномъ отношеніи. Отправка пословъ въ слѣдующемъ **1464 г.** къ великому князю съ грамотою имѣла цѣлю столько же то, что прежде всего выставлялось на видъ, сколько и желаніе псковичей выхлопотать для Пскова своего отдѣльнаго владыку. Посломъ отправленъ былъ какой-то шестникъ Исакъ съ грамотой, въ которой псковичи, выражая великому князю благодарность за оказанную имъ противъ нѣмцевъ помощь, добавляютъ, что съ этой цѣлью они хотѣли отправить къ великому князю посольство изъ посадниковъ и бояръ, но не сдѣлали этого изъ опасенія, что новгородцы не пропустятъ посольства. Великій князь выразилъ только удивленіе, какъ можно думать, чтобы его отчина — Новгородъ могла это сдѣлать. Въ другой грамотѣ псковичи просятъ великаго князя, чтобы онъ пожаловалъ свою отчину Псковъ: велѣлъ бы своему богомольцу, митр. Феодосію, поставить во Псковъ владыку и притомъ родомъ псковича. «То есть дѣло велико, хотимъ о томъ

съ своимъ отцемъ горазно мыслѣ», отвѣчалъ великій князь. Въ концѣ января псковичи отправили въ Москву пословъ, по слову великаго князя, вручивъ имъ 50 рублей въ даръ послѣднему; послы эти должны были благодарить великаго князя за помощь противъ нѣмцевъ и повторить просьбу объ отдѣльномъ для Пскова владыкѣ. Въ послѣдней просьбѣ отказано было на томъ основаніи, что въ Псковѣ никогда не было владыки, такъ что псковичи должны были возвратить новгородскому архіепископу воды, земли и всѣ оброки, которые они удержали-было за собой въ надеждѣ имѣть своего владыку. При этомъ великій князь главному послу, посаднику Максиму, подарилъ верблюда³⁹⁸).

Теперь посмотримъ, въ какія отношенія сталъ Иванъ Васильевичъ къ князьямъ въ началѣ своего княженія.

Мы видѣли, что в. кн. рязанскій Иванъ Оедоровичъ предъ смертію поручилъ блюсти Рязанское княжество и своего наслѣдника, 8-лѣтняго сына Василія, еще отцу Ивана Васильевича. Темный взялъ рязанскаго княжича вмѣстѣ съ сестрой его Оеодосіей въ Москву, а въ Рязанскую землю послалъ своихъ намѣстниковъ. Княжичъ, конечно, воспитывался въ желательномъ для московскаго князя направленіи. Такимъ образомъ въ политическомъ отношеніи великій князь московскій могъ имѣть сильное вліяніе на Рязань; онъ могъ бы даже, пользуясь случаемъ, присоединить ее къ Москвѣ, но, вѣроятно, естественное чувство уваженія къ памяти покойнаго рязанскаго князя, такъ довѣрчиво отнесшагося къ князю московскому, должно было до времени удерживать Ивана Васильевича отъ рѣшительнаго шага. При томъ же, надобно было, такъ сказать, расчистить путь, чтобы сдѣлать этотъ шагъ. Политическое вліяніе Москвы на Рязань, положенное воспитаніемъ въ Москвѣ рязанскаго княжича, упрочено было еще бракомъ этого княжича на сестрѣ великаго князя московскаго, Аннѣ. Бракъ состоялся 28-го января **1464 г.** На той же недѣлѣ молодая чета уѣхала въ Переяславль. Но Ивану Васильевичу, кажется, желательно было имѣть вліяніе на Рязань и въ церковномъ отношеніи. По крайней мѣрѣ, когда рязанскій княжичъ былъ еще въ Москвѣ, въ Рязань поставленъ былъ епископомъ казначей митрополита Давидъ, который, во всякомъ случаѣ, сильно долженъ былъ тяготѣть къ Москвѣ³⁹⁹). Съ тверскимъ княземъ Михаиломъ Борисовичемъ, шуриномъ своимъ, и его родичами, а также съ Михаиломъ Андреевичемъ верейскимъ, заключены были договоры вскорѣ по занятіи Иваномъ Васильевичемъ великокняжескаго стола. Великій князь признаетъ

398) П. С. Р. Л. IV, 222—228; V, 34—35 (всѣ факты подъ однимъ 1464 годомъ).

399) Ibid. IV, 148—149; V, 274; VI, 185; VIII, 150—151; Ник. V, 2.

Михаила Борисовича равнымъ себѣ братомъ; оба обязуются владѣть своими княжествами по старымъ рубежамъ, помогать другъ-другу противъ татаръ, Литвы, Польши и нѣмцевъ, не принимать къ себѣ удѣльныхъ князей, враждебныхъ которой-либо изъ договаривающихся сторонъ; великій князь московскій не вступается въ домъ св. Спаса и не принимаетъ отъ хана ни Твери, ни Кашина. Михаилъ Андреевичъ верейскій по договорамъ считается младшимъ братомъ не только по отношенію къ великому князю, но и къ самымъ младшимъ братьямъ послѣдняго; договаривающіеся обязуются не заключать ни съ кѣмъ мира безъ общаго согласія; владѣть своими землями по старымъ рубежамъ и пр. Михаилъ Андреевичъ возвращаетъ великому князю волости, полученные имъ отъ Василія Васильевича: Вышгородъ, Плѣсьнъ и др. ⁴⁰⁰).

Въ 1467 г. Иванъ Васильевичъ, по обстоятельствамъ, долженъ былъ обратить вниманіе на востокъ — на Казань и Черемису. Въ названномъ году казанскіе князья тайно звали служебнаго (московскаго) царевича Касима на царство Казанское, гдѣ былъ Ибрагимъ. По просьбѣ Касима великій князь отпустилъ съ нимъ своихъ воеводъ, кн. Ивана Юрьевича Патриѣва и кн. Ивана Васильевича Стригу-Оболенскаго, которые и выступили въ походъ 14-го сентября. Предводители надѣялись врасплохъ подступить къ Казани, но на лѣвомъ берегу Волги, на мѣстѣ переправы, ихъ поджидалъ уже царь Ибрагимъ, который не допустилъ ихъ переправиться чрезъ рѣку. Возвращеніе войскъ назадъ было чрезвычайно грустное: осень была холодная и дождливая; чувствовался сильный недостатокъ въ фуражѣ и съѣстныхъ припасахъ, такъ что съ голоду кони падали, а ратники даже и въ постные дни ѣли мясо, что, при тогдашнихъ строгихъ отношеніяхъ къ соблюденію постовъ, могло быть только въ самомъ крайнемъ, самомъ безвыходномъ положеніи. Потерь въ людяхъ, впрочемъ, не было. По уходѣ московскихъ войскъ, татары не медля бросились изгономъ на Галичъ, но захватили только небольшой полонъ, потому что граждане «сидѣли въ осадѣ»; при томъ же великій князь заблаговременно распорядился разсылкой заставъ (гарнизоновъ) въ города: Муромъ, Нижній-Новгородъ, Кострому и Галичъ ⁴⁰¹). Въ ту же осень великій князь послалъ кн. Семена Романовича съ своими полками на Черемису, которая хотя и управлялась своими князьками, но подвластна была царю казанскому. Полки, 6-го декабря 1468 г., выступили изъ сборнаго пункта — изъ Галича — и пришли въ Черемисскую землю

400) С. г. г. и д. I, № 88—92.

401) П. С. Р. Л. IV, 132, 149; V, 274; VI, 187; VIII, 152; Ник. VI, 4. Ибрагимъ былъ сынъ Мамутека, вдова котораго вышла за Касима; слѣд. Ибрагимъ приходился пасынкомъ Касиму. См. Карамз. VI, пр. 14.

только черезъ мѣсяцъ, потому что приходилось идти лѣсами, «безъ пути», какъ выражается лѣтописецъ, и притомъ въ страшный холодъ. Пришедши въ Черемисскую землю, войска истребляли все, чего нельзя было взять съ собой; все предавали огню и мечу; доходили едва не до самой Казани, и потомъ воротились домой, по выраженію лѣтописи, по-здорову. Въ то же время нижегородцы и муромцы, по приказу великаго князя, воевали нагорную и низовую стороны Волги, «горы и бараты» (?), какъ сказано въ лѣтописи; Нижегородская застава ходила на Волгу, разбила казанцевъ и плѣнила князя Хозюмъ-Бердея, котораго привела къ великому князю. Кн. Стрига-Оболенскій, въ томъ же году, выгналъ казанскихъ татаръ изъ Костромской области; онъ преслѣдовалъ ихъ до р. Унжи, но не могъ настичь; эти татары взяли и сожгли въ верховьяхъ р. Юга городокъ Кичменгу, а на Вербной недѣлѣ нападали на Костромскія волости. Кн. Даніилъ Холмскій побилъ отрядъ казанскихъ татаръ около Муромъ; эти татары послѣ Пасхи безнаказанно набѣгали на окрестности Муромъ, и повторили свой набѣгъ уже лѣтомъ, но за это поплатились. Великій князь, за три недѣли до Великаго поста, еще до нападенія татаръ на Кичменгу, задумалъ самъ идти на Казань и былъ уже во Владимірѣ, какъ ему дали знать, что въ Москву пріѣхалъ писарь Яковъ (государственный секретарь), посолъ отъ польскаго короля Казимира. Иванъ Васильевичъ приказалъ ему ѣхать въ Переяславль, куда и самъ отправился вмѣстѣ съ сыномъ. Посолъ, неизвѣстно зачѣмъ пріѣзжавшій, скоро былъ отпущенъ⁴⁰²).

Въ концѣ Страстной недѣли великій князь возвратился изъ Владиміра (отпустивши посла, онъ пріѣхалъ сюда изъ Переяславля) въ Москву. Послѣ Пасхи (17-го апрѣля) онъ послалъ многочисленныя войска на Каму. Полки изъ разныхъ городовъ соединились на Вяткѣ подъ Котельничемъ; здѣсь присоединились къ нимъ и вятчане, которые, прослышавъ, что на нихъ идутъ казанцы, возвратились къ Вяткѣ, оставивъ изъ своихъ при московскихъ полкахъ только 300 человекъ. Дѣйствительно, казанцы подступили къ Вяткѣ, граждане которой, не будучи въ состояніи сопротивляться имъ, передались на сторону царя Ибрагима. Между тѣмъ воеводы великаго князя повоевали Черемису по р. Вяткѣ, вышли въ Каму, пошли на низъ и все повоевали до Тамлуги; побили гостей, у которыхъ много взяли товару, ходили до Татарскаго перевоза и — опять повернули вверхъ, воюя казанскія мѣста; входили воевать и въ Бѣлую Воложку (р. Бѣлая). Къ той же рѣкѣ подошли и конные татары въ количествѣ 200 чел.; оставивъ коней у Черемисы, они пошли

402) Ibid. VI, 187—188; VIII, 153—154; IV, 149; V, 274; Ник. VI, 4—6; Карамз. VI, пр. 15.

въ судахъ вверхъ по Камѣ. Между тѣмъ воеводы, плывя обратно въ Каму, Черемису повоевали, коней татарскихъ поѣкли и пошли далѣе по Камѣ за татарами, которыхъ настигъ и побилъ воевода Иванъ Руно, вышедшій въ походъ съ *казаками*. Отсюда воеводы пошли на великую Пермь и къ Устюгу и воротились къ великому князю съ большимъ татарскимъ полономъ ⁴⁰³).

Въ слѣдующемъ **1469 г.** предпринять былъ новый походъ на Казань. На Оминой недѣлѣ (Пасха была 22-го апр.) выступили войска подъ главнымъ воеводствомъ Константина Александровича Беззубцева. Въ этомъ ополченіи были дѣти боярскія отъ всей земли — изъ всѣхъ городовъ, изъ всѣхъ вотчинъ: коломенцы, муромцы, владимірцы, суздальцы, дмитровцы, можайцы, угличане, ярославцы, ростовцы, костромичи и др.; изъ Москвы пошли сурожане, суконники, купеческіе люди и др. съ отдѣльнымъ воеводой, кн. Петромъ Васильевичемъ Оболенскимъ-Нагимъ. Всѣ эти рати пошли рѣками, къ которымъ были ближе: Москвой, Клязьмой, Окой и Волгой, и сошлись въ Н.-Новгородѣ. Къ Устюгу великій князь послалъ воеводу кн. Данила Васильевича Ярославскаго съ своими боярскими дѣтьми, а изъ Вологды туда же пошелъ съ вологжанами воевода кн. Андрея Васильевича (меньшаго), Семенъ Пѣшакъ-Сабуръ. Между тѣмъ какъ главныя силы уже собрались въ Н.-Новгородѣ и начали военныя дѣйствія, сѣверная рать, о которой мы только-что упомянули, подошла къ Вяткѣ. Воеводы именемъ великаго князя приглашали вятчанъ идти на казанскаго царя. «Изневолилъ насъ царь, отвѣчали вятчане, и право свое есмь дали ему, что намъ не помогати царю на великаго князя, ни великому князю — на царя». Казанскій посолъ, бывшій въ то время въ Вяткѣ, далъ знать своему царю, что отъ Вятки подъ Казань идетъ судовая рать, но не большая. Между тѣмъ главный воевода Беззубцевъ получилъ отъ великаго князя грамоту, въ которой Иванъ Васильевичъ приказываетъ самому воеводѣ съ главными силами стоять въ Нижнемъ-Новгородѣ, а воевать казанскія мѣста по обѣимъ сторонамъ Волги воевода могъ отпускать только охотниковъ, причемъ запрещено было подходить къ самой Казани. Воевода собралъ ратниковъ и объявилъ имъ волю великаго князя. «Всѣ хотимъ на окаянныхъ татаръ за святые церкви и за своего государя великаго князя Ивана и за православное христіанство!» закричали ратные люди. Охотникъ набралось столько, что воевода остался въ Нижнемъ-Новгородѣ съ самымъ малымъ количествомъ войска. Охотники отслужили молебень въ Старомъ Новгородѣ за великаго

403) Ibid. IV, 132, 149; V, 274—275; VI, 188; VIII, 153—157; Ник. VI, 6—7.

князя и его воинство и пустились въ путь; по дорогѣ они служили молебень еще у св. Николая, причемъ каждый по своему достатку раздавалъ милостыню. Но въ предстоящихъ дѣйствіяхъ необходимо было единство, а Беззубцевъ не назначилъ имъ воеводы, по чему ратные люди сами избрали общимъ воеводой Ивана Руно. Эта рать пришла подъ Казань 21-го мая. Вышедши изъ судовъ, войска пошли подъ Казань, когда татары еще спали: съ крикомъ подъ звуки трубъ ратники бросились на посады и начали избивать татаръ; иные грабили, другіе забирали полонъ, при чемъ освободили полоняниковъ изъ Москвы, Рязани, Лягвы, Вятки, Устюжны, Перми и др. городовъ; вокругъ всей Казани были зажжены посады; многіе изъ жптелей сдавались въ плѣнъ, а многіе запирались съ своимъ богатствомъ въ мечетяхъ («въ храмѣхъ своихъ») и тамъ погибали въ пламени. Когда посады сгорѣли, усталые ратники отступили отъ города и переѣхали на Коровничій островъ, гдѣ стояли семь дней. Сюда прибѣжалъ изъ Казани одинъ изъ русскихъ плѣнниковъ и сообщилъ, что царь Ибрагимъ, на ранней зарѣ, придетъ на нихъ со всей землей своей: съ Камской, Сыплинской, Костяцкой, Бѣловоложской, Вотяцкой и Башкирской, по водѣ и по сушѣ. Тогда воеводы отдѣлили молодыхъ людей съ большими судами и приказали имъ стать на островѣ Ириховѣ и не ходить въ узкое мѣсто Волги, а сами приготовились къ оборонѣ; тѣ не исполнили приказанія и—вышли на судахъ въ узкое мѣсто; татарская конница начала стрѣлять по нимъ, но молодежь отстрѣлялась; судовая же татарская рать пошла на главные, хотя и не многочисленныя силы,—но татары были отбиты и преслѣдуемы до Казани. Изъ-подъ Казани воеводы возвратились на Ириховъ островъ къ большимъ судамъ, куда прибылъ изъ Нижняго-Новгорода и главный воевода Беззубцевъ, узнавшій, что, вопреки приказу великаго князя, рати подступали къ Казани. Отсюда Беззубцевъ послалъ къ великому князю съ извѣстіемъ о случившемся подъ Казанью, а также, по повелѣнію великаго князя, послалъ къ Вяткѣ наказъ, чтобы вятчане шли къ Казани ратью, на что давалось имъ сроку три съ половиной недѣли. Теперь вятчане отговаривались уже не тѣмъ, чѣмъ предъ княземъ Ярославскимъ: «Когда пойдутъ подъ Казань, сказали они, братья великаго князя, тогда пойдемъ и мы». Беззубцевъ ждалъ три съ половиной недѣли и ничего не дождался; ждалъ еще столько же, но ни отъ великаго князя воеводъ (кн. Ярославскаго и Сабура), ни отъ вятчанъ вѣстей не было; а въ кормѣ для конницы уже чувствовался недостатокъ: они шли «изгономъ», а потому не могли захватить съ собой достаточно корму. Оставалось идти назадъ, въ Нижній-Новгородъ. Такъ и сдѣлали. — На другой день по уходѣ съ о-ва Ирихова, воеводы встрѣтили вдову Касима, Ибрагимову мать, которая сообщила имъ, что великій князь отпустилъ ее

со всѣмъ добромъ и съ честію къ сыну и что уже никакого лиха между ними не будетъ, а будетъ только добро. Это-то обстоятельство, вѣроятно, и заставило великаго князя отдать, какъ мы видѣли уже, приказъ не подступать къ Казани... Воеводы, между тѣмъ, прибыли на Звѣничъ островъ и въ слѣдующій воскресный день, отслушавши литургію, только-что хотѣли садиться за обѣдъ, какъ на нихъ напали казанцы; московскіе ратники прогнали ихъ на противоположный берегъ, съ котораго конные татары, въ свою очередь, заставили русскихъ отплыть къ своему берегу, куда опять устремились судовые татары и—опять были отбиты. Въ такихъ стычкахъ прошелъ весь день. Но возвратимся къ той рати, которая шла отъ Вятки къ Казани... Получивши ложное извѣстіе отъ одного татарина, что Беззубцевъ ушелъ изъ-подъ Казани, заключивши миръ съ Ибрагимомъ, кн. Ярославскій съ устюжанами поплылъ изъ Камы къ Нижнему-Новгороду. Истинное положеніе дѣлъ открылось только тогда, когда онъ увидѣлъ, что передъ Казанью Волга была заграждена татарскими судами. Но, волей-неволей, не смотря на громадное неравенство силъ, русскіе рѣшились пробиться сквозь татарскія суда. Битва была жаркая: рѣзались не на животь, а на смерть; схватывались руками и бились, душили другъ-друга въ объятіяхъ, какъ въ рукопашномъ бою. Тутъ особенно отличился кн. Василій Ухтомскій: онъ бѣгалъ по связаннымъ судамъ съ ослопомъ (дубиной), и уложилъ множество татаръ. Много полегло русскихъ, но не менѣе и татаръ,—все-таки устюжане пробились въ открытую рѣку и приплыли въ Н.-Новгородъ. Отсюда они били челомъ великому князю о жалованьи: два раза великій князь присылалъ имъ по золотой деньгѣ, но эти деньги они отдавали бывшему съ ними попу Ивану, чтобы онъ молился Богу о государѣ и его воинствѣ; въ третій разъ великій князь прислалъ имъ разныхъ съѣстныхъ и др. припасовъ: муки, масла, стрѣлъ, луковъ и пр. — Всѣ эти походы нельзя назвать удачными по ихъ результатамъ: положительнаго изъ нихъ ничего не вышло, такъ какъ дѣло ограничивалось только обоюднымъ истребленіемъ людей и опустошеніемъ земель. Вѣроятно, въ надеждѣ достигнуть болѣе существенныхъ результатовъ, великій князь, весной **1470 г.**, опять послалъ на Казань судовую рать. Въ этомъ походѣ участвовали братья великаго князя, Юрій и Андрей большой и Василій Михайловичъ верейскій; съ ними шли воеводы: Иванъ Юрьевичъ Патрикѣвъ, Даниилъ Димитріевичъ Холмскій и Федоръ Давидовичъ. Къ Казани князья подошли сентября 1-го: татары вышли изъ города и—произошла небольшая стычка, послѣ которой казанцы бѣжали и заперлись въ городѣ, а русскіе окружили Казань и отняли воду. Только тогда Ибрагимъ заговорилъ о мирѣ и добилъ челомъ на всей волѣ великаго князя. Но изъ лѣтописей не видно, въ чемъ заключалась

эта воля; правда, Ибрагимъ долженъ былъ выдать всѣхъ русскихъ плѣнниковъ, взятыхъ казанцами въ послѣднія 40 лѣтъ⁴⁰⁴).

Однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ дѣлъ княженія Ивана III было присоединеніе Великаго Новгорода къ Московскому княжеству наравнѣ и одинаковыхъ правахъ съ другими присоединенными къ Москвѣ княжествами. Предшественникъ Ивана далъ почувствовать новгородцамъ, къ чему ведетъ ихъ разномысліе съ великимъ княземъ и неисполненіе воли послѣдняго. Новгородцы ясно должны были видѣть, что стремленіе великихъ князей къ уничтоженію новгородскихъ вольностей чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе будетъ усиливаться. Нужно было искать исхода: или помириться съ требованіями великаго князя московскаго и рано или поздно слиться съ Москвой, или искать средствъ къ сохраненію своихъ вольностей. Одними собственными средствами Новгородъ, разумѣется, не могъ противостоятъ Москвѣ: нужно было искать сильнаго союзника. Ни тверскій, ни — тѣмъ болѣе — рязанскій князья не могли ему помочь уже только по своимъ отношеніямъ, въ какихъ они находились къ московскому князю; большая часть удѣловъ присоединена къ Москвѣ — здѣсь тоже нельзя было искать опоры; братья великаго князя сидѣли пока смирно на своихъ удѣлахъ... Куда же обратиться? Подъ бокомъ былъ сильный, сравнительно, сосѣдъ — король польскій и великій князь литовскій; къ нему-то партія, не желавшая подчиненія Москвѣ, и обратилась. Но была другая партія, тянувшая къ Москвѣ. Отъ вражды этихъ двухъ партій нестроеніе въ Новгородѣ еще болѣе усилилось, особенно къ концу 70-хъ годовъ. Все предвѣщало Новгороду что-то недоброе: суевѣрный народъ вполне убѣжденъ былъ въ этомъ послѣднемъ — на это указывали знаменія: сильная буря сломила крестъ на св. Софій; на двухъ гробахъ явилась кровь; у Спаса на Хутынѣ корсунскіе колокола сами звонили; въ женскомъ монастырѣ великомчц. Евѣиміи изъ очей пр. Богородицы на иконѣ слезы исходили... Но возвратимся къ политическимъ событіямъ. И такъ, въ Новгородѣ было двѣ партіи, московская и литовская; но такъ какъ послѣдняя была сильнѣе, то «грубости» противъ великаго князя чинились безъ стѣсненій. Эти грубости лѣтописъ начинаютъ перечислять съ того, что новгородцы вообще отступили отъ старицы: перестали держать имя великихъ

404) Ibid. IV, 132—133, 149; V, 274—275; VI, 188—190; VIII, 155—158; XV, 497; Ник. VI, 13; Архангел. 147. Года здѣсь перепутаны, событія перемѣшаны. — Великій князь приказалъ главному воеводѣ Безубицеву оставаться въ Нижнемъ-Новгородѣ и только небольшими отрядами изъ охотниковъ тревожить татаръ по обѣимъ сторонамъ Воаги, не подступая къ Казани. Это распоряженіе вышло, кажется, потому, что царевичъ Касимъ, по почину котораго начата эта война, въ то время умеръ, и жена его, Ибрагимова мать, взялась уладить дѣло къ обоюдному удовольствію сторонъ (Карамзинъ).

государей—князей честно и грозно; дѣла господарскаго по землѣ не исправляя, пошлѣны не отдавали; зѣмли и воды, отъ которыхъ, по старинѣ, по суду отступились въ пользу великаго князя, опять забрали себѣ, и людей на этихъ земляхъ приводили къ крестному цѣлованію на имя Господина Великаго Новгорода. Дерзость этой партіи, наконецъ, дошла до того, что намѣстникамъ и великокняжескому послу «лаяли и безчествовали», и, вообще, надъ людьми великаго князя чинили насилія; на земляхъ, порубежныхъ съ великокняжескими, отчпнаиъ братьевъ великаго князя и ихъ людямъ «многу пакость чинили». Наконецъ, и это самое важное, противная Москвѣ партія хотѣла отдаться королю Казимиру, государю латинской вѣры, а это значило измѣнить православію. Въ Москвѣ, конечно, очень хорошо знали объ этомъ, но Иванъ Васильевичъ, — хотя и не надѣялся на исправленіе Новгорода до окончательнаго подчиненія его Москвѣ, — тѣмъ не менѣе, счелъ за нужное сначала подѣйствовать на новгородцевъ мѣрами вразумленія: великій князь писалъ новгородскому владыкѣ о томъ, что польскій король еще отцу его Василию не однажды предлагалъ принять митрополита Григорія, а ему, владыкѣ, самому извѣстно, откуда пришелъ этотъ Григорій и къ кому поставленъ: «онъ пришелъ изъ Рима, отъ папы, и поставленъ въ Римѣ же бывшимъ цареградскимъ патріархомъ Григоріемъ, который повиновался папѣ съ осьмага собора»; далѣе великій князь напоминалъ владыкѣ о томъ, что онъ, владыка, далъ московскимъ митрополитамъ (Іонѣ, Θεодосію и Филиппу) обѣтъ—не приступать къ Григорію, не отступать отъ митрополита московскаго; наконецъ, Иванъ Васильевичъ предупреждаетъ владыку, что если Григорій начнетъ подсылать къ нему или къ новгородцамъ съ какими-нибудь рѣчами или письмами, то чтобъ онъ, владыка, поберегся и внушилъ своимъ духовнымъ дѣтямъ, чтобъ они не вѣрили Григорьеву посланію и рѣчей его не слушали. И къ новгородцамъ великій князь обращался съ увѣщаніями, чтобъ «никоторого лиха не учинили... жили бы по старинѣ», — но не исправлялась его отчина—Новгородъ Великій! — Приѣхалъ въ Москву посолъ отъ Новгорода, посадникъ Василій Ананьинъ, и правилъ великому князю посольство о своихъ новгородскихъ земскихъ дѣлахъ, а о грубости и несправленіи новгородскомъ «ни одного слова покорна не правилъ», и на вопросъ бояръ объ этомъ такъ отвѣчалъ: «О томъ В.-Новгородъ не мнѣ приказалъ, объ этомъ мнѣ не наказано». Великому князю «велики грубно стало», что новгородцы о своихъ земскихъ дѣлахъ хлопочутъ передъ нимъ, быють ему челомъ, а о своихъ грубостяхъ забываютъ. Все-таки онъ весьма сдержаннымъ показалъ себя и теперь: онъ приказалъ Ананьину сказать отчинѣ его, великаго князя: «Исправьтесь, моя отчина, сознайтесь, а въ земли и воды мои, великаго князя, не вступайтесь,—имя мое, великаго князя,

держите честно и грозно по старинѣ, а ко мнѣ посылайте бить челомъ по докончанью: васъ, свою отчину, жаловать хочу и въ старинѣ держу». Съ этимъ онъ и отпустилъ посла, «возвѣщая своей отчинѣ, что ему уже не въ пстерьпѣ, болѣ того имъ терпѣти не хочетъ ихъ досады и непокорьства». Но великій князь хорошо видѣлъ, что Новгородъ зашелъ черезъ-чуръ далеко, что отчина его разнуздалась, и не было надежды, чтобы она исправилась отъ увѣщаній,—а потому послалъ сказать псковичамъ, что если новгородцы не исправятся, то они, псковичи, были бы готовы идти съ нимъ на Новгородъ. Псковичи извѣстили объ этомъ новгородцевъ. Между тѣмъ 8-го ноября **1471 г.** умеръ новгородскій владыка Іона. Черезъ нѣсколько дней по его кончинѣ въ Новгородъ прибылъ испрошенный у Казимира князь Михаилъ Олельковичъ. Въ то же время новгородцы бывшего у нихъ князя Василя Шуйскаго-Гребенку послали на Двину, въ Заволочье, въ заставу, опасаясь нападенія на эту землю великокняжескихъ ратей. Съ прибытіемъ Олельковича партія литовская хотя и усилилась, тѣмъ не менѣе московскихъ намѣстниковъ не тревожили, и относительно нареченнаго владыки дѣло пошло по старинѣ. На мѣсто Іоны избранъ былъ Теофилъ, архіепископскій ризничій, и его нужно было посвятить: обратились не въ Литву, а въ Москву. Посолъ Никита Савинъ просилъ митр. Филиппа и мать великаго князя печаловаться предъ послѣднимъ, чтобы великій князь далъ опасъ на проѣздъ въ Москву для посвященія вновь избранному на мѣсто Іоны Теофилу: великій князь гнѣвъ свой къ новгородцамъ отложилъ и опасныя грамоты далъ. Между тѣмъ, въ Новгородѣ Олельковичъ приступилъ къ дѣлу: онъ, по сказанію одной лѣтописи, предлагалъ Марѣ Борепкой, вдовѣ посадника Исаака, стоявшей во главѣ литовской партіи, одного пана въ женихи, съ которымъ она могла бы отъ имени Казимира заправлять всѣми дѣлами Новгородской земли. Олельковичъ, впрочемъ, не долго пробылъ въ Новгородѣ (съ небольшимъ 4 мѣсяца): въ ту же зиму онъ ушелъ въ Кіевъ, гдѣ умеръ княжившій тамъ братъ его Семень. По дорогѣ онъ пограбилъ Русу и всѣ мѣста новгородскія до самой литовской границы. Но и съ отъѣздомъ его партія литовская продолжала дѣйствовать энергично: къ ней присталъ архіепископскій ключникъ Пимень, одинъ изъ бывшихъ кандидатовъ на архіепископскую кафедру; когда жребій палъ на Теофила, Пимень все-таки не терялъ надежды быть архіепископомъ: такъ какъ онъ завѣдывалъ архіепископской казною, то имѣлъ теперь возможность распоряжаться ей по своему усмотрѣнію: онъ много передалъ денегъ Марѣ на привлеченіе людей въ свою партію, а также и на пропаганду по избранію его въ архіепископы,—его не стѣсняло то обстоятельство, что уже избранъ Теофилъ. Этотъ послѣдній непременно хочетъ ѣхать на поставленіе въ

Москву. Но есть еще митрополитъ, въ Кіевѣ. Пимень и говорилъ Марѳѣ и ея клеветамъ: «меня хоть въ Кіевъ пошлите, я и туда поѣду на поставленіе». Но, должно быть, ужъ черезъ-чуръ грубо и нахально дѣйствовали Пимень, и притомъ нарушая старину, по которой избранный жребіемъ считался указаннымъ отъ Бога: Пимена схватили и мучили, казну его разграбили и, кромѣ того, съ него взыскали еще 1000 рублей. Между тѣмъ нареченный архіепископъ, воздерживая новгородцевъ отъ ихъ увлеченій и не видя съ ихъ стороны исправленія, хотѣлъ уйдти въ свою монастырскую келью, но новгородцы не пустили его, хотя, въ то же время, продолжали свое дѣло. Въ эту-то пору и пришло извѣстіе отъ псковичей о томъ, что имъ приказано быть на-готовѣ въ случаѣ надобности къ походу на Новгородъ. Это еще болѣе раздражило литовскую партію: новгородская голь, подкупленная приверженцами Литвы, кричала на вѣчахъ: «За короля хотимъ!» а въ приверженцевъ Москвы, когда тѣ начинали говорить, бросала камни. Съ королемъ Казимиромъ заключенъ былъ договоръ, по которому Новгородъ сохраняетъ всѣ свои вольности. Великій князь еще разъ хотѣлъ вразумить новгородцевъ, — онъ послалъ къ нимъ Ивана Ѳеодоровича Товаркова съ такими рѣчами: «чтобы отчина его отъ православья не отступали, а лихую бы мысль у себе изъ сердца отложили, а къ латынѣству бы не приставали, а ему бы челомъ били да къ нему исправилися; а онъ, великій государь, жалуетъ васъ и въ старинѣ держитъ». Митрополитъ, въ свою очередь, также посылалъ въ Новгородъ увѣщательную грамоту. Но все было напрасно!... Великій князь собралъ совѣтъ, на которомъ рѣшено было смирить Новгородъ оружіемъ. Прежде всего Иванъ Васильевичъ послалъ на Двину, въ Заволоцкую землю, на новгородскіе пригороды и волости, воеводъ своихъ, Василья Ѳеодоровича Образца и Бориса Матвѣевича Слѣпаго-Тютчева съ устюжскими, вятскими и вологодскими ратями; въ концѣ мая въ Новгородъ послана была разметная грамота, а псковичамъ приказано было сложить къ Новгороду крестное дѣлованіе; воеводой къ псковичамъ назначенъ кн. Шуйскій. Въ собственно Новгородскую землю великій князь отправилъ прежде всего (за недѣлю до Петрова поста) десятитысячную рать съ воеводами Даниломъ Дмитріевичемъ Холмскимъ и бояриномъ Ѳеодоромъ Давидовичемъ; онъ приказалъ имъ идти къ Русѣ и по дорогѣ все предавать огню и мечу; ратямъ братьевъ своихъ приказалъ идти изъ своихъ вотчинъ разными путями къ самому Новгороду; кн. Ивану Стригѣ приказано идти съ царевичевыми татарами вверхъ по Метѣ. Въ Москвѣ, на время похода, великій князь оставлялъ сына Ивана, брата Андрея меньшаго и царевича Муртозу, сына Муштафы, съ его князьями и казаками, «на что ся гдѣ пригодитъ ему на каково дѣло»; съ собой онъ бралъ братьевъ: Юрія, Андрея большаго и Бориса, а

также Михаила Андреевича верейскаго съ сыномъ его Васильемъ и Касимова сына, царевича Даньяра, съ его князьями и казаками; наконецъ, бралъ дядка своей матери, Степана Бородатого, знатока лѣтописей, на случай, если бы пришлось обличать новгородцевъ въ ихъ измѣнахъ и неправдахъ. — Иванъ Васильевичъ выступилъ изъ Москвы 20-го іюня, а 23-го былъ уже въ Волокѣ; на Петровъ день онъ пришелъ въ Торжекъ; сюда прибыли и воеводы тверскаго князя, кн. Юрій Андреевичъ дорогобужскій и Иванъ Никитичъ Жито; сюда же пришли псковскіе послы съ извѣстіемъ, что псковичи сложили къ Новгороду крестное цѣлованіе; великій князь приказалъ псковичамъ немедленно выступать въ походъ... Между тѣмъ къ Новгороду ни откуда не являлось помощи: Казимиръ занять былъ своими дѣлами; обращались къ Ордену, но напрасно; надежда на то, что пути къ Новгороду, — особенно весной и лѣтомъ, — отъ множества рѣкъ, озеръ, болотъ и лѣсовъ — непроходимы, также не осуществилась: лѣто 1471 года было до того сухое, что рѣки обмелѣли, болота высохли, такъ что московскія рати нигдѣ не встрѣчали препятствій. По дорогѣ московскіе воины все плѣнили, все предавали огню и мечу; только татарамъ, какъ иновѣрнымъ, великій князь запретилъ брать въ плѣнъ жителей, такъ какъ походу придавался до извѣстной степени характеръ религіозный... Когда московскія передовыя рати уже далеко проникли въ Новгородскую землю, новгородцы отправили къ великому князю посла просить опасу, но въ то же время противъ передоваго московскаго войска выслали рать. Князь Холмскій и Ѳеодоръ Давидовичъ, опустошивъ все по пути къ Русѣ, сожегши эту послѣднюю, пошли далѣе и остановились на Коростынѣ между Ильменемъ и Русою. Не ожидая нападенія новгородцевъ, москвичи вели себя безпечно. Вдругъ появилась новгородская рать, и московскіе полки, наскоро вооружившись, быстро двинулись на встрѣчу новгородцамъ, и многихъ изъ нихъ побили, а многихъ взяли живьемъ; этимъ послѣднимъ рѣзали носы, уши, губы, и въ такомъ видѣ отпускали въ Новгородъ; забранные у новгородцевъ доспѣхи бросали въ рѣку или жгли. Послѣ этой битвы воеводы опять повернули къ Русѣ, гдѣ встрѣтили болѣе сильную новгородскую рать, пришедшую р. Полою; но и эта рать была побита, о чемъ послано было извѣстіе къ великому князю съ Тимошеемъ Замыщкимъ. Отъ Русы воеводы пошли — было къ Демону, но великій князь приказалъ имъ идти за Шелонь на соединеніе съ псковичами, а подъ Демономъ приказалъ стоять кн. Михаилу Андреевичу верейскому съ сыномъ его Василиемъ. Между тѣмъ новгородцы, узнавши о пораженіи своихъ ратей, не пали духомъ: отправивъ къ великому князю другаго посла, посадника Луку Клементьевича, они организовали новую рать, тысячъ въ тридцать, противъ Даніила Холмскаго и Ѳеодора Давидовича; конница пошла

сухимъ путемъ, а пѣхота — озеромъ въ р. Шелонь. Враги встрѣтились на берегахъ Шелони 14-го іюля: сначала происходили незначительныя перестрѣлки съ берега на берегъ и перебранки; новгородцы, по извѣстіямъ нѣкоторыхъ лѣтописей, вели себя гордо, посылали ругань на счетъ московскаго войска и даже «на самаго государя великаго князя словеса нѣкая хульная глаголаху, яко пси лаяху». Нѣчто подобное могло быть, потому что, надѣясь на свою многочисленность, новгородцы могли думать, что московское войско, при своей сравнительной ничтожности, не посмѣетъ даже и въ бой вступить. Не смотря, однако, на неравенство силъ, московскіе воеводы рѣшились на битву: быстро москвичи перебрались на другую сторону рѣки и ударили на новгородцевъ; новгородскіе воины, въ числѣ которыхъ находились такіе люди, которые не имѣли никакого понятія о ратномъ дѣлѣ, какъ гончары, плотники и пр., не умѣя владѣть оружіемъ, пришли въ страшное замѣшательство, суетились, какъ пьяные, не знали, что дѣлать, и, наконецъ, обратились въ безпорядочное бѣгство, бросая по дорогѣ копья, щиты и доспѣхи; они бѣжали и тогда, когда уже ихъ перестали преслѣдовать: имъ все слышался побѣдный ясакъ (лозунгъ) великокняжескихъ ратниковъ: «Москва! Москва!» Новгородцы многихъ потеряли въ этой битвѣ: многіе пали на мѣстѣ сраженія, многіе потонули въ Шелони, 1700 человекъ взято въ плѣнъ. Невѣроятно только, будто съ московской стороны убитъ только одинъ. Между трофеями, доставшимися великокняжескимъ воеводамъ, была и договорная грамота Новгорода съ королемъ польскимъ и тотъ, кто писалъ эту грамоту. Какъ первую, такъ и втораго отправили къ великому князю съ боярскимъ сыномъ Иваномъ Васильевичемъ Замятней. Великій князь находился тогда въ Яжолбицахъ. Воеводы извѣщали его о рѣшительной побѣдѣ надъ новгородцами. Теперь Холмскій свободно шелъ далѣе до самой нѣмецкой границы, до Наровы. Въ то же время Демонъ сдался Михаилу Андреевичу верейскому. — Изъ Яжолбицъ великій князь 24-го іюля пришелъ въ Русу и здѣсь, возмущенный полученной имъ договорной грамотой Новгорода съ Казимиромъ, «всполѣся на лукавыя новгородци» и рѣшился строго наказать взятыхъ въ плѣнъ въ Шелонской битвѣ. Тамъ сложили свои головы: сынъ Марѳы Димитрій Исаковичъ Борецкій, недавно возведенный великимъ княземъ въ санъ московскаго боярина и бывший посадникомъ, — Василій Губа, Еремѣй Сухощокъ и др. Нѣкоторые изъ посадниковъ, тысяцкихъ, бояръ и житѣихъ людей, какъ Василій Казимеръ и 50 его лучшихъ товарищей, отосланы въ оковахъ въ Москву, а оттуда въ Коломну въ тюрьму; иныхъ разослали по разнымъ отрядамъ войскъ («по станомъ»), гдѣ ихъ «въ крѣпости зѣло держаша»; «мелкихъ людей» приказано отпускать въ Новгородъ. Отсюда великій князь двинулся къ устью Шелони, на Ильмень, куда

прибыль 27-го іюля.—Между тѣмъ отъ воеводъ, посланныхъ на Двину, получено было извѣстіе, что кн. Василій Шуйскій-Гребенка, соединившись съ заволоцкими, двинскими и корельскими людьми, бился съ ними на водѣ и на сушѣ, но войска его были разбиты и самъ онъ, еле живой отъ ранъ, взятъ былъ своими людьми и поспѣшно увезенъ въ Холмогоры (откуда потомъ онъ ушелъ въ Новгородъ); земля Двинская приведена была подъ руку великаго князя. Въ то же время оставленный въ Москвѣ Андрей меньшей задумалъ попользоваться въ этой войнѣ добычей: онъ послалъ съ Вологды воеводу своего Семена Ѳедоровича Сабура на р. Кокшенгу: Сабуръ повоевалъ многіе погосты и села и возвратился домой съ большимъ полономъ. — Побѣды великокняжескихъ войскъ сплотили на этотъ разъ всѣхъ новгородцевъ «во едину мысль»: сначала они думали еще сопротивляться, не смотря на страшное пораженіе ихъ ратей на Шелони; они ждали посла, отправленнаго къ Казимиру чрезъ Ливонію, но посолъ, возвратившись, заявилъ, что магистръ ордена не пропустилъ его въ Литву; ко всему этому открылась измѣна: нѣкто Упадышъ заколотилъ желѣзомъ 55 пушекъ, за что и былъ казненъ. Все-таки новгородцы думали сопротивляться: выжгли окрестные посады, церкви, монастыри, учредили безсмѣнную стражу и т. п. На ихъ бѣду, отъ многочисленнаго стеченія въ городъ окрестныхъ жителей, почувствовался сильный недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ; народъ винилъ тѣхъ, которые прогнѣвали великаго князя; самые приверженцы Литвы пали духомъ. Наконецъ, какъ уже сказано, всѣ пришли «во едину мысль»: отправили къ устью Шелони, къ великому князю, нареченнаго архіепископа, архимандритовъ, игуменовъ и многихъ лучшихъ людей ходатайствовать за Новгородъ: послы сначала просили бояръ, эти — братьевъ Ивана Васильевича, чтобы ходатайствовали за Новгородъ; допущенные къ великому князю, они молили его: «Смилуйся о своей отчинѣ, уложи своего гнѣва, меча своего поуйми, огонь въ земли угаси, грозы своеѣ утиши, землю свою, господине, поукроти, старины въ земли не изруши, дай свѣта видѣти, безотвѣтныхъ людей пожалуй, смилуйся, какъ ти Богъ положить на сердци». Братъ великаго князя также печаловались за Новгородъ, и по ихъ печалованью великій князь «гнѣвъ свой (съ) сердца имъ сложилъ, и нелюбіе свое имъ отдалъ, и мечъ свой унялъ и грозу свою въ земли удержалъ»; плѣнныхъ отпустилъ безъ окупа, «а войнамъ и грабежамъ учинилъ дерть и погребъ всему» (все предано забвенію). По мирному договору новгородцы должны были уплатить великому князю за свою вину 15,500 новгородскихъ рублей (около 80 пудовъ серебра), которые должны были быть выплаченными въ разные сроки, отъ 8-го сентября до Пасхи; возвратить прилегающія къ Вологдѣ земли: берега Пинеги, Мезени, Немьюги, Выи, Поганой Суры,

Плпы горы, мѣста, уступленныя Василю Темному, а потомъ отнятыя ими; обязались платить великому князю «черную дань», а митрополиту — судную пошлину, — ставить архіепископовъ только въ Москвѣ, не сносясь съ польскимъ королемъ и Литвой, не принимать къ себѣ князя Можайскаго, сыновей Шемяки и Василя боровскаго, отмѣнять вѣчевыя грамоты, верховную судебную власть оставить за великимъ княземъ, не составлять судныхъ грамотъ безъ утвержденія великаго князя. Иванъ Васильевичъ, по этому договору, утвержденному крестнымъ дѣлованіемъ, возвратилъ Новгороду Торжокъ и послѣднія завоеванія въ Двинской землѣ. Вслѣдъ затѣмъ новгородцы должны были примириться и съ псковичами. . . Угостивши Θεофила и его спутниковъ, великій князь отпустилъ ихъ и тогда же послалъ въ Новгородъ боярина Феодора Давидовича для приведенія гражданъ къ присягѣ. Устроивши такимъ образомъ дѣла, великій князь возвратился въ Москву 1-го сентября; свои семейные, бояре и граждане, наконецъ митрополитъ съ духовенствомъ передъ Кремлемъ встрѣчали великаго князя при радостныхъ кликахъ. Распуская рати, Иванъ Васильевичъ нѣсколько задержалъ царевича Данияра: честилъ и дарилъ его, такъ какъ у него новгородцы убили 40 татаръ «въ заговѣ», и, наконецъ, отпустилъ его въ Мещеру. Братья великаго князя: Юрій, Андрей и Борисъ разъѣхались по своимъ отчинамъ «велми ополонившеса, и людіе ихъ, серебромъ, и конми и порты». Точно также и Михайлъ Андреевичъ верейскій съ сыномъ Василиемъ возвратился прямо въ свою отчину, тоже «велми ополонившеса», кромѣ того, что съ г. Демона онъ взялъ окупъ въ 100 новгородскихъ рублей. Мѣсяца черезъ три съ небольшимъ (въ декабрѣ) въ Москву пріѣхалъ Θεофилъ и былъ посвященъ въ архіепископы. По окончаніи обряда, онъ съ амвона смиренно просилъ великаго князя объ освобожденіи томлящихся въ оковахъ знатныхъ новгородцевъ, и просьба его была удовлетворена ⁴⁰⁵).

Новгородъ, какъ извѣстно, на востокъ владѣлъ громадными землями, каковы Вятка и Пермь (древняя Біармія). Самоуправленія въ этихъ земляхъ онъ не нарушалъ, такъ какъ онѣ важны были для него, главнымъ образомъ, въ торговомъ отношеніи. Но теряя мало по малу свою самостоятельность, Новгородъ терялъ и свои колоніи. Мы видѣли, что Василій Васильевичъ, смиривъ въ **1456 г.** Новгородъ, въ слѣдующіе два года направлялъ удары

405) Ibid. III, 141—142; IV, 127—128, 133, 150, 235—236, 239—240, 242; V, 35—36, 275; VI, 3—5, 8—15, 191—194; VIII, 159—169; Ник. VI, 17—20, 26—27; Акты Ист. I, № 280—281; Ак. Арх. Эксп. I, №№ 87, 90—94; Опытъ трудовъ Вольн. Росс. Собр. I, 219 (гдѣ напечатанъ списокъ бояръ, въ числѣ которыхъ значится и Димитрій Борецкій).—Для защиты Новгорода изъ уѣздовъ его собрано было много народу; послѣ замиренія эти люди, въ числѣ 9000 человекъ, осенью возвращались по домамъ въ 180 судахъ, но во время бури погибли въ Ильменѣ.

свои на новгородскую колонію — Вятку, которую и покорилъ. Теперь сынъ его, еще болѣе смиривши Новгородъ, устремляется также на другую колонію Новгорода, на Пермь, дѣйствуя какъ будто по плану и примѣру отца. Пермская земля была важна по мѣновой торговлѣ драгоценными мѣхами; кромѣ того, она богата была такъ называемымъ закамскимъ серебромъ, изъ-за котораго ссорился съ новгородцами Иванъ Калита... Изъ договора 1471 г. видно, что Пермь была въ числѣ новгородскихъ владѣній, хотя въ церковномъ отношеніи зависѣла отъ Москвы. Но Ивану Васильевичу нужно было подчинить ее Москвѣ и въ политическомъ отношеніи. При заключеніи договора въ 1471 г. Пермь, въ числѣ другихъ новгородскихъ волостей, складываетъ крестное цѣлованіе къ Новгороду и переходитъ къ великому князю. Но пермичи, кажется, предпочитали почему-то Новгородъ Москвѣ, и такимъ образомъ послѣдней приходилось брать этотъ край съ оружіемъ въ рукахъ. Въ 1472 г. за пермичами оказалось «неисправленіе» — они обидѣли чѣмъ-то нѣкоторыхъ москвичей, и великій князь ухватился за этотъ случай: зимой названнаго года онъ послалъ на Пермь воеводу Ѳедора Пестраго, который, пришедши къ устью Черной рѣки на Ѳоминой недѣлѣ, отправился далѣе на плотахъ до селенія Афаловскаго, а отсюда на коняхъ — къ г. Искору, отпустивши другаго воеводу, Гавріила Нелидова, на низъ: на Урость, Чердынъ и Почку, на тамошняго князя Михаила. Не доходя до Искора, Пестрой встрѣтился съ пермичами на р. Колвѣ, разбилъ ихъ и взялъ въ плѣнъ воеводу ихъ Качаима; затѣмъ взяты были Искоръ и др. города съ ихъ воеводами. На устьѣ Почки (впадающей въ Колву) Пестрой срубилъ городокъ и засѣлъ въ немъ съ плѣнными. Такъ же успѣшно шли дѣла и у Нелидова. Изъ срубленнаго городка Пестрой и Нелидовъ привели всю Пермскую землю подъ власть великаго князя; отсюда же Пестрой отправилъ въ Москву и знаки побѣдъ своихъ: кн. Михаила, плѣннаго Нелидовымъ, воеводъ, 16 сороковъ соболей, соболю шубу, почти 30 поставовъ сукна, три панцыря, шлемъ и двѣ булатныхъ сабли ⁴⁰⁶).

Въ связи съ дѣлами новгородскими было нашествіе на Русь, въ томъ же 1472 г., хана Ахмата.

406) Ibid. IV, 133, 150; VI, 190, 194; VIII, 150, 169; Продолж. Нест. 177; Ак. Арх. Эксп. I, № 93—94. Однако въ Перми и послѣ того оставались еще свои, туземные князья; послѣдняго изъ нихъ, Матвѣя Михайловича, великій князь, въ 1505 г., взялъ въ Москву, а въ Пермь послалъ намѣстника, кн. Василия Ковра изъ стародубскихъ (см. Архангел. лѣт. 209—210). — Великій князь получилъ извѣстіе о покореніи Перми 26-го іюня. — Карамзинъ говоритъ (въ текстѣ), что въ договорѣ 1471 г. Пермь включена была въ число новгородскихъ владѣній... Напротивъ, изъ приводимыхъ (въ примѣчаніяхъ) имъ же грамотъ видно, что Пермь складываетъ крестное цѣлованіе къ Новгороду, такъ какъ, по договору, она отходитъ, въ числѣ другихъ волостей новгородскихъ, къ великому князю.

Какъ мы видѣли, готовясь къ борьбѣ съ Иваномъ Васильевичемъ, новгородцы возлагали большія надежды на помощь Казимира. Но Казимиръ, къ несчастію ихъ, самъ былъ занятъ дѣлами на западѣ по поводу избранія сына его на чешскій престолъ. Тѣмъ не менѣе польскій король, для отвлеченія Ивана Васильевича отъ Новгорода, хотѣлъ поднять на Москву татаръ: онъ послалъ въ орду бывшаго у в. кн. московскаго въ холопахъ Кирея, изъ литовскихъ татаръ, который перебѣжалъ къ Казимиру и пользовался особеннымъ его довѣріемъ. Еще въ концѣ 1470 г. онъ отправленъ былъ къ хану съ дарами; тамъ онъ успѣлъ подарками привлечь на свою сторону ханскихъ вельможъ, пресмыкался предъ ханомъ, оговаривалъ московскаго князя, побуждая его идти на Москву съ ордой—съ одной стороны, между тѣмъ какъ польскій король пойдетъ съ другой. Но беспокойное положеніе дѣлъ въ самой ордѣ не позволяло хану сдѣлать рѣшительнаго шага: цѣлый годъ онъ держалъ Кирея, кочуя верстахъ въ пятидесяти отъ Сарая, который въ это время разграбленъ былъ вятчанами. Между тѣмъ какъ Иванъ Васильевичъ уже разсчитался съ Новгородомъ, Ахматъ отправилъ съ Киреемъ своего посла къ Казимиру съ извѣстіемъ, что онъ немедленно начнетъ войну съ московскимъ княземъ ⁴⁰⁷). Дѣйствительно, 30-го іюля 1472 г. Ахматъ двинулся къ русской границѣ, ведя съ собой и московскаго посла, Григорія Волнина, присланнаго къ нему великимъ княземъ для мирныхъ переговоровъ. Иванъ Васильевичъ отправилъ пока къ Окѣ боярина Феодора Давидовича съ коломенской ратью, Даніила Холмскаго, кн. Оболенскаго—Стригу и братьевъ своихъ. Не доходя до русской границы, ханъ оставилъ своихъ женъ, а также старыхъ, больныхъ и малолѣтнихъ, и, продолжая путь къ литовской границѣ, подошелъ къ г. Алексиному ⁴⁰⁸). Узнавши объ этомъ, великій князь и самъ съ царевичемъ Даньяромъ отправился въ Коломну... Въ Алексинѣ воеводой былъ Семенъ Беклемишевъ. Такъ какъ городъ не успѣли привести въ оборонительное положеніе—тамъ не было ни пушекъ, ни самострѣловъ, ни пицалей, — то великій князь приказалъпустить осаду (гарнизонъ). Между тѣмъ какъ Беклемишевъ въ это время хлопоталъ о посулѣ отъ алексинцевъ, которые давали ему пять рублей, а онъ требовалъ шестаго для жены,—татары неожиданно подступили къ городу: воевода бѣжалъ съ женой и слугами за Оку; татары бросились за нимъ, но не успѣли перехватить его. Въ это время на берегъ Оки пришелъ

407) Ibid. VI, 193; Ник. VI, 33; Карамз. VI, 34 и относящееся сюда прим.

408) Въ Новгородской 4-ой (IV, 150) сказано: «подшодъ (Ахматъ) близъ Руси ста, остави царицъ и старыхъ и болныхъ и малыхъ и поиде съ проводники не путьма» и т. д. Въ Сосійской 2-ой (VI, 195) и др. лѣтописяхъ о томъ же: «и подшедъ близъ Руси остави у Царици (?) старыхъ и болныхъ и малыхъ».

Василій Михайловичъ Удалой, кн. верейскій, съ небольшимъ отрядомъ и такъ успѣшно повелъ дѣло, что татары не могли перебраться чрезъ Оку. Вскорѣ подошли сюда съ большимъ количествомъ войскъ кн. Юрій Васильевичъ — изъ Серпухова, братъ его Борисъ — съ Козлова брода со всѣмъ дворомъ своимъ, а вслѣдъ за ними пришелъ съ великимъ полкомъ великаго князя воевода Петръ Федоровичъ Челядининъ. Не успѣвши переправиться чрезъ Оку, Ахматъ приказалъ идти на приступъ къ городу; но тутъ много погнбло татаръ. Не смотря на то, что у алексинцевъ не было никакихъ средствъ къ оборонѣ, они рѣшились защищаться до смерти, а потому когда татары зажгли городъ, они предпочли лучше погибнуть въ пламени своихъ жилищъ, нежели отдаться въ руки врага. Съ болью на сердцѣ смотрѣли съ другой стороны Оки князья и ратные люди на гибель города и гражданъ его, но помочь имъ не могли, потому что въ этомъ мѣстѣ Ока очень глубока и переправа чрезъ нее была невозможна. Между тѣмъ множество русскихъ полковъ и особенно князь Юрій Васильевичъ своей особой («понеже бо имени его трепетаху») навели на татаръ и самого Ахмата нѣкоторый страхъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе отъ своихъ соплеменниковъ, служившихъ великому князю, узнали, что на берегъ собрались еще не всѣ войска: князь великій съ большими силами стоитъ подъ Ростиславлемъ, царевичъ Даньяръ съ татарами стоитъ въ Коломнѣ, кн. Андрей Васильевичъ большой съ царевичемъ Муртозой, сыномъ царя казанскаго, стоитъ въ Серпуховѣ. Кромѣ того, Ахматъ опасался, чтобы татарскіе царевичи, служащіе великому князю, не напали на орду и не забрали бы въ полонъ его царицъ. Эти обстоятельства заставили хана бѣжать отъ Алексина. Есть еще извѣстіе, что въ войскѣ Ахмата открылась моровая язва, и это обстоятельство заставило его удалиться въ свои улусы. Ушелъ и великій князь. Онъ прибылъ въ Москву 23-го августа и скорѣ отправился въ Ростовъ, куда, ради безопасности, уѣхала его мать передъ приходомъ къ Алексину Ахмата, и тамъ заболѣла. Въ сентябрѣ Иванъ Васильевичъ, какъ и младшіе братья его, возвратился изъ Ростова въ Москву къ похоронамъ брата Юрія Васильевича... Конечно, вслѣдствіе того, что Казимиръ поднималъ на Русь Ахмата, хотя самъ и не выступалъ противъ великаго князя, въ **1473 г.** послана была рать къ Любутску, которая повоевала только окрестныя волости, но городу ничего не сдѣлала. Жители Любутской волости отплатили за этотъ набѣгъ москвичей тѣмъ, что напали на кн. Семена Одоевскаго, который и былъ убитъ въ бою... Что касается Ахмата, то, кажется, съ достовѣрностью можно сказать, что слишкомъ черезъ годъ послѣ его прихода къ Алексину между нимъ и Иваномъ Васильевичемъ былъ заключенъ миръ: лѣтописи передають, что лѣтомъ **1474 г.** изъ орды пришелъ въ Москву Никифоръ Басенковъ

съ посломъ отъ Ахмата, Каракучукомъ; съ послѣднимъ была свита изъ 600 человекъ, которыхъ — по замѣчанію лѣтописи — кормили, какъ это обыкновенно бывало съ посольствами; кромѣ того, съ посломъ пришло 3200 купцовъ съ конями и разными товарами; коней было съ ними 40,000 головъ ⁴⁰⁹).

Мы только-что упомянули о смерти Юрія, — онъ скончался 12-го сентября **1472 г.** Юрій Васильевичъ женатъ не былъ, а потому въ духовномъ завѣщаніи своемъ, отказавъ нѣкоторыя движимыя вещи матери своей, братьямъ и сестрѣ, княгинѣ рязанской Аннѣ, не сдѣлалъ никакого распоряженія относительно городовъ своего удѣла: Дмитрова, Можайска и Серпухова. Великій князь взялъ эти города себѣ и тѣмъ, естественно, возбудилъ въ братьяхъ зависть. Чтобы нѣсколько успокоить ихъ, онъ далъ Борису Вышгородъ, Андрею меньшому — Тарусу, а Андрея Васильевича углицкаго, кажется, болѣе всѣхъ недовольнаго старшимъ братомъ, успокоила мать, давъ ему свой городокъ Романовъ. Для того, чтобы старшіе по немъ братья, Андрей и Борисъ, не претендовали въ будущемъ на удѣлъ или на долю въ удѣлѣ Юрія, великій князь, въ этомъ смыслѣ, заключилъ съ ними договоры въ **1473** году ⁴¹⁰).

Въ отношеніяхъ великаго князя къ ордѣ такъ же, какъ и къ западной Европѣ, небезосновательно приписываютъ важное значеніе женитьбѣ его на греческой царевнѣ Софіи, дочери морейскаго деспота Ѳомы Палеолога, племянницѣ послѣдняго греческаго императора Константина Палеолога. Такъ какъ этотъ бракъ состоялся въ годъ нашествія Ахмата, то, слѣдую хронологическому порядку изложенія событій, мы и перейдемъ къ изложенію этого акта, важнаго не только въ жизни Ивана III, но и Руси вообще.

Въ **1467 г.** апрѣля 22-го скончалась первая супруга Ивана Васильевича, «христіюбиваа, добраа и смиреннаа» Марья Борисовна, дочь Бориса

409) П. С. Р. Л. IV, 133, 150—151, 224; VI, 31—32, 195, 198, 278; VIII, 173—175, 180; Ник. VI, 45—48, 55. Въ Архангел. лѣт. разсказывается, что Ахматъ, отошедши уже отъ Алексина версты двѣ, полюбоществовалъ у одного изъ русскихъ плѣнныхъ, почему это такъ мало полону, между тѣмъ какъ алексинцевъ сгорѣло немного. Плѣнный, выговоривши себѣ у хана свободу, открылъ секретъ: по его словамъ, болѣе 1000 человекъ съ имуществомъ скрылись въ тайникѣ, ведущемъ къ рѣкѣ. Ахматъ воротился, полонилъ всѣхъ скрывавшихся въ тайникѣ, а открывшаго этотъ секретъ отпустилъ на волю. — Г. Карповъ («Исторія борьбы Моск. госуд-ва съ Польско-Лит.» II, 2), по нашему мнѣнію, неосновательно говоритъ, что походъ къ Любутску имѣлъ цѣлю вмѣшательство въ дѣла служебныхъ князей: на это нѣтъ данныхъ. Нападеніе на Любутскъ скорѣе можно объяснять мстью за то, что Казимиръ подстрѣкалъ Ахмата къ нападенію на Русь.

410) С. г. г. и д. I, № 96, 97—98 (договоръ съ Борисомъ 13-го февраля 1473 г.), 99—100 (съ Андреемъ углицкимъ 14-го сентября).

Александровича, в. кн. тверскаго. То обстоятельство, что покойница распухла до того, что покровъ опущенными къ низу краями едва не достигалъ до самаго тѣла, подало поводъ къ толкамъ о томъ, что великая княгиня умерла отъ «смертнаго зеля»⁴¹¹⁾. Узнали, что Наталья, жена дьяка Алексѣя Полуектова, «печалованіемъ» котораго ярославскіе князья отдали свои вотчины⁴¹²⁾ великому князю (въ **1463 г.**), посылала съ женой подьячаго поясъ великой княгини къ какой-то бабѣ (конечно, знахаркѣ). Великій князь до того «восполѣся» за это на Полуектова, что шесть лѣтъ не пускалъ его къ себѣ на глаза. Года черезъ два по смерти великой княгини началось сватовство великаго князя. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ папѣ, который надѣялся, при посредствѣ этого брака, распространить свою духовную власть и на Московское государство. Въ **1469 г.** февраля 11-го въ Москву пріѣхалъ изъ Рима грекъ Юрій отъ кардинала Виссаріона съ письмомъ, въ которомъ предлагались великому князю услуги — устроить бракъ его съ царевной Софіей. Въ письмѣ говорилось, что искателями руки этой царевны были, будто бы, король французскій и герцогъ миланскій, но Софія отказала имъ изъ преданности къ православію. Великій князь взялъ «словеса сіа въ мысль», посоветовался съ митрополитомъ, матерью и боярами и 8-го марта отправилъ къ папѣ Павлу и кардиналу Виссаріону фрязина Ивана, бывшаго въ Москвѣ монетчикомъ, который долженъ былъ посмотреть царевну. Посолъ передалъ папѣ и кардиналу то, что ему наказано было. Царевна согласилась на бракъ, и Иванъ фрязинъ отпущенъ былъ папой, который наказалъ послу, чтобы великій князь прислалъ за царевной бояръ своихъ, для которыхъ выданы были опасныя грамоты на проѣздъ въ Римъ и обратно. Января 17-го **1472 г.** великій князь отправилъ того же Ивана фрязина въ Римъ, гдѣ должно было совершиться обрученіе, причемъ посолъ долженъ былъ представлять лице жениха, т. е. великаго князя. Фрязинъ возвратился въ Москву съ портретомъ царевны («царевну на иконѣ написану принесе»). Въ то же время въ Москву прибылъ другой фрязинъ, Антонъ, съ письмомъ отъ папы Павла II, который увѣдомлялъ великаго князя, что послы его за царевной Софіей могутъ безпрепятственно ходить по землямъ католическимъ, т. е. зависящимъ въ церковномъ отношеніи отъ папы. Великій князь отправилъ къ папѣ посла, который прибылъ туда въ маѣ мѣсяцѣ, а іюня 24-го Софія уже выѣхала изъ Рима въ сопровожденіи кардинала Антонія и большой свиты изъ грековъ. Чрезъ Любекъ на кораблѣ Софія прибыла, 21-го сентября **1473 г.**, въ Ревель (Колывань), откуда

411) П. С. Р. Л. IV, 149; V, 272, 274; VI, 186; VIII, 152; VI, 3. По Соф. второй она умерла 25-го апрѣля, по всемъ другимъ — 22-го.

412) Ibid. IV, 149.

выѣхала 1-го октября и 11-го того же мѣсяца чрезъ Дерптъ прибыла въ Псковъ. Пробывъ здѣсь нѣсколько дней, Софія отправилась въ Новгородъ, откуда выбыла въ Москву въ концѣ октября. Вездѣ будущую великую княгиню встрѣчали торжественно, угощали, дарили, какъ, напримѣръ, въ Псковѣ, гдѣ ей подарили 50 рублей. Въ началѣ ноября Софія подъѣзжала къ Москвѣ, гдѣ великокняжескій дворъ находился въ нѣкоторомъ смущеніи: дѣло въ томъ, что предъ сопровождавшимъ царевну кардиналомъ несли *крыжъ* (католическій крестъ) на високомъ древкѣ, каковое обстоятельство могло смущать православный народъ. Великій князь совѣтовался по этому поводу съ матерью, боярами и братьями: одни говорили за, другіе—противъ этой церемоніи. Иванъ Васильевичъ послалъ спросить объ этомъ митрополита, и этотъ послѣдній заявилъ, что даже близко къ городу нельзя подпускать легата въ преднесеніи крыжа, что если легатъ, предшествуемый крыжемъ, войдетъ въ одни ворота, то онъ, митрополитъ, выйдетъ изъ города въ другія. Великій князь послалъ къ легату боярина Ѳедора Давидовича съ требованіемъ, чтобы тотъ спряталъ крестъ; легатъ сначала не хотѣлъ-было исполнить этого требованія, но скоро уступилъ: крестъ положенъ былъ въ сани. Болѣе противился въ данномъ случаѣ Иванъ фрязинъ, которому въ Римѣ оказаны были большія почести, почему и онъ хотѣлъ, чтобы на Руси точно также оказаны были почести папѣ и его послу. Но требованіе великаго князя было исполнено. Ноября 12-го Софія въѣхала въ Москву, и въ тотъ же день совершенъ былъ обрядъ вѣнчанія. Затѣмъ легатъ приступилъ къ выполненію конечной цѣли своего посольства — привлеченію Московскаго государства къ уніи. На разсужденія по поводу соединенія церквей митрополитъ выставилъ какого-то книжника Никиту Поповича; впрочемъ, съ легатомъ говорилъ и митрополитъ, но особенно помянутый Никита. По извѣстіямъ лѣтописей легатъ былъ въ большомъ затрудненіи во время спора и, въ концѣ концовъ, сказалъ: «Сомною нѣтъ книгъ», другими словами—онъ отказался отъ прѣнній⁴¹³). Бракъ на греческой царевнѣ имѣлъ весьма чувствительное вліяніе на Русь: съ одной стороны завязались болѣе частыя сношенія съ Западной Европой, откуда выходятъ на Русь разные мастера и художники, — съ другой стороны — понятія о верховной власти, какъ самодержавной и какъ хранительницѣ чистоты православія, какъ бы преемственно переходятъ отъ греческихъ императоровъ на великаго князя московскаго.

413) Ibid. III, 242; IV, 130, 132, 151, 244—246; V, 36; VI, 16, 32, 196—197, 278; VIII, 154—155, 169, 173, 175—177; Ник. VI, 7—8, 49—51. По Новгор. четвертой и Соф. второй Софія пріѣхала въ Россію въ 1472 г.

Въ связи съ приѣздомъ Софіи въ Москву находится дѣло грека Тревизана. Иванъ фрязинъ, при первомъ возвращеніи изъ Рима на Русь черезъ Венецію, сказался въ послѣдней великимъ московскимъ бояриномъ, почему и былъ любезно принятъ венеціанскимъ дожемъ, Николоемъ Троно. Этотъ послѣдній, зная о близкихъ отношеніяхъ Москвы къ татарамъ, задумалъ отправить чрезъ Москву посла къ хану Золотой орды, котораго хотѣлъ склонить къ нападенію на турецкаго султана. Венеціанскій посоль, Иванъ Тревизанъ, долженъ былъ вручить великому князю грамоту и дары отъ дожа и просить себѣ проводника къ хану Ахмату. Но Иванъ фрязинъ уговорилъ посла не давать ни грамоты, ни даровъ великому князю, обѣщая, что и безъ великаго князя онъ устроитъ все, что тому нужно для путешествія въ орду. А между тѣмъ онъ представилъ великому князю Тревизана, какъ венеціанскаго купца и своего племянника. Обманъ ихъ скоро открылся, и великій князь приказалъ заковать Ивана фрязина въ цѣпи и сослать въ Коломну, жену и дѣтей его взять подъ стражу, а Тревизана предать смертной казни. Едва могли умолить великаго князя легать и бывшіе съ нимъ греки, чтобы онъ пощадилъ посла и снесся по этому дѣлу съ венеціанскимъ дожемъ. Тревизанъ, тѣмъ не менѣе, до времени содержался подъ стражей во дворѣ Никиты Васильевича Беклемишева. Узнавши объ участи своего посла, венеціанскій дожъ просилъ великаго князя освободить Тревизана и отправить его къ хану, снабдивъ всѣмъ необходимымъ для путешествія. Иванъ Васильевичъ исполнилъ просьбу дожа и извѣстилъ его объ этомъ чрезъ посла Семена Толбузина, который, между прочимъ, имѣлъ порученіе вывезти изъ Венеціи искуснаго зодчаго. Зодчій вывезенъ былъ въ лицѣ Аристотеля Фіоравенти, который предпочелъ Россію Турціи, куда Магометъ II звалъ его для постройки султанскихъ палатъ ⁴¹⁴).

Но возвратимся къ сѣверо-западной окраинѣ Руси и посмотримъ, что дѣлается тамъ.

Новгородцамъ пока не приходило на умъ сдѣлать какую бы то ни было попытку въ смыслѣ устраненія вліянія великаго князя на Новгородъ; Псковъ хлопоталъ о церковной автономіи ⁴¹⁵),—но великій князь постоянно устранялъ эти попытки. Мы видѣли, что въ **1463 г.** Иванъ Васильевичъ удовлетворилъ просьбу псковичей относительно намѣстника; мало того: давши имъ въ намѣстники, по ихъ желанію, кн. Ивана Звенигородскаго, великій князь послалъ къ нимъ еще воеводу кн. Ѳедора Юрьевича на помощь противъ нѣмцевъ; потомъ мы видимъ этого Ѳедора Юрьевича уже

414) Никон. VI, 51—52; П. С. Р. Л. IV, 246; VI, 197 (подъ 1472 г.); VIII, 176, 179—180.

415) П. С. Р. Л. IV, 233, 243; V, 36; «Ист. Росс.» Соловьева, V, 14—15.

намѣстникомъ въ Псковѣ. Но онъ не ужился съ псковичами. Псковская лѣтопись причиною неудовольствія псковичей на Ѳедора Юрьевича выставляетъ то обстоятельство, что онъ «самъ прежде нача на Псковъ къ великому князю засылати грамоты, а самъ надъ Псковомъ творячи силно». Псковичи припомнили, какъ великій князь часто говаривалъ посламъ ихъ: «кой будетъ вамъ намѣстникъ отъ мене вамъ князь надобѣ, а язъ вамъ не стою; а того бы есте не безчествовали, которой у васъ будетъ начнетъ творити силно, то язъ вѣдаю, а васъ свою отчину жалую». И вотъ, 18-го февраля **1472** г. псковскіе послы: посадникъ Никита Ларіоновичъ и бояре, Василий Созовъ и Юрій Ивановичъ, отправились въ Москву бить челомъ великому князю о своихъ старинахъ, просить къ себѣ намѣстникомъ кн. Ивана Стригу-Оболенскаго. Узнавши объ этомъ, кн. Ѳедоръ Юрьевичъ на другой день по отъѣздѣ пословъ вышелъ на вѣче, сложилъ съ себя крестное цѣлованіе и выѣхалъ изъ Пскова. Псковичи, «всего того не радя», послали, однако, въ слѣдъ за нимъ посадника, дѣтей боярскихъ и соцкихъ съ хлѣбомъ, виномъ и медомъ, чтобы проводить его честно. Ѳедоръ Юрьевичъ, добравшись до границы, насильственно перетаскилъ псковскихъ посланныхъ за рубежъ, отнял у нихъ коней, ограбилъ ихъ и отпустилъ едва не нагими, «забывъ добра псковского и крестного цѣлованія». Весной возвратились изъ Москвы псковскіе послы и передали Пскову такой отвѣтъ великаго князя: «язъ князь великой васъ, свою отчину, о всемъ жалую, коего отъ мене къ себѣ намѣстникомъ, а къ себѣ княземъ хотите, только ко мнѣ своего боярина съ листомъ пришлите; а что князь Иванъ Стрыга, а тотъ мнѣ здѣсе у себе надобѣ». Въ концѣ того же года псковичи опять отправили посла къ великому князю, который, по случаю приближенія къ русской границѣ хана Ахмата, находился въ Коломнѣ, куда и прибылъ псковскій посолъ 1-го августа. Онъ долженъ былъ, по наказу, просить въ намѣстники кн. Ивана Бабича, или кн. Ярослава Стригу, брата Ивана Стриги, а также доложить и о томъ, что рижскій магистръ присылалъ посла для назначенія срока съѣзда, который назначенъ былъ на 8-ое сентября. Великій князь, которому Бабичъ нуженъ былъ для ратныхъ дѣлъ, назначилъ намѣстникомъ во Псковъ кн. Ярослава, а на нѣмецкій съѣздъ — боярина Андрея Тимоѣевича ⁴¹⁶). Дѣла съ нѣмцами, однако, запутывались, и псковичи опять послали къ великому князю гонца съ той же просьбой о князѣ-намѣстникѣ. Наконецъ, 19-го февраля **1473** г. Ярославъ Васильевичъ пріѣхалъ въ Псковъ, гдѣ встрѣченъ былъ съ подобающей честью и посаженъ на княженіи, цѣловавъ крестъ «на всѣхъ старинахъ псковскихъ».

416) Ibid. IV, 243—244.

Послѣ Петрова дня съѣздъ нѣмецкихъ и псковскихъ уполномоченныхъ состоялся, но хорошаго отъ этого съѣзда не вышло ничего: уполномоченные разъѣхались, «управѣ не учинивше никоея же, толко сами стерлися и по волостемъ христіане». Конецъ **1473** и начало **1474** г. прошли въ ссылкахъ псковичей съ великимъ княземъ, у котораго они просили помощи противъ нѣмцевъ. Въ Псковъ пришелъ, 30-го ноября **1474** г., съ войсками московскій воевода, кн. Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій. До его прихода въ Псковъ уже прибыло нѣсколько ратей, и послѣ прихода его также все еще подходили къ Пскову другія войска; пришли, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, князья изъ 22 городовъ, какъ-то: изъ Ростова, Дмитрова, Юрьева, Костромы и др., такъ что Пскову было «притужно отъ нихъ исперва велми: начаша бо они чинити надъ псковичи силно»; начались грабежи, тѣмъ болѣе, что въ составъ низовыхъ войскъ входило много татаръ. Вскорѣ, однако, благодаря усиліямъ кн. Холмскаго, эти беспорядки прекратились, такъ какъ доставка провіанта для войскъ и фуража для конницы приняли правильное теченіе. Что касается нѣмцевъ, то они, въ виду громадныхъ силъ, пришедшихъ на помощь Пскову, поспѣшили заключить миръ, и кн. Даніилъ Холмскій 30-го декабря выѣхалъ изъ Пскова. Великій князь ожидалъ изъ Пскова большихъ пословъ, конечно, съ благодарностью за оказанную имъ помощь, но вмѣсто того въ Москву прибылъ простой гонецъ, Григорій Бородинъ, «бити челомъ на его (великаго князя) жалованьи и на печалованіи». Этими псковичи и думали ограничиться; но 8-го апрѣля Бородинъ привезъ псковичамъ «нелюбовь и гнѣвъ» великаго князя именно за то, что не были присланы большіе послы. Вслѣдствіе этого 19-го мая къ великому князю отправился самъ намѣстникъ, кн. Ярославъ Васильевичъ, съ тремя посадниками и боярами ото всѣхъ концовъ; имъ дано было 100 рублей поминку для великаго князя; но этихъ пословъ великій князь «съ подворья спровадилъ», на очи свои не пустилъ и дару не принялъ, такъ что они, простоявъ пять дней въ полѣ въ шатрахъ, воротились въ Псковъ 23-го іюня безъ всякаго отвѣта. Однако въ-слѣдъ за послами въ Псковъ пригналъ великокняжескій гонецъ съ приказомъ, чтобы псковичи немедленно отправили пословъ къ великому князю. На этотъ разъ псковичи отправили другихъ троихъ посадниковъ и бояръ съ 150 р. поминку. Этыхъ пословъ Иванъ Васильевичъ принялъ и сказалъ имъ: «Радъ есмь отчину свою *по старинѣ* ⁴¹⁷⁾ держати, аже ми положите прежнихъ князей великихъ грамоты пошлинныя». Ноября 13-го **1475** г. въ Псковъ возвратился кн. Яро-

417) Въ лѣтописи (IV, 250) сказано: «Радъ есмь отчину свою *устроити* держати» и пр. Кажется, что С. М. Соловьевъ («Ист. Р.» V, пр. 25) совершенно вѣрно читаетъ вм. *устроити* — *по старинѣ*.

славъ Васильевичъ «и нача у Пскова просити и судъ держати не по псковской старинѣ, на ссылку вдвое ѣзды пмати, и по пригородамъ его намѣстникомъ княжая продажа пмати обоя, такоже и денги намѣстничю». Псковъ отрядилъ двухъ посадниковъ съ грамотами къ великому князю, который, разсмотрѣвъ эти грамоты, сказалъ посламъ: «то грамоты не самыхъ князей великихъ, и вы бы есте то все князю Ярославу освободили, чего у васъ нынѣ просить». Весной въ томъ же году псковичи чрезъ посла били челомъ великому князю и говорили, что требованія кн. Ярослава несогласны съ стариной, что такъ имъ нельзя жить ⁴¹⁸). Великій князь отвѣчалъ, что для рѣшенія этого вопроса онъ пришлетъ своего посла. Между тѣмъ для псковитянъ скорѣ представился случай къ болѣе близкимъ и скорымъ сношеніямъ съ великимъ княземъ: Иванъ Васильевичъ собрался въ Новгородъ «мпромъ»... «на судъ и на управу», оставивъ въ Москвѣ сына своего Ивана.

Октября 22-го **1476 г.** великій князь выѣхалъ изъ Москвы. Начиная съ Волочны, куда онъ прибылъ 5-го ноября, на всѣхъ болѣе или менѣе видныхъ пунктахъ (станціяхъ) его встрѣчали новгородцы: въ Волочнѣ нѣкоторые изъ новгородцевъ принесли великому князю жалобы «на свою же братью»; въ Рыдинѣ великаго князя встрѣтилъ новгородскій архіепископъ съ архимандритами, игуменами и новгородскими властями и поднесъ ему дары; словомъ, шествіе великаго князя въ Новгородъ, по изображенію лѣтописей, было весьма торжественное. Ноября 21-го Иванъ Васильевичъ въѣхалъ въ Новгородъ и остановился на Городищѣ; всѣ монастыри и монастырскіе дворы около города заняты были сопровождавшими великаго князя ратными людьми. Владыка распорядился доставкой «кормовъ» для двора великаго князя, — но послѣдній оскорбился тѣмъ, что архіепископъ отрядилъ для этого дѣла людей незначительныхъ, и не хотѣлъ брать кормовъ. Тогда владыка приказалъ завѣдывать доставкой съѣстныхъ припасовъ своему намѣстнику, попросилъ прощенья у великаго князя чрезъ бояръ, и великій князь нелюбье отложилъ: кормы сталъ брать. Въ тотъ же день, т. е. 21-го ноября, владыка приглашалъ великаго князя «хлѣба ѣсти къ себѣ», — но тотъ «не пожаловалъ его», а 22-го ноября у самого великаго князя были на обѣдѣ: владыка, кн. Василій Шуйскій, степенный посадникъ, многіе изъ старыхъ посадниковъ, тысяцкіе и бояре. Въ тотъ же день на Городище пришли многіе жалобщики какъ новгородскіе, такъ и изъ ближайшихъ къ Новгороду мѣстъ: одни — просить приставовъ, чтобы не быть

418) П. С. Р. Л. IV, 130, 246—250; V, 36; VI, 16, 32, 198; VIII, 178, 180; Ник. VI, 58.

ограбленными ратными людьми великаго князя, — другіе съ жалобами на своихъ же братьевъ новгородцевъ. Кромѣ того, по извѣстіямъ нѣкоторыхъ лѣтописей, долженствовали быть жалобы и на болѣе важныхъ представителей города, такъ какъ «люди житіи и моложшіи сами его призвали на тыя управы, что на нихъ насилье держать какъ посадники и великіе бояре». Но великій князь, кажется, не хотѣлъ вдругъ озадачить новгородцевъ и не скоро взялся за разборъ жалобъ: ноября 23-го Иванъ Васильевичъ вѣхалъ въ Новгородъ и встрѣченъ былъ владыкой со всѣмъ освященнымъ соборомъ и властями города; слушалъ въ храмѣ Софіи молебенъ и литургію, потомъ былъ у владыки, отъ котораго принялъ дары и послѣ обѣда, въ сопровожденіи архіепископа, воротился на Городище. Съ 24-го ноября къ великому князю начинаютъ приходиться съ разными цѣлями разные люди, какъ посадники, тысяцкіе, жити люди и пр.: одни — опять съ жалобами, другіе — «лице его видѣти» и т. п. Ноября 25-го къ нему пришли главные жалобщики. Надобно замѣтить, что послѣ 1471 г. партійныя страсти въ Новгородѣ еще не улеглись: приверженцы Литвы утѣсняли не только простой народъ, но и болѣе видныхъ представителей Новгорода, которые клонились на сторону Москвы; такъ, степенный посадникъ Василій Ананьинъ со многими боярами, какъ Селезневъ, Телятевъ, Моисей Ѳедоровъ, родственники которыхъ, въ первый походъ великаго князя на Новгородъ, были или казнены, или сосланы на «Низъ», какъ, напримѣръ, приверженцы Литвы Аеанасьевы, напали съ своими людьми на Славкову и Никитину улицы, пограбили ихъ и перебили многихъ людей; а Памфилъ, староста Ѳедоровской улицы, съ двоими изъ вышепомянутыхъ бояръ, напалъ на дворъ бояръ Полинарьиныхъ, перебилъ ихъ людей, а имѣнія пограбилъ на 500 рублей. Теперь эти обиженные явились съ жалобами къ великому князю. Иванъ Васильевичъ, давши жалобщикамъ приставовъ, обратился къ владыкѣ Ѳеофилу, тутъ же бывшему съ посадниками и боярами, съ предложеніемъ — передать Великому Новгороду, чтобъ и онъ далъ своихъ приставовъ «на тѣхъ насилниковъ». На судѣ, въ присутствіи владыки и старыхъ посадниковъ, жалобы оказались справедливыми, и великій князь, оправивъ жалобщиковъ, приказалъ схватить обвиненныхъ бояръ вмѣстѣ съ степеннымъ посадникомъ Ананьинымъ и посадить «за приставы», а менѣ виновныхъ отдать на поруки въ 1500 рубляхъ. Этыхъ послѣднихъ взялъ на поруки архіепископъ. Далѣе великій князь приказалъ схватить Аеанасьевыхъ, отца съ сыномъ, потому что они совѣтовали Новгороду отдаться за Казимира. Владыка пріѣзжалъ, 28-го ноября, на Городище къ великому князю хлопотать объ освобожденіи главныхъ виновниковъ, но Иванъ Васильевичъ, указавъ владыкѣ на ихъ крамолы, въ тотъ же день

приказалъ отправить ихъ въ Москву. Декабря 1-го владыка опять ходатайствовалъ уже за второстепенныхъ преступниковъ, взятыхъ имъ на поруки, — и великій князь удовлетворилъ просьбу владыки: отъ казни ихъ освободилъ съ обязательствомъ уплатить истцамъ убытки въ количествѣ 1500 руб. и великокняжескія судныя пошлины. Затѣмъ съ 4-го по 19-ое декабря почти ежедневно устраивались у знатныхъ новгородцевъ для великаго князя пиры, на которыхъ хозяева подносили ему богатые подарки; тѣ изъ новгородской знати, у которыхъ великій князь не успѣлъ побывать на пиру, приносили ему подарки на Городище. Подарки эти состояли изъ денегъ (напр. корабельники или двойные червонцы), золотыхъ кубковъ, рыбьихъ зубовъ, сукна, вина, меда, яблоковъ, винныхъ ягодъ и пр. Но не только знатные новгородцы, — даже купцы, житѣи люди и многіе изъ «людей молодыхъ» приносили ему дары. Великій князь, съ своей стороны, отдаривалъ «коему ждо по достоинству: отъ дорогихъ портъ (одеждъ), и отъ камокъ, и кубки и ковши серебряные, и сороки соболей, и кони». Между прочимъ отмѣтимъ изъ поднесенныхъ великому князю два подарка: а) новозбранный степенный посадникъ Тома Курятникъ и тысяцкіе поднесли ему отъ всего Великаго Новгорода 1000 рублей; б) между многочисленными подарками отъ владыки, данными имъ въ разное время, отмѣтимъ слѣдующій: 16-го января владыка пришелъ къ великому князю «съ челобитьемъ, съ половиною волостей владычныхъ и съ половиною земли отъ шти монастырей»; но великій князь взялъ только земли 6-ти монастырей, а «иные монастыри пожаловалъ, земли у нихъ не взялъ: они-де убоги, земли у нихъ мало». Въ одинъ изъ пиршественныхъ дней (12-го января) къ Ивану Васильевичу явился посолъ отъ шведскаго короля съ подаркомъ, состоявшимъ изъ бургераго жеребца, и съ челобитьемъ о возобновленіи съ Новгородомъ перемирія, срокъ которому истекъ. Великій князь, угостивъ посла (Орбана, племянника шведскаго короля Стена-Стура), приказалъ владыкѣ и В. Новгороду возобновить перемиріе на нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, послѣ болѣе чѣмъ девятинедѣльнаго пребыванія въ Новгородѣ, Иванъ Васильевичъ (26-го января) выѣхалъ въ Москву. Тяжело было это гощеніе великаго князя съ его многочисленной свитой Великому Новгороду и Новгородской землѣ! «Было отъ нихъ силно (насиліе), говоритъ лѣтописецъ, много христіанъ пограблено по дорогамъ и по селамъ и по монастыремъ и числа края нѣтъ, такоже и владыкѣ и посадникомъ и всему Новгороду кормомъ и даровы и всему сполу числа же края нѣтъ, колико золота и серебра вывезе отъ нихъ» ⁴¹⁹).

419) Ibid. III, 142—143; IV, 130, 133, 152, 250—252; VI, 16—18, 33, 200, 278, 201—205; VII, 227; VIII, 3, 181—182; Ник. VI, 62—67.

Оставимъ на короткое время дальнѣйшія событія, касающіяся Новгорода, и возвратимся къ событіямъ псковскимъ.

Мы видѣли, что псковичи хлопотали о назначеніи къ нимъ вмѣсто кн. Ярослава другаго намѣстника; они говорили, что съ Ярославомъ имъ «не мощно жити». Это было весной 1475 г. Тогда великій князь обѣщалъ прислать въ Псковъ посла своего для управы. Но вотъ, до Пскова дошелъ слухъ (въ самомъ концѣ ноября 1476 г.), что великій князь въ Новгородѣ. Немедленно изъ Пскова отправилось къ Ивану Васильевичу посольство изъ четырехъ посадниковъ, нѣсколькихъ бояръ и дѣтей боярскихъ съ подаркомъ въ 50 рублей. Великій князь, принявъ даръ, сказалъ посламъ, что отпустить ихъ, когда къ нему явится кн. Ярославъ. Въ половинѣ декабря послѣдній пріѣхалъ и, не смотря на то, что Псковъ на вѣчѣ далъ ему въ даръ 20 рублей, чтобы онъ ударилъ челомъ великому князю за Псковъ, только жаловался на псковскихъ посадниковъ и на псковичей. Иванъ Васильевичъ отвѣтилъ посламъ, что пришлетъ въ Псковъ вмѣстѣ съ кн. Ярославомъ своихъ пословъ «о всѣхъ своихъ дѣлѣхъ у (въ) срочныя дни». Послѣдніе 1-го января дѣйствительно явились и передали Пскову волю великаго князя: «чтобы есте которое будете преступили предъ княземъ Ярославомъ, и вы бы есте ему челомъ добили, тако же бы есте князю Ярославу денгу намѣстничу освободили, и ѣзды вдвое, и продажи по пригородомъ намѣстникомъ имати княжія, и нивніи судове по старинѣ, судити всякая конная, и изгородное прясло, и коневая валища, а не учинити тако, ино вѣдаетъ государь вашъ великой князь; а насъ прислалъ къ вамъ съ княземъ Ярославомъ въ пять дней отъ васъ и сѣмо и тамо съѣздити». Воля великаго князя была исполнена: кн. Ярославу на вѣчѣ дали за все сполна 130 рублей и обязались исполнить все, чего требуетъ великій князь. Посольство вмѣстѣ съ кн. Ярославомъ отправилось въ Новгородъ извѣстить великаго князя объ исполненіи его воли. Иванъ Васильевичъ, между прочимъ, благосклонно замѣтилъ псковскимъ представителямъ, что посланнымъ отъ него нужно вѣрить во всемъ такъ же, какъ и ему самому ⁴²⁰).

Послѣ такого исхода дѣла Ярославъ, естественно, началъ еще круче поступать съ псковичами: послѣдніе 15-го іюня отправили пословъ въ Москву съ «жалобною грамотою» на кн. Ярослава, вмѣсто котораго они просили кн. Ивана Александровича Звенигородскаго, а кн. Ярославъ—жаловались псковичи—«надъ всѣмъ Псковомъ чинитъ насиліе великое», какъ и его намѣстники по пригородамъ и волостямъ. Иванъ Васильевичъ обѣщалъ прислать, по этому дѣлу, своего посла «да хочетъ—великій князь—

420) Ibid. IV, 251.

съ своею отчиною съ Псковомъ судъ творити своимъ посломъ по его засылнымъ грамотамъ, а не по своимъ старинамъ, какъ его прародители держали свою отчину Псковъ». При такихъ условіяхъ псковичи должны были ожидать, что проиграютъ дѣло. И вотъ, 27-го августа они отправили въ Москву другихъ пословъ просить себѣ — за смертію князя Звенигородскаго — кн. Ивана Бабича, «кой намъ любъ», говорили они. Между тѣмъ съ наступленіемъ новаго года (2-го сентября 1477 г.) въ Псковѣ поднялось волненіе, какого не бывало ни при одномъ князѣ. Это волненіе произошло вслѣдствіе столкновенія княжеской дворни съ псковичами по самому незначительному случаю и дошло до кровавой схватки. На другой день, «вѣче поставя и князю Ярославу отрешесея», начали выпроваживать князя изъ Пскова, и о всемъ случившемся послали къ великому князю грамоту. Последнее обстоятельство поставило псковичей въ нерѣшительное положеніе: имъ хотѣлось и выпроводить кн. Ярослава, но нужно было и выждать великокняжескаго отвѣта на грамоту. Ярославъ не выѣзжалъ, «а псковичи его и проводятъ и не проводятъ еще». И та, и другая сторона ждетъ возвращенія посла. Наконецъ, 20-го сентября изъ Москвы пріѣхали два боярина съ дьякомъ. Отвѣтъ великаго князя былъ таковъ, что Ярославъ — правъ, такъ какъ онъ и теперь жалуется, какъ жаловался въ бытность великаго князя въ Новгородѣ, между тѣмъ какъ тогда псковичи на него не жаловались. Въ заключеніе послы требовали выдачи людей, осужденныхъ по пригородамъ, въ противномъ же случаѣ — говорили они — великій князь самъ все исправить. Что касается кн. Ярослава, то великій князь оставляетъ его на псковскомъ столѣ. Долго московскіе бояре добивались выдачи имъ тѣхъ людей, которыхъ намѣстники Ярослава поковали безъ суда, а псковичи самовольно расковали. Последніе не выдавали своихъ братьевъ, находя ихъ правыми; что же касается того, что Ярославъ остается у нихъ на столѣ, то они рѣшили опять послать о томъ пословъ къ великому князю, а съ княземъ Ярославомъ — говорили они — жить имъ нельзя, если онъ будетъ чинить имъ такія же насилія. Не лучше Ярослава поступали и сами послы: на рубежѣ они ограбили провожатыхъ, избили ихъ и отняли у нихъ деньги. Псковскіе послы должны были ѣхать во Владимірѣ, такъ какъ великій князь находился тогда въ этомъ городѣ. Но продержавъ три дня, великій князь отослалъ ихъ въ Москву, гдѣ опять пришлось имъ ждать четыре недѣли. Этимъ посламъ великій князь сказалъ, что такъ какъ псковичи сами нападали на дворъ его намѣстника, кн. Ярослава Васильевича, то изъ старины выступили они, псковичи, а не онъ, великій князь. Въ январѣ послы возвратились въ Псковъ, а въ февралѣ Ярославъ получилъ отъ великаго князя грамоту съ приказомъ, чтобъ ѣхалъ въ Москву съ своею женой и со

всѣмъ дворомъ и никого не оставлялъ во Псковѣ. Въ концѣ февраля Ярославъ, сложивъ крестное пѣлованіе, выѣхалъ изъ Пскова. До рубежа псковичи должны были доставлять ему кормы. Но этотъ «злосердый» князь, чтобы изубыточить псковичей, на 40 верстахъ ночевалъ пять ночей. Мало того: 18 приставовъ, которые доставляли ему кормы, на послѣднемъ станѣ онъ приказалъ схватить и перевязать, мучилъ ихъ и взялъ съ собой въ Москву. Въ слѣдъ за Ярославомъ, въ началѣ марта, отправился въ Москву псковскіе послы, которые просили себѣ князя и били челомъ о насильственно взятыхъ Ярославомъ приставахъ. Великій князь удовлетворилъ ихъ просьбу — приставовъ приказалъ освободить, а о псковскихъ дѣлахъ прислать своихъ пословъ; въ то же время онъ принялъ 100 руб. поминку отъ Пскова и отпустилъ пословъ съ честію и дарами. Лѣтописи замѣчаютъ, что во время пребыванія псковскихъ пословъ въ Москвѣ, кн. Ярославъ ни разу не бывалъ на очахъ великаго князя. Въ Псковъ назначенъ былъ на мѣстникомъ кн. Василій Васильевичъ Шуйскій, одинъ изъ тѣхъ, на которыхъ указывали сами псковичи. Такой крутой поворотъ въ отношеніяхъ великаго князя къ псковичамъ и благосклонный пріемъ, котораго удостоились псковскіе послы, надобно, кажется, объяснить тѣмъ, что великій князь готовился въ это время окончательно свести счеты свои съ Новгородомъ ⁴²¹⁾.

Послѣ перваго похода на Новгородъ, откуда главные виновники новгородскихъ возмущеній, главные противники великаго князя, приверженцы короля Казимира, были въ оковахъ выведены на «Низъ», въ Москву пріѣзжалъ (въ мартѣ 1476 г.) владыка Теофилъ съ боярами и билъ челомъ за новгородскихъ «пойманныхъ бояръ», которые «сидятъ» на Коломнѣ и въ Муромѣ. Великій князь дары отъ архіепископа принималъ, пригласилъ его со всей его свитой къ себѣ на обѣдъ, далъ ему «отпускной пиръ», — но просьбы его не исполнилъ, виновныхъ бояръ не отпустилъ ⁴²²⁾.

При общей неурядицѣ, при неопредѣленности юридическихъ отношеній въ Новгородѣ естественнымъ кажется то обстоятельство, что многіе новгородцы стали предпочитать домашнему (въ Новгородѣ) суду судъ великокняжескій. И вотъ, въ противность прежнимъ договорамъ, по которымъ великій князь не могъ судить новгородца «на Низу», т. е. въ Москвѣ, въ послѣднюю стали являться изъ Новгорода жалобщики.

Въ концѣ февраля 1477 г. въ Москву пріѣхалъ посадникъ Захарія Овиновъ за великокняжескимъ приставомъ; съ нимъ было много новгородцевъ, изъ которыхъ однимъ онъ долженъ былъ отвѣчать (на ихъ иски про-

421) Ibid. IV, 252—256; V, 37; VIII, 185.

422) Ibid. III, 143; IV, 252; VI, 18, 33, 205; VIII, 182; Ник. VI, 68.

тивъ него), а на другихъ искать. Это было до того необычайнымъ явлениемъ, что лѣтописецъ невольно замѣтилъ по этому поводу: «а того не бывало отъ начала, какъ и земля ихъ стала и какъ великіе князи учили быти отъ Рюрика».... Вскорѣ потомъ пришли въ Москву и другіе посадники, житыи люди, поселяне, черницы, вдовы «и вси преобиженѣ» въ качествѣ или истцевъ, или отвѣтчиковъ. Наконецъ, въ мартѣ владыка Теофилъ и весь Великій Новгородъ отправили къ великому князю пословъ, Назара Подвойскаго и вѣчеваго дьяка Захарію; при челобитьи эти послы, по показанію лѣтописей, намѣренно назвали великаго князя не *Господиномъ*, какъ бы слѣдовало по вѣковѣчному обычаю, а *Государемъ*. Апрѣля 24-го великій князь отправилъ въ Новгородъ посла спросить, какого *государства* хотятъ новгородцы, т. е. не желаютъ ли они имѣть великаго князя, какъ государя самодержавнаго, единственнаго законодателя и судью? Новгородцы сказали послу, что они «съ тѣмъ.... не посылавали». Еще послы не успѣли выѣхать изъ Новгорода, какъ тамъ поднялся мятежъ: бояринъ Василій Никифоровъ, оговоренный вышепомянутымъ Овиновымъ въ томъ, что, будучи въ Москвѣ, присягалъ великому князю на Великій Новгородъ, былъ изрубленъ на вѣчѣ; самъ Овиновъ,—за то, что судился въ Москвѣ,—братъ его Козьма и нѣкоторые другіе также были убиты. Новгородцы, по выраженію лѣтописи, «возбѣснѣша, яко піяніи», и начали опять кричать, что они хотятъ быть за королемъ⁴²³). Впрочемъ московскихъ пословъ держали въ чести, а отвѣтъ дали имъ въ томъ смыслѣ, что они великихъ князей государями не зовутъ, что судъ великокняжескимъ намѣстникамъ на Городищѣ—по старинѣ, что тіунамъ великаго князя у нихъ не быть и что двора Ярослава они не даютъ; въ заключеніе они говорили, что великіе князья могутъ казнить тѣхъ, которые будутъ обманно, безъ ихъ вѣдома называть великаго князя государемъ, а у себя такихъ людей они сами будутъ казнить. Но великому князю, конечно, давно уже хотѣлось быть новгородскимъ государемъ, а потому онъ и не думалъ упустить удобнаго случая привести въ исполненіе завѣтную мысль. Узнавши отъ своихъ пословъ и преданныхъ ему посадниковъ о новгородской смутѣ, Иванъ Васильевичъ представилъ новгородцевъ митрополиту, матери и боярамъ клятвопреступниками: «Я не хотѣлъ у нихъ государства, они сами съ этимъ присылали

423) Лѣтописи различно передаютъ этотъ эпизодъ: однѣ (VI, 18, 33, 205; VIII, 133; Ник. VI, 71 и сл.) говорятъ, что новгородскіе послы называли Ивана Васильевича государемъ безъ вѣдома В. Новгорода по рѣшенію владыки, посадниковъ и бояръ; остальные передаютъ только, что новгородцы, услышавъ рѣчи московскаго посла, спрашивавшаго отъ имени великаго князя, какого государства хочетъ Новгородъ, пограбили заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ посадниковъ и бояръ.

ко мнѣ, говорилъ великій князь, — а теперь заперлися въ томъ и положили на насъ ложь». Посовѣтовавшись съ матерью, братьями и боярами, онъ сталъ готовиться къ походу на Новгородъ. Онъ послалъ просить помощи у тверскаго князя Михаила; въ Псковъ послалъ Григорія Волнина поднимать и псковичей. Прослышавъ объ этомъ, новгородцы отправили къ великому князю одного изъ улчанскихъ старостъ просить объ опасной грамотѣ для пословъ; но этого старосту приказано было задержать въ Торжкѣ. 30-го сентября 1478 г. Иванъ Васильевичъ послалъ въ Новгородъ складную грамоту, а 9-го октября, оставивъ въ Москвѣ сына Ивана, выступилъ въ походъ на новгородцевъ «за ихъ преступленіе казнити ихъ войною». Вмѣстѣ съ великимъ княземъ шелъ братъ его Андрей меньшей; царевичъ Даньяръ долженъ былъ идти чрезъ Клинъ и Тверь къ Торжку, въ который шелъ и самъ великій князь чрезъ Волокъ, гдѣ обѣдалъ у брата своего Бориса. Сюда явился отъ тверскаго князя боярскій сынъ отдавать кормы по тверской отчинѣ, а на слѣдующую станцію явился князь Андрей Борисовичъ Микулинскій, чрезъ котораго тверскій князь приглашалъ Ивана Васильевича къ себѣ «хлѣба ѣсти». Октября 19-го великій князь прибылъ въ Торжокъ, гдѣ ожидали его новгородскіе посланцы съ челобитьемъ объ опасныхъ грамотахъ; тутъ же два новгородскихъ боярина просили его о принятіи ихъ на службу. 23-го октября Иванъ Васильевичъ выѣхалъ изъ Торжка, распорядившись, какимъ полкамъ какими путями идти къ Новгороду. Новгородскихъ опасчиковъ онъ приказалъ везти за собой. Къ концу пути стали опять являться новгородцы съ просьбами о принятіи ихъ въ службу: такъ, просился на службу посадникъ Григорій Тучинъ и изъ житѣихъ новгородцевъ Адрианъ Савельевъ. Ноября 8-го, въ Еглинѣ у Спаса, великій князь допустилъ на свои очи опасчиковъ, которые при челобитьѣ объ опасной грамотѣ для владыки назвали его *Государемъ*. Опасъ имъ данъ. Чрезъ два дня послѣ того явился новый опасчикъ отъ владыки и всего Великаго Новгорода и также билъ челомъ объ опасѣ, причемъ и этотъ назвалъ великаго князя *Государемъ*. Иванъ Васильевичъ чрезъ дьяка Далматова отвѣчалъ, что опасъ данъ уже прежнимъ посланцамъ. Не доходя 120 верстъ до Новгорода, на Полинахъ, великій князь урядилъ полки, гдѣ которому быть, и отсюда отпустилъ своихъ воеводъ къ Новгороду съ приказаніемъ занять Городище и монастыри, такъ какъ онъ опасался чтобы новгородцы не пожгли ихъ. 21-го ноября великій князь остановился у Николы въ Тухолѣ и отсюда послалъ во Псковъ къ намѣстнику своему, кн. В. В. Шуйскому, сказать, чтобы онъ съ псковичами выступалъ на Новгородъ и дальнѣйшихъ приказаній ожидалъ по прибытіи на устье Шелони. Ноября 23-го, когда Иванъ Васильевичъ былъ въ Сытинѣ, въ 30 вер-

стахъ отъ Новгорода, явились послы, владыка Теофилъ съ посадниками и жителями. Владыка такъ билъ челомъ: «... мечъ бы свой унялъ еси и огонь утолилъ.... Да что, господине государь, восполѣлся еси на бояръ на новгородскихъ и на Москву свелъ еси ихъ изъ Новгорода первымъ своимъ прїѣздомъ, и ты бы, господине государь князь велики, пожаловалъ — смилловался, тѣхъ бы еси бояръ отпустилъ въ свою отчину въ Великій Новгородъ....» Затѣмъ въ томъ же томѣ были челомъ посадники и жители люди, а послѣ нихъ отдѣльно посадникъ Лука Оедоровъ. Великій князь, не отвѣчая на ихъ челобитье, пригласилъ ихъ къ себѣ въ тотъ же день «ѣсти». На слѣдующій день послы были у великокняжескаго брата, Андрея меньшаго, съ дарами и были ему челомъ, чтобы онъ печаловался за нихъ предъ великимъ княземъ; затѣмъ опять были у великаго князя и были ему челомъ, чтобы пожаловалъ, велѣлъ бы поговорить съ своими боярами. На «говоркѣ» каждая категорія новгородскихъ пословъ предъявляла свои желанія, которыя въ совокупности сводятся къ слѣдующему: чтобы государь нелюбье отложилъ, мечъ свой унялъ, взятыхъ имъ новгородскихъ бояръ отпустилъ; чтобы ѣздилъ въ В. Новгородъ (чрезъ три) на четвертый годъ и бралъ по 1000 рублей; чтобы приказалъ производить судъ своему намѣстнику съ посадникомъ въ городѣ, а чего они не смогутъ управить, то государь самъ чинилъ бы управу, когда прїѣдетъ на четвертый годъ; чтобы позывовъ на Москву не было, — великокняжескіе намѣстники владычныхъ и посадничьихъ судовъ не судили бы; чтобы «мукобрыне» (?) великаго князя отвѣчали по искамъ новгородцевъ не на Городищѣ, какъ они дѣлаютъ, а въ городѣ передъ намѣстникомъ и посадникомъ, какъ это они дѣлаютъ по своимъ искамъ на новгородцевъ. Последняя просьба высказана жителями людьми. Не отвѣчая пока посламъ, великій князь въ тотъ же день (24-го ноября) повторилъ прежнее приказаніе своимъ воеводамъ — идти къ Новгороду и занять Городище и всѣ близъ города монастыри, — а на слѣдующій день онъ неопредѣленно указалъ посламъ чрезъ бояръ вообще на неисправленіе къ нему новгородское и въ частности на то, что новгородцы, назвавъ его и сына его государями, отреклись потомъ отъ этого и тѣмъ положили ложъ на нихъ, великихъ государей. Въ заключеніе отвѣта кн. Иванъ Юрьевичъ сказалъ отъ имени великаго князя: «Въсхощетъ намъ, великимъ княземъ, своимъ государемъ, отчина наша Великій Новгородъ бити челомъ, и они знаютъ, отчина наша, какъ имъ намъ, великимъ княземъ, бити челомъ».... Послы, испросивъ пристава, отправились въ Новгородъ, а великій князь, не теряя времени, съ братомъ Андреемъ меньшимъ перешелъ по льду Ильменя къ Новгороду и остановился у Троицы на Паозерьѣ, въ трехъ верстахъ отъ города. Сюда подошелъ кн. Василій Михайловичъ верейскій, а

29-го ноября пришелъ и Борисъ Васильевичъ волоцкій. Здѣсь Иванъ Васильевичъ распорядился, гдѣ какимъ полкамъ стоять, а 30-го ноября приказалъ воеводамъ отпустить по половинѣ людей въ окрестности за кормами для коней и за съѣстными припасами, но съ тѣмъ, чтобы къ 11-му декабря всѣ были на своихъ мѣстахъ. Отсюда же великій князь послалъ и къ псковскому намѣстнику съ приказаніемъ, чтобы псковичи немедленно шли къ Новгороду. Новгородцы, хотя у нихъ и не было союзниковъ, рѣшились защищаться: укрѣпили деревянной стѣной самую слабую сторону города по обоимъ берегамъ Волхова, а послѣдній заградилъ судами, клятвенно обязавшись всѣ стоять за-одинъ. Великій князь видѣлъ, что много будетъ потери въ людяхъ, если брать Новгородъ приступомъ, а потому рѣшился держать городъ въ осадѣ, чтобы голодомъ принудить новгородцевъ къ сдачѣ, а между тѣмъ, чтобы его людямъ не было недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, псковичи, по его приказу, должны были доставлять въ его станъ муку, рыбу и пр., и выслали также купцевъ для продажи московскимъ ратнымъ людямъ разныхъ товаровъ. Въ Новгородѣ, между тѣмъ, не было единодушія въ гражданахъ: меньшинство хотѣло биться съ великимъ княземъ, а большинство желало покориться ему. Вѣроятно, вслѣдствіе этого несогласія 4-го декабря опять явился къ великому князю владыка Оеофилъ съ посадниками и житыми людьми и отъ всего В. Новгорода просилъ, чтобы государь «мечъ бы свой унялъ и огонь утолилъ, а кровь бы крестьянская не лилася....» Посадники и житые просили позволенія говорить съ боярами, но послѣдніе сказали имъ то же самое, что и въ первый разъ. Съ этимъ послы и ушли. Между тѣмъ къ великому князю подошли еще ратные люди: царевичъ Даньяръ и кн. Андрей Васильевичъ большой съ тверскимъ воеводой, кн. Михайломъ Ѳедоровичемъ Микулинскимъ. Декабря 5-го къ великому князю опять явились прежніе послы и въ присутствіи троихъ братьевъ Ивана Васильевича повинились въ томъ, что они дѣйствительно наказывали Назару да дьяку Захару называть его, великаго князя, государемъ, а потомъ заперлись въ этомъ. Великій князь приказалъ отвѣтить посламъ, что если они сознались въ своей винѣ и спрашиваютъ, какому государству его, великаго князя, быть въ его отчинѣ—Новгородѣ, то быть этому государству такому же, какъ на Москвѣ. Послы просили позволенія возвратиться въ городъ и подумать о полученномъ ими отвѣтѣ. Вскорѣ послѣ того къ Новгороду подошло псковское войско, а Аристотель, по приказу великаго князя, навелъ мостъ чрезъ Волховъ на судахъ. Декабря 7-го, какъ назначено было, послы явились съ рѣчами, въ которыхъ выражали слѣдующія желанія новгородцевъ: а) чтобы великокняжескій намѣстникъ производилъ судъ вмѣстѣ съ степеннымъ посадникомъ; б) чтобы

данъ давать съ сохи по полугривнѣ; в) чтобы въ пригородахъ были намѣстники, а судъ былъ бы по старинѣ; г) чтобы великій князь не выводилъ людей изъ Новгородской земли; д) чтобы не вступался въ боярскія земли; е) чтобы не было позывовъ (къ суду) на Москву и, наконецъ, ж) чтобы не бралъ новгородцевъ на службу (военную) въ Низовскую землю, а по повелѣнію государей они будутъ оберегать свои новгородскія границы. Великій князь чрезъ тѣхъ же бояръ отвѣчалъ, что такъ какъ онъ уже сказалъ, какому его государству быть въ Новгородѣ и новгородцы признали его государемъ, то какъ же они теперь указываютъ ему, какъ ему управлять? какое послѣ того будетъ государство его? Послы отвѣчали, что они не чинятъ урока государству своихъ государей, но что они не знаютъ «низовской пошрины», какъ государи держатъ свое государство въ Низовской землѣ. Великій князь объявилъ чрезъ бояръ, какому государству его быть въ Новгородѣ, а именно: вѣчевому колоколу не быть, посаднику тоже, — а все государство держитъ великій князь; великій князь хочетъ имѣть волости и села, какъ и въ землѣ Московской; древнія великокняжескія земли, неправо присвоенныя новгородцами, отнынѣ будутъ составлять собственность великаго князя. Но и великій князь, въ свою очередь, изъ Новгородской земли людей общаетъ не выводить, въ вотчины боярскія не вступаться и судъ оставить по старинѣ. Шесть дней новгородцы думали объ этомъ государствѣ; наконецъ, 14-го декабря явились къ великому князю послы и просили того, что уже дано было Новгороду; но въ то же время, боясь, что ихъ обманутъ, просили, чтобы великій князь цѣловалъ крестъ, въ чемъ имъ было отказано; просили, чтобы цѣловали крестъ бояре или будущій намѣстникъ, и въ этомъ было отказано; просили, наконецъ, объ опасной грамотѣ, но и въ этомъ было отказано. Когда узнали объ этомъ въ Новгородѣ, то многіе опять рѣшились защищать свободу и положить свои головы за св. Софію. Но то была минутная вспышка: благоразуміе взяло верхъ, и всѣ успокоились.... Послы оставались въ московскомъ станѣ до конца декабря, а между тѣмъ новгородскій воевода, кн. Василій Шуйскій-Гребенка, сложилъ крестное цѣлованіе къ Новгороду, въ которомъ жилъ послѣ того два дня (а новгородцы, боясь великаго князя, не смѣли и слова сказать ему); потомъ онъ перешелъ на службу къ великому князю, который принялъ его съ почетомъ и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, далъ ему Нижній Новгородъ. Наконецъ, 29-го декабря послы выразили желаніе, чтобы они, если ужъ имъ отказано въ крестоцѣлованіи, «своего государя жалованье отъ устъ его слышали сами безъ высылки» (бояръ). Великій князь лично заявилъ имъ о своемъ жалованьи, и послы, поклонившись, вышли отъ него. Но бояре великаго князя догнали ихъ и передали имъ, что великій князь

требуетъ волостей и селъ, съ чѣмъ можно было бы ему держать свое государство въ Новгородѣ. Послѣ нѣкоторыхъ требованій со стороны князя и обоюдныхъ уступокъ, Иванъ Васильевичъ взялъ десять волостей владычныхъ, половину монастырскихъ и всѣ Новоторжскія, кому ни принадлежали бы онѣ. Что касается дани, то великій князь согласился брать одинъ разъ въ годъ по полугривнѣ съ сохи (= 3 обжамъ, обжа = пашущему на одной лошади) какъ въ новгородскихъ волостяхъ, такъ и на Двинѣ и въ Заволочѣ, на всякомъ, обрабатывающемъ землю. Великій князь удовлетворилъ также просьбу новгородцевъ о томъ, чтобы они сами собирали дань и отдавали, кому онъ прикажетъ, а не писцы и даньщики его, которые обыкновенно очень притѣсняютъ народъ. Затѣмъ великій князь приказалъ очистить для себя Ярославовъ дворъ и привести всѣхъ новгородцевъ къ присягѣ по напередъ составленной и просмотрѣнной новгородцами присяжной записи, причемъ великокняжескіе бояре взяли словесное обѣщаніе съ новгородцевъ — не мстить какъ своимъ собратьямъ, находящимся въ службѣ великаго князя, такъ и помогавшимъ послѣднему псковичамъ; рѣшеніе споровъ съ псковичами о земляхъ возлагалось на намѣстниковъ; пригороды, заволочане и двиняне отнынѣ должны цѣловать крестъ на имя великихъ князей, не упоминая о Новгородѣ. — Января 18-го новгородскіе бояре, дѣти боярскія и житьи люди били челомъ великому князю о принятіи ихъ къ себѣ въ службу, а чрезъ два дня (20-го января) Иванъ Васильевичъ послалъ въ Москву гонца къ матери, митрополиту и сыну Ивану съ извѣстіемъ, что онъ привелъ Великій Новгородъ «въ всю свою волю и учинился на немъ государемъ, какъ и на Москвѣ». Января 22-го Иванъ Васильевичъ назначилъ намѣстниками въ Новгородъ боярина кн. Ивана Васильевича Стригу и брата его Ярослава, приказавъ имъ «стати на своемъ дворѣ великаго князя Ярославѣ», самъ же пока не хотѣлъ въѣзжать въ Новгородъ, потому что тамъ былъ моръ на людей, и только 29-го января онъ съ троими братьями своими и Василиемъ верейскимъ слушалъ въ храмѣ Софіи литургію, послѣ которой отправился опять на Паозерье и здѣсь, съ тѣми же братьями, владыкой, новгородскими боярами и многими житиими обѣдалъ «да и пилъ съ ними»; тутъ же принималъ и дары отъ владыки. Затѣмъ, 1-го февраля великій князь приказалъ схватить купческаго старосту Марка Панфилева, на слѣдующій день — Марѳу Борецкую съ ея внукомъ Васильемъ Оедоровымъ, отецъ котораго умеръ въ муромской тюрьмѣ, — потомъ — пять человекъ изъ житиихъ, и приказалъ отправить ихъ въ Москву, а имѣнія ихъ отписать на себя. Наконецъ, Иванъ Васильевичъ приказалъ кн. Ивану Стригѣ отобрать у новгородцевъ всѣ окончательныя грамоты ихъ съ князьями литовскими и королемъ польскимъ, и крестоцѣловальную гра-

моту ихъ противъ него, великаго князя, и прибавилъ къ прежнимъ намѣстникамъ еще двоихъ: Василья Китая и Ивана Зиновьева. Передъ отъѣздомъ своимъ (17-го февраля) великій князь еще разъ слушалъ литургію у св. Софїи, угощалъ обѣдомъ владыку, бояръ и житыхъ и принималъ дары отъ перваго. Марта 5-го (1478 г.) Иванъ Васильевичъ, по извѣстіямъ литовскихъ лѣтописей, съ 300 воевъ «перелъ, злата и сребра и каменій многоцѣнныхъ», прибылъ въ Москву, а за нимъ привезенъ былъ и вѣчевой колоколъ, этотъ символъ новгородской вольности, «и вознесли его на колокольницу на площади (Успенскій соборъ) съ прочими колоколами звонити»⁴²⁴). Такъ рушилась навсегда вольность Господина Великаго Новгорода!....

Отъ Новгорода теперь намъ придется отвлечься на нѣсколько времени въ противоположную сторону.

Мы видѣли, что войны съ Казанью не имѣли почти никакихъ положительныхъ результатовъ. Только послѣдній походъ 1470 г. былъ удачнѣе предыдущихъ: Ибрагимъ добилъ челомъ великому князю на всей волѣ его. Послѣдующія событія указываютъ, однако, на то, что Ибрагимъ тяготился отношеніями къ великому князю и ждалъ только удобнаго случая къ разрыву съ нимъ. Случай этотъ, хотя и обманувшій казанскаго царя, скоро представился. По нѣкоторымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, еще ранѣе похода Ивана III на Новгородъ и въ началѣ самаго похода Ибрагимъ уже дѣлалъ нападенія на Вятку⁴²⁵). Въ 1478 г., когда великій князь былъ еще въ Новгородѣ, въ Казань пришло ложное извѣстіе, что великій князь Новгорода не взялъ, что новгородцы разбили его войска и что опъ самъ - четвертъ, израненный, бѣжалъ отъ Новгорода. Ибрагимъ хотѣлъ воспользо-ваться этимъ и двинулъ войска свои на Вятку⁴²⁶); но, получивъ вѣрныя извѣстія о паденіи В. Новгорода, приказалъ войскамъ возвратиться домой,

424) С. М. Соловьевъ («Ист. Р.» 37, пр. 20), признавая, что слово *мукобране* «до сихъ поръ еще удовлетворительно не объяснено», въ-слѣдъ за Карамзинымъ (VI, 73, 77—78, пр. 170) въ русской версіи передаетъ его словами: «великокняжескіе подданные». По вѣдъ и намѣстники были подданными великаго князя!... — Когда Иванъ Васильевичъ стоялъ подъ Новгородомъ, его воеводы воевали Заволочье, ходили за Яму до моря, въ Нѣмецкую землю — за Ругодивъ (Нарву), подъ которымъ разбили нѣмцевъ и много чуди привели въ Москву (П. С. Р. Л. IV, 261; V, 37, 220).

425) См. А. Спицына: «Сводъ лѣтописныхъ извѣстій о Вятскомъ краѣ». Вятка, 1883. Здѣсь, между прочимъ, есть указанія на печатный матеріалъ для исторіи Вятки и указаны извѣстные списки «Повѣсти о странѣ Вятской», почему эта брошюрка и цитируется здѣсь.

426) По нѣкоторымъ извѣстіямъ (Временн. II, 141) Ибрагимъ самъ напалъ на Вятку, хотя и не взялъ ея; въ Никои. (VI, 105) прибавлено, что ему поддались многіе города, а Архангел. лѣт. говоритъ, что Ибрагимъ хотѣлъ идти и на Устюгъ, но разливъ рѣки, какой-то Моломы, задержалъ его.

и тѣ съ такой поспѣшностью пустились въ обратный путь, что побросали даже котлы съ готовившимся въ нихъ кушаньемъ. Великій князь не хотѣлъ оставить этой дерзости безнаказанной и въ томъ же году двинулъ на Казань многочисленную рать подъ начальствомъ воеводъ, Василя Образца (судовая рать) и Бориса Слѣпца (онъ же Тютчевъ). Рать прибыла къ Казани въ маѣ мѣсяцѣ, и воеводы начали готовиться къ приступу, — но сильная буря съ дождемъ заставила ихъ отодвинуться къ Волгѣ. Между тѣмъ вятчане и устюжане пустошили берега Камы и забирали жителей въ полонъ. Ибрагимъ вынужденъ былъ бить челомъ великому князю и заключить съ нимъ миръ на всей волѣ его ⁴²⁷).

Года черезъ два послѣ того, большую тревогу произвело въ Москвѣ извѣстіе о походѣ хана Золотой орды на великаго князя. — Мы видѣли, что послѣ перваго нашествія Ахмата (въ 1472 г.) между Москвой и ордой состоялось нѣчто похожее на заключеніе мира: мы говорили, что въ 1474 г. съ Никифоромъ Басенкомъ приходилъ изъ орды въ Москву Ахматовъ посолье Каракучукъ, а въ 1476 г. приходилъ другой посолье, Бочука, съ свитой въ 50 человекъ; съ нимъ было до 550 гостей съ конями и разнымъ товаромъ ⁴²⁸). Съ этимъ посломъ великій князь отправилъ въ орду своего посла, Бестужева, но что ему поручено было, не знаемъ. Все это указываетъ на мирныя отношенія между Москвой и ордой, — но къ 1480 г. эти мирныя отношенія рушились. Какія же были причины этого? По нѣкоторымъ извѣстіямъ, мало, впрочемъ, вѣроятнымъ, ханъ прислалъ въ Москву пословъ съ требованіемъ дани; великій князь, въ отвѣтъ на это требованіе, взялъ *басму* (изображеніе хана въ видѣ куклы, а по другимъ — нѣчто въ родѣ портрета) или, какъ выражается Казанская лѣтопись, «пріемъ Басму лица его и поплевавъ на ню», изломалъ ее, бросилъ на землю и растопталъ ногами; затѣмъ приказалъ убить пословъ кромѣ одного, которому наказалъ передать хану, что съ нимъ будетъ поступлено такъ же, какъ съ басмою и послами, если будетъ беспокоить его, великаго князя. Едва ли Иванъ Васильевичъ, вообще весьма осторожный, могъ такъ поступить, особенно въ виду того, что Ахматъ еще не такъ былъ слабъ, что самъ великій князь — это сейчасъ увидимъ — по приближеніи хана къ русской границѣ, какъ будто трусилъ и растерялся. Другіе болѣе достовѣрнымъ признаютъ иное извѣстіе, по которому Иванъ Васильевичъ рѣшился порвать узы слишкомъ двухъ-вѣковаго рабства подъ вліяніемъ Софій, указывавшей ему на оскор-

427) П. С. Р. Л. VI, 220—221; VIII, 199; Ник. VI, 106. Тѣ же извѣстія и въ Типограф. лѣт. (Продолженіе Нест., изд. 1784) и въ Р. Временн.

428) Ibid. VIII, 183; Ник. VI, 69—70.

бительную зависимость отъ степныхъ варваровъ⁴²⁹). Но есть еще извѣстія, по которымъ Ахматъ двинулся на Москву по подстрекательству Казимира, и эти извѣстія, намъ кажется, должны считаться несомнѣнными. Не надобно забывать, что борьба Москвы съ Литовско-Польскимъ государствомъ особенно усилилась съ Ивана III, борьба на жизнь и на смерть: дѣло шло о томъ, какому изъ двухъ родственныхъ племенъ господствовать на сѣверо-востокѣ Европы!... Казимиру, какъ и всякому польско-литовскому государю, желательно было ослабить Москву и подчинить ее себѣ; но ему не удалось въ данное время отбить для себя Новгородъ отъ Москвы, и онъ старается поднять хана, чтобы одновременно напасть на Русь съ двухъ сторонъ. Ханъ согласился, и лѣтомъ 1480 г. выступилъ въ походъ. Союзникамъ сулило успѣхъ и то обстоятельство, что великій князь былъ въ то время во враждѣ съ своими братьями, Андреемъ углицкимъ и Борисомъ волоцкимъ⁴³⁰). Заслышавъ о приближеніи Ахмата, Иванъ Васильевичъ отправилъ въ Серпуховъ сына своего Ивана, брата Андрея меньшаго — въ его удѣлъ Тарусу, а прочихъ князей и воеводъ распредѣлил на разные пункты по берегу Оки, куда, по условію съ Казимиромъ, долженъ былъ идти ханъ. Но узнавши о такихъ распоряженіяхъ московскаго князя, ханъ направился къ литовской границѣ, намѣреваясь вторгнуться въ Московскую землю чрезъ р. Угру. Однако великій князь предупредилъ его: онъ приказалъ сыну и брату поспѣшить къ Калугѣ и стать на лѣвомъ берегу Угры, и тѣ прежде татаръ заняли перевозы и броды; самъ же великій князь, подчиняясь совѣтамъ нѣкоторыхъ приближенныхъ къ нему бояръ, приказавши сжечь городокъ Каширу, оставилъ войско на берегу Оки и съ кн. Ѳеодоромъ Палецкимъ отправился обратно въ Москву, гдѣ находились «въ осадѣ»: мать его, инокиня Марѳа, кн. Михаилъ Андреевичъ верейскій, кн. Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, московскій намѣстникъ, съ дьякомъ Васильемъ Мамыревымъ, — митрополитъ Геронтій и умный и энергичный владыка ростовскій Вассіанъ. Къ нимъ-то, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, и поѣхалъ Иванъ Васильевичъ «на совѣтъ и думу». Изъ приближенныхъ великаго князя одни не совѣтовали ему стоять на границѣ, указывая на примѣръ отца его, попавшагося въ плѣнъ казанскимъ татарамъ въ суздальскомъ бою; совѣтовали, напротивъ, удалиться на сѣверъ, указывая на примѣръ Димитрія Донскаго, уда-

429) Соловьевъ: «Ист. Росс.» V, 106—107; Карамз. VI, 89—90. Конечно, что-нибудь подобное разсказу о *басмѣ* было; но чѣмъ же объяснить такую храбрость и послѣдовавшую затѣмъ трусость великаго князя? Храбрость эта не была ли слѣдствіемъ внушеній Софьи? Во всякомъ случаѣ это проявленіе храбрости и трусости можно объяснить развѣ только психически или даже патологически.

430) Подробности объ этой ссорѣ будутъ изложены нѣсколько ниже.

лившагося, при нашествіи Тамерлана, въ Кострому. На этомъ настаивали его любимцы — бояре, Иванъ Васильевичъ Ощера и Григорій Андреевичъ Мамонъ; другіе же, и преимущественно владыка Вассіанъ, настаивали на томъ, что великій князь долженъ находится при войскѣ. Въ народѣ также слышался явный ропотъ на трусость Ивана Васильевича: такъ, когда великій князь пріѣхалъ (30-го сентября) съ Оки въ Москву на совѣтъ съ блюстителями послѣдней, — отдавъ приказаніе кн. Данилу Холмскому, чтобы онъ, по первому требованію изъ Москвы, ѣхалъ туда съ великокняжескимъ сыномъ Иваномъ Ивановичемъ, — народъ, перебивавшійся въ столицу изъ окрестныхъ посадовъ и селеній въ осадное сидѣнье, явно выражалъ свой ропотъ на то, что великій князь предаетъ его татарамъ, что онъ разгнѣвалъ царя неплатежемъ дани, а теперь выдаетъ ему народъ свой. Вассіанъ прямо назвалъ Ивана «бѣгуномъ». «Дай семо вои въ руку мою, говорилъ владыка, коли азъ, старый, утую лице противъ татаръ!» Поэтому, замѣчаетъ лѣтописецъ, великій князь жилъ не въ городѣ (Москвѣ), а въ Красномъ сельцѣ, «бояся гражданъ мысли злые — поиманія». Иванъ Васильевичъ послалъ къ сыну приказъ, чтобы онъ немедленно явился въ Москву, — но тотъ не хотѣлъ отъѣхать отъ войска.

Когда великій князь приказалъ Данилу Холмскому силой взять молодого князя и доставить въ Москву, — тотъ не рѣшился употребить насилие: онъ хотѣлъ подѣйствовать увѣщаніями. «Лучше здѣсь мнѣ умереть, чѣмъ ѣхать къ отцу», отвѣчалъ княжичъ на эти увѣщанія. Онъ, дѣйствительно, не лишнимъ былъ при войскѣ: такъ, вскорѣ ему удалось отбить татаръ отъ переправы черезъ Угру. — При томъ настроеніи массы и приближенныхъ къ великому князю лицъ, въ какомъ мы видѣли ихъ сейчасъ, Ивану Васильевичу неудобно было бездѣйствовать и скрываться въ Красномъ сельцѣ, а потому, готовясь отправиться къ войску, послѣ двухъ-недѣльнаго пребыванія въ Красномъ, онъ сдѣлалъ распоряженіе относительно защиты нѣкоторыхъ городовъ: приказалъ Поліевкту Бутурлину и Ивану Кикѣ перевести въ осаду: Дмитровцевъ — въ Переяславль, а московскіе отряды («московскихъ строевъ») — въ Дмитровъ. Тогда же охранители Москвы успѣли убѣдить Ивана Васильевича примириться съ братьями, чему, видимо, онъ и самъ былъ радъ. 3-го октября, принявъ благословеніе отъ митрополита, великій князь поѣхалъ къ войску, но съ небольшимъ отрядомъ остановился далеко отъ главнаго мѣста дѣйствія, въ Кременцѣ (на р. Лужѣ, въ 30 верстахъ отъ Медыни), а остальное войско отпустилъ на Угру... Между тѣмъ какъ сынъ и младшій братъ великаго князя, а также воеводы, успѣшно отбивали татаръ отъ берега рѣки, самъ Иванъ Васильевичъ не могъ дѣйствовать энергично, такъ какъ находился подъ вліяніемъ прибли-

женныхъ къ нему бояръ, «слушаючи злыхъ человекъ сребролюбецъ, богатыхъ и брюхатыхъ, и предателей хрестьянскихъ, а норовниковъ бесерменскихъ». Подъ вліяніемъ этихъ предателей онъ попытался вступить въ переговоры съ ханомъ: отправилъ къ нему боярина Товаркова съ дарами и челобитьемъ, «прося жалованья, чтобы отступилъ прочь, а улусу бы своего не велѣлъ воевати». Ханъ даровъ не принялъ, сказавъ, что онъ пришелъ наказать своего улусника за то, что тотъ не ѣздитъ въ орду и уже девять лѣтъ не платитъ дани; къ этому царь прибавилъ, что если Иванъ самъ пріѣдетъ къ нему, то ему оказана будетъ милость. Но Иванъ Васильевичъ, опасаясь коварства, не поѣхалъ къ Ахмату. Тогда послѣдній требовалъ къ себѣ сына или брата, наконецъ — Никифора Басенка, бывшаго разъ въ ордѣ и понравившагося татарамъ за то, что онъ много давалъ даровъ. Ни того, ни другаго великій князь не исполнилъ. Между тѣмъ въ Москву дошли слухи о совѣтахъ «злыхъ бояръ» и сношеніяхъ великаго князя съ Ахматомъ. Тогда митрополитъ и троицкій игумень Паисій посылаютъ великому князю грамоты, въ которыхъ убѣждаютъ его постоять за христіанство; но особенно краснорѣчивое посланіе отправилъ къ нему владыка Вассіанъ. Эти посланія возымѣли свою силу: великій князь рѣшился постоять за христіанство. Ахмату, котораго московскіе полки успѣшно отбивали отъ берега, оставалось только дѣлать угрозы: «Дасть Богъ зиму на васъ, говорилъ онъ, и рѣки всѣ станутъ, ино много дорогъ будетъ на Русь». Между тѣмъ въ Кременецъ пришли изъ Великихъ Лукъ братья великаго князя, который принялъ ихъ съ любовію и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, «во всю волю ихъ дался», т. е., надобно полагать, согласился на всѣ, предложенныя ими, условія примиренія. Силы великаго князя, такимъ образомъ, увеличивались (есть извѣстіе, что на Угрѣ были и тверскіе полки), но онъ дѣйствовалъ по-прежнему нерѣшительно и какъ будто боялся угрозъ хана. 29-го октября, когда Угра уже стала, онъ приказалъ сыну, брату Андрею меньшому и воеводамъ отступить къ Кременцу, откуда намѣревался отступить еще далѣе, къ Боровску, и тамъ дать битву татарамъ. Это распоряженіе привело въ ужасъ ратныхъ людей, и они, полагая, что татары перебрались черезъ Угру, въ безпорядкѣ бѣжали къ Кременцу. Кажется, въ это время великій князь распорядился, чтобы жена его съ казной отправилась на Бѣлоозеро, а потомъ, если Москва будетъ взята, далѣе — «къ морю-океану». Между тѣмъ Ахматъ, видя, что берегъ опустѣлъ, предположилъ, что непріятель готовитъ ему засаду, уступая берегъ и тѣмъ вызывая его на битву, и бѣжалъ самъ отъ Угры 11-го ноября. По пути отступленія (чрезъ Серенскъ, Мценскъ и пр.) онъ пустошилъ волости своего союзника, Казимира. Одинъ изъ сыновей Ахмата, Амуртоза, при

отступленіи забрался—было въ московскія волости. Великій князь послалъ на него всѣхъ троихъ братьевъ своихъ. Амуртоза, поймавъ одного русскаго, посредствомъ пытки хотѣлъ узнать отъ него что-то о великомъ князѣ. Когда тотъ сказалъ, что великій князь очень близко, Амуртоза немедленно бѣжалъ. . . Нѣкоторые лѣтописи правдоподобнѣе передаютъ причину отступленія Ахмата отъ наступившей сильной стужи, между тѣмъ какъ «бяху татарове наги и босы, ободралися». Кромѣ того, отъ хана не укрылось, вѣроятно, и то, что силы великаго князя, по примиреніи съ братьями, увеличились, между тѣмъ какъ Казимиръ не являлся къ нему. . . Ахматъ, распустивши улановъ, самъ съ награбленной въ Литвѣ добычей ушелъ кочевать къ устьямъ Дона. Ханъ Шибанской или Тюменской орды (откуда произошли потомъ князья Тюменскіе), прельщенный этой добычей, погнался за Ахматомъ, напалъ на него соннаго и собственноручно убилъ его (это было уже въ **1481 г.** въ началѣ января), о чемъ извѣстилъ великаго князя московскаго. Иванъ Васильевичъ, убѣдившись, что Ахматъ удалился въ свои улусы, возвратился въ Москву, «и возрадовашася и возвеселишася вси люди». . . Но почему же къ Ахмату не явился на помощь Казимиръ?—Еще лѣтъ за восемь до нашествія Ахмата великій князь завелъ сношенія съ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, чтобы пользоваться Крымской ордой въ борьбѣ съ Золотой ордой и Казимиромъ; и тотъ и другой часто пересылались посольствами: между ними завязалось нѣчто въ родѣ дружбы. Предъ нашествіемъ Ахмата между ними заключенъ былъ договоръ, по которому великій князь обязался за одно дѣйствовать съ нимъ противъ Ахмата, разъ выгонявшаго Менгли-Гирея изъ Крыма, а крымскій ханъ долженъ былъ за одно дѣйствовать съ великимъ княземъ противъ Казимира. По этому договору Менгли-Гирей, при нашествіи Ахмата, напалъ на Подолію и тѣмъ отвлекъ Казимира отъ его союзника. Не можемъ не привести здѣсь еще одного извѣстія, довольно правдоподобно указывающаго на причину удаленія Ахмата отъ Угры. Въ рукахъ Ивана Васильевича были два соперника Менгли-Гиреевыхъ, два брата его, Нордоулатъ и Айдаръ, бывшіе прежде въ Литвѣ, о которыхъ великій князь говорилъ своему другу, что держатъ ихъ у себя для того, чтобы не дать имъ способовъ вредить ему; на самомъ же дѣлѣ Иванъ Васильевичъ могъ пользоваться ими, какъ орудіемъ противъ Менгли-Гирея, если бы это понадобилось. Одно изъ этихъ братьевъ, Нордоулата, и звенигородскаго воеводу, кн. Василя Ноздроватаго, великій князь послалъ съ небольшимъ отрядомъ по Волгѣ на орду, гдѣ, какъ онъ узналъ, оставались только ханскія жены, дѣти и старики. Царевичъ и кн. Ноздроватый счастливо добрались до орды, взяли Батыевъ Юртъ, награбили много добычи и съ большимъ полономъ пошли назадъ; они могли бы

въ конецъ разорить орду, но Обуязъ, уланъ Нордоулата, сталъ представлять послѣднему, что орда—ихъ общая мать, что губить ее въ конецъ не слѣдуетъ, что она уже довольно наказана ими⁴³¹). Такъ пало болѣе чѣмъ двухъ-вѣковое иго монгольское, пало въ силу такого, а не пнаго сцѣпленія обстоятельствъ, пало, можно сказать, роковымъ образомъ!..

Выше мы сказали, что новгородская вольность окончательно пала. Но могли ли новгородцы вдругъ порвать всякую связь съ прошлымъ, съ прежними своими убѣжденіями и легко помириться съ новымъ порядкомъ вещей, съ новымъ положеніемъ? Только съ нарастаніемъ новыхъ поколѣній могло наступить спокойное отношеніе къ такому положенію, въ которое они поставлены были силою обстоятельствъ. Символь ихъ вольности, вѣчевой колоколь звонилъ уже въ Москвѣ съ прочими московскими колоколами и, конечно, собиралъ народъ, но не на вѣче. Однако память о вольности жила въ сердцахъ новгородцевъ и безъ этого звона. Новгородцы опять начинаютъ сноситься съ Казимиромъ, мечтая о возвратѣ утраченной вольности. Казимиръ, съ своей стороны, сильно желалъ если не уничтожить, то обезсилить Москву, и вотъ, онъ изыскиваетъ для того средства, прибѣгая за помощью къ хану и папѣ. Какъ видно, новгородцы надѣялись на успѣхъ, потому что возстановили прежнія формы правленія. Иванъ Васильевичъ тайно узналъ отъ своихъ приверженцевъ о сношеніяхъ новгородцевъ не только съ Казимиромъ, но и съ нѣмцами. Въ 1480 г. октября 26-го, еще до нашествія Ахмата, великій князь, предупреждая противъ себя коалицію, отправился въ Новгородъ «миромъ», взявши съ собой только тысячу чело-вѣкъ, — а между тѣмъ сыну своему онъ приказалъ собирать войска и поспѣшно идти за собой. Хотя для собиранія войскъ могъ быть выставленъ и резонный предлогъ, такъ какъ нѣмцы одолѣвали тогда Псковъ, — тѣмъ не менѣе по пути къ Новгороду всюду разставлены были заставы, чтобы до Новгорода не дошла вѣсть о формированіи большой рати. Но новгородцы прослышали объ этомъ, укрѣпили городъ и рѣшились не пускать къ себѣ великаго князя, который узналъ объ этомъ, будучи уже въ Бронницахъ. Здѣсь Иванъ Васильевичъ дождался полковъ своихъ и въ самомъ началѣ

431) П. С. Р. Л. IV, 153—154; V, 231—232; VI, 20—21, 223—235; VIII, 205—213; Ник. VI, 110 и сл.; Архангел. 187; Казанск. лѣт.; Карамз. V, 98 и прим.; С. М. Соловьевъ («Ист. Р.» V, 110) какъ будто допускаетъ, что великій князь не исполнилъ требованій хана, во время переговоровъ съ нимъ Товаркова, вслѣдствіе посланія къ нему Вассіана; но посланіе Вассіана, какъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ лѣтописей (VI, 226; VIII, 208), состоялось именно вслѣдствіе сношеній великаго князя съ ханомъ. По извѣстіямъ Тверской лѣт. (стр. 498), на Угрѣ были и тверскіе полки подъ начальствомъ воеводъ, кн. Михаила Димитріевича Холмскаго (братъ извѣстнаго Даниила) и кн. Осипа Андреевича Дорогобужскаго. Странно, что всѣ другія лѣтописи молчатъ объ этомъ.

декабря подступилъ съ ними къ Новгороду, гдѣ было много приверженцевъ его, которые и начали перебѣгать къ нему. Вскорѣ новгородскій владыка прислалъ къ великому князю за опасной грамотой, — но послѣдній сказалъ, что онъ самъ опасъ для невинныхъ, и требовалъ, чтобы ему отворили ворота, — но послѣднія отворены были только послѣ продолжительной пальбы изъ орудій по городу; на встрѣчу великому князю вышли: владыка, посадникъ, тысяцкій, старосты пяти концовъ, бояре и множество народа; всѣ пали ницъ и просили прощенія. «Дая миръ всѣмъ невиннымъ, не бойтесь ничего!» сказалъ великій князь и, по обычаю, пошелъ въ храмъ св. Софій. Въ этотъ день было схвачено и пытано 50 человекъ главныхъ виновниковъ. Тогда же великій князь узналъ и объ участіи владыки въ новгородской смутѣ и о сношеніяхъ братьевъ своихъ съ новгородцами. 19-го января владыка былъ взятъ и 24-го того же мѣсяца отправленъ въ Москву и помѣщенъ въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ чрезъ шесть лѣтъ умеръ; казна его отписана была на великаго князя. Затѣмъ 100 главныхъ заговорщиковъ преданы были смертной казни и 100 семей дѣтей боярскихъ и купцовъ отправлены въ Московскую землю и разселены по разнымъ городамъ ⁴³²). Узнавши о прибытіи Ивана Васильевича въ Новгородъ, псковскій намѣстникъ, кн. Василій Васильевичъ Шуйскій, и пять посадниковъ съ боярами отъ концовъ, отправились къ великому князю съ подаркомъ въ 65 рублей; декабря 25-го эти послы возвратились въ Псковъ, а 30-го прибыли туда послы великаго князя. Въ то же время нѣмцы изгономъ напали на Вышгородъ, многихъ изъ жителей убили и многихъ повели въ полонъ, а городъ зажгли. Это было въ самомъ началѣ января, а въ концѣ того же мѣсяца нѣмцы напали на Гдовъ и пожгли вокругъ него всѣ волости и посады, но города не взяли. Псковичи отправили въ Новгородъ гонца къ великому князю съ просьбой о помощи противъ нѣмцевъ. Иванъ Васильевичъ послалъ къ нимъ воеводу кн. Андрея Никитича Ногтева-Оболенскаго со многими силами, который съ успѣхомъ выходилъ на нѣмцевъ, но скорѣ послѣ похода изъ-за чего-то разгнѣвался на псковичей и, только раздраживъ нѣмцевъ, со всѣми полками ушелъ въ Москву, не смотря на усердныя просьбы псковичей остаться у нихъ. По его отъѣздѣ нѣмцы смѣлѣе стали нападать и пустошить Псковскую землю; опять нападали на Изборскъ и близко подходили къ самому Пскову. Между тѣмъ Ноготь-Оболенскій прибылъ въ Москву съ побѣдными трофеями: онъ привезъ съ собой много добра «и головами чюди и чюдакъ и робятъ много множество безъ числа».

432) Ibid. III, 143, 183, 243; IV, 133—134, 152, 262—263; V, 38; VI, 19, 34, 221 (подъ 1479 г.); VIII, 203—204; Ник. VI, 109; Соловьевъ: «Ист. Р.» V, 44.

Великій князь, будучи еще въ Новгородѣ, получилъ извѣстіе отъ сына, что братья его, Борисъ волоцкій и Андрей углицкій, замышляютъ отступить отъ него. Братья еще давно были въ обидѣ на великаго князя за то, что по смерти бездѣтнаго Юрія Васильевича онъ взялъ удѣлъ его себѣ, ничего не давъ изъ него имъ. Еще тогда, т. е. въ 1474 г., могла возгорѣться вражда между братьями, если бы не вступилась въ дѣло мать, которая примирила сыновей. Тогда Иванъ Васильевичъ Борису далъ Вышгородъ, Андрею меньшому — Тарусу, а Андрею углицкому мать дала свой городокъ Романовъ ⁴³³). Въ настоящее же время поводомъ къ ссорѣ послужило то обстоятельство, что великій князь, въ противность договорамъ, требовалъ отъ Бориса выдачи кн. Оболенскаго-Лыка, который, будучи лишень на-мѣстничества въ Великихъ Лукахъ за лихоимство, перешелъ отъ великаго князя къ Борису волоцкому ⁴³⁴). При нашествіи Ахмата, какъ уже было замѣчено выше, братья примирились, и Андрей углицкій получилъ значительную часть удѣла, принадлежавшаго Юрію Васильевичу, именно Можайскъ, а Борису даны были села, принадлежавшія Василью Ярославичу серпуховскому ⁴³⁵). Вскорѣ по уходѣ Ахмата великій князь заключилъ съ братьями договоры, о которыхъ подробно мы говорили въ своемъ мѣстѣ ⁴³⁶).

Юля 10-го 1481 г. умеръ бездѣтный Андрей меньшей Васильевичъ. Кажется, этотъ князь, бывшій во время ссоры старшихъ братьевъ на сторонѣ великаго князя, видѣлъ, что какъ бы онъ ни распорядился своимъ удѣломъ, во всякомъ случаѣ послѣдній долженъ будетъ перейти къ великому князю, а потому, для предупрежденія недоразумѣній и ссоръ между братьями, завѣщалъ свой удѣлъ старшему брату, тѣмъ болѣе, что въ разное время по разнымъ обстоятельствамъ и особенно по платежамъ ордынскаго выхода онъ задолжалъ Ивану Васильевичу, если вѣрно извѣстіе лѣтописей, 30,000 рублей—сумма громадная для того времени. Такимъ образомъ, къ великому князю переходили: Вологда, Кубена, Заозерье и пр.; дѣтямъ его отказаны были разныя драгоценныя вещи, а Василию Ивано-

433) Ibid. IV, 262—263; V, 38; VI, 19, 34—35; VIII, 203—204. О прежней ссорѣ по поводу удѣла Юрѣва см. VIII, 180.

434) Подробности см. подъ Борисомъ волоцкимъ и Андреемъ углицкимъ. — П. С. Р. Л. IV, 134, 152—153, 265; V, 39; VI, 19—20, 222 (подъ 1479 г.); VIII, 204; Ник. VI, 109—110; Акты, отн. къ ист. Зап. Росс. I, № 71. Карамз. (VI, 91), говоря объ этихъ событіяхъ, почему-то называетъ Андрея не углицкимъ, а суздальскимъ.

435) П. С. Р. Л. IV, 134, 154, 265; V, 40; VI, 21, 223 (подъ 1479 г.), 231—232; VIII, 205; Ник. VI, 112; Архангелог. 186—187.

436) С. г. г. и д. I, №№ 96, 97, 99, 106 и 110. Подробности см. подъ Борисомъ и Андреемъ Васильевичами.

вичу (будущему великому князю), кромѣ того, еще село Тонинское. Что же касается братьевъ, Андрея углицкаго и Бориса волоцкаго, то первому онъ далъ село Раменейце, а второму—Ясеновское близъ Москвы⁴³⁷⁾.

Опасность со стороны московскаго князя грозила не только удѣльнымъ князьямъ Московской земли, бывшимъ въ полномъ подчиненіи Москвѣ, но и самостоятельнымъ великимъ княжествамъ, каковы Рязанское и Тверское. Рязанское княжество было въ такомъ положеніи, что представляло изъ себя, такъ сказать, только тѣнь самостоятельнаго княжества⁴³⁸⁾, — но Иванъ Васильевичъ, по извѣстнымъ уже намъ отношеніямъ Москвы къ Рязани, не хотѣлъ трогать послѣдней, какъ бы предоставляя присоединеніе ея къ Москвѣ своему преемнику. Тверь была почти въ такомъ же положеніи. Хотя родственныя отношенія московскаго князя съ тверскимъ были и очень близки, тѣмъ не менѣе они не могли взять перевѣса надъ государственными соображеніями, надъ идеей объединенія Руси.

Еще въ годъ вступленія своего на престолъ Иванъ Васильевичъ заключилъ договоръ съ тверскимъ княземъ Михаиломъ Борисовичемъ; договоръ этотъ, можно сказать, ничѣмъ не отличается отъ прежнихъ подобныхъ договоровъ между Москвой и Тверью: оба князя за себя и за своихъ преемниковъ взаимно обязываются не принимать отъ татаръ: московскій — «домъ св. Спаса, отчину князей тверскихъ, Тверь и Кашиню», тверскій — «отчину великаго князя московскаго, Москву и В. Новгородъ»; кромѣ того, тверскій князь обязывается не сноситься съ дѣтьми Шемяки, съ можайскимъ и боровскимъ князьями, бѣжавшими въ Литву, и ни съ которымъ великокняжескимъ братомъ, который «загрубить» великому князю; оба договаривающіеся обязываются также быть за-одинъ на татаръ, ляховъ, Литву и нѣмцевъ и, вообще, на всякаго общаго недруга, — не вступаться въ отчины тѣхъ князей, которые будутъ отъѣзжать отъ одного къ другому⁴³⁹⁾. Изъ Москвы княжескихъ отъѣздовъ не было, — но изъ Твери въ Москву были: такъ, въ 1476 г. въ Москву переѣхало много бояръ и дѣтей боярскихъ; потомъ въ 1485 г., когда уже готовъ былъ обнаружиться между Москвой и Тверью полный разладъ, къ великому князю московскому пріѣхали на службу: Андрей микулинскій, получившій Дмитровъ, и Осипъ дорогубужскій, которому данъ былъ Ярославль. Въ то же время много тверскихъ бояръ отъѣхало на московскую службу, «не терпяще обиды отъ него,

437) Ibid. № 112; П. С. Р. Л. IV, 154; V, 261; V, 21, 35, 232; VIII, 213; Ник. VI, 115. По однимъ лѣтописямъ Андрей Васильевичъ скончался 5-го, по другимъ — 10-го іюля, по третьимъ — просто весной.

438) См. начало княженія Ивана III.

439) С. г. г. и д. I, № 88—89.

великаго князя (Ивана III), о земляхъ»; соприкасавшихся съ московскими: при порубежныхъ спорахъ великій князь московскій всегда старался оправдать своихъ бояръ и обвинить, хотя бы и въ ущербъ справедливости, тверскихъ. Конечно, тверскіе бояре переходили къ московскому князю въ полной надеждѣ, что онъ будетъ блюсти ихъ земельные интересы, какъ блюлъ до сихъ поръ таковыя же интересы природныхъ московскихъ бояръ ⁴⁴⁰).

Послѣ только что упомянутаго договора (1462 г.) никакихъ непріязненныхъ столкновеній между Москвой и Тверью не было. Но вотъ, Новгородъ окончательно присоединенъ къ Москвѣ, и Тверь, такимъ образомъ, оказалась окруженною съ трехъ сторонъ владѣніями московскаго князя. Тверскій князь могъ, конечно, видѣть, къ чему стремится Иванъ Васильевичъ, могъ предвидѣть, что рано или поздно покушеніе со стороны Москвы будетъ и на Тверь. Ему необходимо было заручиться сильнымъ союзникомъ, а таковымъ могъ быть одинъ только великій князь литовскій и король польскій Казимиръ. Къ нему-то, въ 1483 г., и обратился тверскій князь и заключилъ съ нимъ договоръ, «поднимая, по словамъ лѣтописи, его (Казимира) войною на Ивана Васильевича», чѣмъ нарушалъ договоръ съ послѣднимъ. Чтобы этотъ договоръ тѣснѣе соединилъ договаривающихся, тверскій князь сватался къ внучкѣ Казимира ⁴⁴¹). Въ Москвѣ узнали объ этихъ сношеніяхъ, и Иванъ Васильевичъ сложилъ съ себя крестное цѣлованіе къ Михаилу Борисовичу «за его неисправленіе». Въ 1485 г. московская порубежная рать, по приказу великаго князя, начала пустошить Тверскую землю. Изъ Литвы не приходила помощь, а одинъ тверскій князь не могъ бороться съ Москвой и потому послалъ къ Ивану Васильевичу епископа съ боярами «и доби ему челомъ на всей воли его». По заключенному послѣ того договору, тверскій князь считается по отношенію къ великому князю московскому и его старшему сыну младшимъ братомъ и приравнивается къ удѣльному князю Андрею Васильевичу, обязывается безъ думы и вѣдома великаго князя московскаго не ссылаться и не заключать договоровъ ни съ Казимиромъ и его дѣтьми, ни съ какимъ бы то ни было лицомъ, которое будетъ королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ, а также не принимать къ себѣ и не сноситься съ дѣтьми князей: можайскаго, галицкаго и боровскаго; если литовскій князь пришлетъ къ нему съ чѣмъ-нибудь, то онъ обязанъ дать знать о томъ въ Москву; наконецъ, въ случаѣ, если

440) П. С. Р. Л. VI, 237; Ник. VI, 69.

441) Ак. Зап. Росс. I, 79. Нарбутъ (VIII, 234) говоритъ, будто бы тверскій князь ѣздилъ въ Краковъ для личныхъ переговоровъ съ Казимиромъ и ссылагается, между прочимъ, на «Сборникъ» Муханова № 35 (по ошибкѣ, вм. № 33), но этотъ документъ относится къ 1486 г. и находится также въ Ак. Зап. Р. подъ № 89.

тверскому князю надобно будетъ отправлять въ орду пословъ, то онъ долженъ это дѣлать по думѣ съ ними, великими князьями московскими. Михаилъ Борисовичъ торжественно передъ посломъ московскимъ сложилъ крестное цѣлованіе къ Казимиру. Михаилу приходилось или покориться неизбежной участи — ждать, когда неминуемо Тверь поглощена будетъ Москвой, или сдѣлать еще попытку — опереться на Литву. Въ такомъ положеніи Михаилъ Борисовичъ началъ опять ссылаться съ великимъ княземъ литовскимъ. Но изъ Москвы зорко слѣдили за дѣйствіями тверскаго князя: тверскій гонецъ съ грамотой къ Казимиру схваченъ былъ москвичами. Иванъ Васильевичъ укорялъ тверскаго князя въ измѣнѣ, «велики поношая ему», какъ говорятъ лѣтописъ. Перепуганный Михаилъ отправилъ въ Москву владыку Вассіана бить челомъ великому князю, но послѣдній не принялъ челобитья; другое посольство, во главѣ съ княземъ Михаиломъ Дмитріевичемъ Холмскимъ, также не было принято великимъ княземъ. Иванъ Васильевичъ, приказавъ новгородскому намѣстнику идти со всѣми силами къ Твери, и самъ выступилъ въ походъ 21-го августа **1485 г.**: къ Твери онъ подошелъ 8-го сентября; 11-го сентября ночью Михаилъ бѣжалъ изъ города, а 12-го владыка Вассіанъ, князя, бояре и земскіе люди пріѣхали въ станъ великаго князя съ покорной головой. Сентября 15-го Иванъ Васильевичъ вѣхалъ въ Тверь и слушалъ обѣдню у св. Спаса. Многихъ князей и бояръ великій князь свелъ въ Москву «и у себя пожаловалъ, въ боярѣхъ учинилъ» и вотчины ихъ утвердилъ за ними своими грамотами, такъ что положеніе ихъ, какъ вотчинниковъ, становилось теперь болѣе прочнымъ. Тверь онъ отдалъ сыну своему Ивану, назначивъ намѣстникомъ въ нее боярина Василя Ѳедоровича Образца-Добрынскаго⁴⁴²). Впослѣдствіи (въ **1492 г.**) тверскія земли переписаны были «по-московскы въ сохи»⁴⁴³).

Но возвратимся нѣсколько назадъ, къ Пскову и Новгороду.

Мы видѣли, что въ **1480 г.**, когда Иванъ Васильевичъ былъ въ Новгородѣ, псковичи просили у него помощи противъ одолѣвавшихъ ихъ нѣмцевъ. Къ нимъ посланъ былъ тогда кн. Андрей Никитичъ Ногтевъ-Оболенскій, съ которымъ псковичи углублялись внутрь Ливоніи, сожгли на рѣкѣ Эмбахѣ г. Костеръ, въ которомъ взяли нѣсколько пушекъ; подступали къ Дерпту, осаждали его и возвратились домой съ богатою добычей. Но князь Оболенскій, по какому-то неудовольствію на псковичей, вскорѣ уѣхалъ въ

442) П. С. Р. Л. III, 143, 184; IV, 134—135, 155—156, 267; V, 43—45; VI, 22, 36, 236—237; VIII, 216; XV, 499 и сл.; Ник. VI, 120; С. г. г. и д. I, № 119—120.

443) Ibid. VIII, 223.

Москву съ своими полками, вслѣдствіе чего нѣмцы ободрились и начали дѣйствовать наступательно, а, между тѣмъ, псковскій намѣстникъ, Василій Шуйскій, не предпринималъ противъ нихъ ничего и только пьянствовалъ и грабилъ гражданъ. Августа 20-го нѣмцы подступили къ Пскову. Хотя войско ихъ состояло большею частью изъ неопытныхъ въ ратномъ дѣлѣ крестьянъ, — но громадность его привела псковичей въ ужасъ: многіе бѣжали, хотѣлъ бѣжать и кн. Шуйскій, но граждане удержали его; вели переговоры съ магистромъ о мирѣ, но напрасно; наконецъ, для ободренія себя, они обнесли вокругъ городскихъ стѣнъ одежду патрона своего, св. Довмонта, и дѣйствительно ободрились. Между тѣмъ нѣмцы на судахъ, вооруженныхъ пушками, подплыли къ берегу и пальбой хотѣли зажечь городъ: тогда псковичи дружно ударили на нихъ, смяли ихъ въ рѣку, въ которой многіе изъ нѣмцевъ потонули, а остальные ночью ушли отъ города. Псковичи ожидали новаго нападенія, а потому обратились за помощью не къ великому князю, который тогда готовился къ отпору Ахмата, а къ братьямъ его, бывшимъ съ нимъ въ ссорѣ и вышедшимъ изъ своихъ удѣловъ въ Новгородскую землю. Великій князь, счастливо отдѣлавшись отъ хапа, узналъ о враждебныхъ дѣйствіяхъ ордена, и потому приказалъ своимъ новгородскимъ намѣстникамъ со всѣми новгородскими силами прибыть въ Псковъ къ 6-му января, а изъ Москвы послать туда воеводъ, кн. Ярослава Васильевича Оболенскаго и кн. Ивана Булгака, которые прибыли въ Псковъ 11-го февраля. Соединенныя силы тремя путями пошли въ Нѣмецкую землю, взяли города Тарвасть и Вельядъ (Феллинъ?), вообще поплѣнили и пожгли нѣмецкую землю отъ Юрьева (Дерптъ) до Риги, а «Лотыголу и чухновъ.... овыхъ изсѣкоша, овыхъ пожгоша»; многіе изъ послѣднихъ бѣжали въ лѣса, но тамъ перемерзли, потому что зима въ этотъ годъ (1481 г.) была чрезвычайно сурова, а «снѣгъ челоуѣку въ пазуху». Успѣхомъ своимъ русскіе обязаны отчасти и безопасности божіихъ дворянъ, какъ лѣтописи называютъ рыцарей: не ожидая нападенія, «безъ страха и безъ боязни поганіи живяху, пива мнози варяху», замѣчаетъ лѣтописецъ. Въ 1482 г. въ Новгородъ прибыли нѣмецкіе послы съ челобитьемъ къ намѣстникамъ великаго князя и псковскимъ посадникамъ; здѣсь заключенъ былъ миръ на десять лѣтъ и договоръ скрѣпленъ крестнымъ цѣлованіемъ. Въ томъ же году, въ августѣ мѣсяцѣ, послы магистра просили у псковскаго князя Ярослава Васильевича и посадниковъ «пути къ Москвѣ», куда и ѣздили, но «не вѣмы, чего дѣля», говоритъ одна лѣтопись; кажется, однако, и тутъ дѣло шло о мирѣ; по крайней мѣрѣ, въ 1483 г. великій князь посылалъ новгородскихъ бояръ подъ Ругодивъ (Нарва), гдѣ заключенъ былъ миръ съ нѣмцами на 20 лѣтъ. Есть еще извѣстіе, что послы великаго князя ѣздили къ ливонскому ма-

гистру въ Кесъ (Венденъ), — но, говоритъ лѣтопись, «не вѣмы о чемъ» ⁴⁴⁴). Ярославъ Васильевичъ Оболенскій, прибывшій въ Псковъ въ качествѣ воеводы, кажется, тогда же остался въ немъ и намѣстникомъ; но положительныхъ извѣстій нѣтъ о томъ, когда именно онъ замѣнилъ собой Василя Шуйскаго, даннаго псковичамъ въ намѣстники въ то время, когда Иванъ Васильевичъ собирался окончательно свести счеты съ Новгородомъ. Псковичи жаловались на Шуйскаго, какъ человѣка грубаго и нетрезваго, который много чинилъ грубостей всей Псковской землѣ. Однако и при Ярославѣ не было спокойнѣе: въ **1483 г.** псковичи вдругъ возмутились, разрушили дворы у шести посадниковъ и др. лицъ, а въ **1484 г.** смерды отказались исполнять обычныя работы для города; тропхъ изъ смердовъ посадили въ тюрьму. Причиной этихъ волненій были самовольныя дѣйствія Ярослава и посадниковъ: такъ, безъ вѣдома псковичей они написали и положили въ ларь новую грамоту; тогда псковичи написали «мертвую грамоту» на посадниковъ, т. е. объявили ихъ подлежащими смертной казни; одного изъ посадниковъ, дѣйствительно, убили на вѣчѣ всѣмъ Псковомъ. Само собою разумѣется, что въ Москвѣ это не могло понравиться, и вотъ, когда въ концѣ **1484 г.** прибыли изъ Пскова послы къ великому князю о томъ, чтобъ онъ держалъ отчину свою по старинѣ, Иванъ Васильевичъ съ гнѣвомъ приказалъ: смердовъ освободить, посадниковъ откликать и имѣніе ихъ отпечатать, а у князя Ярослава просить прощенія. Только въ такомъ случаѣ великій князь обѣщалъ принять ихъ челобитье. Когда послы на вѣчѣ объявили отвѣтъ государя, черные люди не повѣрили; отправили другихъ пословъ, которые возвратились съ такимъ же отвѣтомъ, — но и этимъ посламъ не повѣрили, подозрѣвая, что они такъ дѣйствуютъ по наущенію посадниковъ, собѣжавшихъ въ Москву. Въ Москвѣ, дѣйствительно, проживали три псковскихъ посадника, которыхъ великій князь отпустилъ съ послѣднимъ посольствомъ (**1486 г.**), строго наказавъ псковичамъ, чтобъ они не смѣли «надѣлыми шкоты (вреда) никоея же учинити». Въ Псковѣ поднялось волненіе: посадники, бояре и жители хотѣли исполнить волю государя, а черные люди противились. Считая себя правыми и потому не боясь прогнѣвить великаго князя, эти послѣдніе отправили въ Москву двухъ гонцевъ изъ молодыхъ

444) Ibid. IV, 265—266; V, 41; VI, 22, 35—36, 234; VIII, 214—125; Ник. 17, 115—116, 118; Карамз. V, пр. 255 и текстъ къ нему. — Думаемъ, что подъ Вельядомъ здѣсь надобно разумѣть Феллинъ: если войска пустошили Ливонію отъ Юрьева до Риги, то на этомъ пути кромѣ Тарваста и есть только Феллинъ, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ. Щекатовъ («Словарь геогр.» VI, 677) говоритъ, — конечно, не указывая на источникъ, изъ котораго заимствовалъ это свѣдѣніе, — что Феллинъ въ первый разъ взятъ былъ войсками Ивана III въ 1482 г. 1-го марта, какъ разъ въ то время, о которомъ идетъ у насъ рѣчь.

(незначительныхъ) людей, чрезъ которыхъ они хотѣли сказать великому князю, что учинять съ смердами и посадниками такъ, какъ онъ укажетъ, а потомъ приплотъ большихъ пословъ съ челобитьемъ. Но эти гонцы убиты были разбойниками въ Тверской землѣ. Въ 1485 г. псковичи отправили въ Москву посадниковъ и бояръ съ челобитьемъ; но великій князь на ихъ челобитие «съ великою опалкою» сказалъ: «ежели вынете изъ ларя грамоту мертвую, что на посадниковъ записали и ту грамоту пришлете ко мнѣ, и смердовъ отпустите и животы ихъ отпечатаете, то я хочу васъ жаловать, какъ пригоже, ежели вы намъ добьете челомъ». На этотъ разъ псковичи въ точности исполнили приказаніе великаго князя. Это было уже въ 1486 г. Вскорѣ потомъ кн. Ярославъ Васильевичъ, посадники и бояре отправились въ Москву къ великому князю съ подаркомъ въ 150 рублей и съ челобитьемъ «о своей проступкѣ, что били смердовъ». Великій князь пожаловалъ псковичей, «нелюбку» отдалъ и приказалъ «по всей старинѣ жити». Но замѣшательства во Псковѣ съ этимъ не кончились еще. Одному попу случилось читать у наровскихъ смердовъ грамоты; и въ числѣ послѣднихъ ему попалась та, по которой смерды «изъ вѣковъ вѣчныхъ» обязаны были давать дань князю и Пскову и исполнять урочныя работы. Псковичи ничего не знали объ этой грамотѣ, а смерды утаили ее, почему и не исполняли урочныхъ работъ, — великому же князю они представили дѣло не въ истинномъ свѣтѣ, истину извратили. Одинъ смердъ вырвалъ эту грамоту у попа и скрылъ ее, а псковичи схватили того смерда и посадили подъ стражу. Вслѣдствіе этого начались волненія, жалобы на намѣстниковъ кн. Ярослава (сплѣвшихъ по пригородамъ) и даже на него самого. Посадники и весь Псковъ, собравъ свѣдѣнія объ обидахъ, причиненныхъ княземъ и его намѣстниками, написали «грамоты многы обидныя» и отправили съ ними въ Москву пословъ изъ посадниковъ и бояръ, которые сообщили великому князю и о смердѣ, скрывшемъ грамоту, прибавивъ, что этотъ смердъ и теперь у нихъ «на крѣпости». Великій князь, «яримъ окомъ възрѣвъ», сказалъ посламъ: «Давно ли язъ вамъ о смердахъ вины отдахъ? и нынѣ на то же наступае!» Иванъ Васильевичъ не принялъ ни одной жалобы на Ярослава, сказавъ, что по этому дѣлу онъ пришлетъ въ Псковъ своихъ бояръ. Послы возвратились домой съ этимъ отвѣтомъ 8-го іюля⁴⁴⁵).

Что касается Новгорода, то надобно замѣтить, что испытанія для него еще не кончились. Говоря выше о дѣлахъ новгородскихъ, мы остановились на извѣстіяхъ о взятіи владыки Θεофила въ Москву и заключеніи его въ

445) Ibid. IV, 265—267; V, 41, 43, 45; VI, 22, 35—36, 234; VIII, 214 (въ двухъ послѣднихъ подъ 1482 годомъ).

Чудовомъ монастырѣ. Въ **1483 г.** владыка отказался отъ новгородской каедрѣ, почему и освобожденъ былъ изъ заключенія, но по приказу великаго князя все-таки долженъ былъ оставаться въ томъ же монастырѣ, гдѣ вскорѣ и скончался (**1485 г.**). На его мѣсто въ томъ же **1483 г.**, по старинному новгородскому обычаю, избранъ былъ посредствомъ жребія Сергій, старецъ Троицкаго монастыря, и рукоположенъ въ архіепископы сентября 4-го. Въ Новгородѣ, по-видимому, еще продолжалась оставшаяся отъ недавно порушенной старины борьба двухъ партій,— по крайней мѣрѣ, только этимъ и можно объяснить нѣкоторые явленія въ жизни Новгорода, случившіяся по избраніи новаго владыки. Въ **1484 г.** до великаго князя дошелъ оговоръ однихъ новгородцевъ на другихъ: одни другихъ оговаривали въ сношеніяхъ съ польскимъ королемъ. Великій князь послалъ въ Новгородъ схватить оговоренныхъ человѣкъ до тридцати, большихъ и житыхъ людей, и дворы ихъ разграбить. Въ Москвѣ пытали ихъ, но они ни въ чемъ не сознавались, а когда должны были идти на висѣлицу, то просили другъ у друга прощенія въ томъ, что при пыткахъ невольно клепали одинъ на другаго. Узнавши объ этомъ послѣднемъ, великій князь приказалъ заковать ихъ и посадить въ тюрьму, а женъ и дѣтей ихъ послать въ заточеніе. Въ то же время схвачены и ограблены были и нѣкоторые другіе изъ новгородскихъ гражданъ, извѣстные по прежнимъ своимъ сношеніямъ съ Литвой. Въ томъ же году и новопоставленный владыка Сергій долженъ былъ оставить новгородскую каедрѣ. Мѣстные лѣтописцы говорятъ о притѣсненіи имъ игуменовъ и священниковъ и вообще о высокоуміи его, какъ пріѣхавшаго изъ Москвы къ плѣннымъ и угнетеннымъ гражданамъ и т. п.; другіе говорятъ, что новгородцы не хотѣли покоряться ему, потому что «не по ихъ онъ мысли ходитъ»; какъ москвичъ, Сергій, конечно, не могъ сочувствовать тайнымъ стремленіямъ новгородцевъ; по третьимъ, наконецъ, извѣстіямъ, Сергій хотѣлъ открыть и посмотрѣть мощи архіепископа Моисея, строителя Архангельскаго монастыря на Сковородкѣ: когда священникъ, которому Сергій приказывалъ открыть гробницу, замѣтилъ, что открывать святителя подобаетъ только святителю же, первый съ гордостію сказалъ: «кого сего смердовича и смотрити!» Съ тѣхъ поръ «приде на него (т. е. на Сергія) изумленіе»: онъ сдѣлался какъ бы помѣшаннымъ, и его, какъ больнаго, отвезли въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Какъ бы то ни было, а на мѣсто Сергія избранъ былъ и 9-го декабря того же **1484 г.** поставленъ Чудовскій архимандритъ Геннадій⁴⁴⁶). Вѣроятно, чтобы изгладить изъ

446) Ibid. III, 243; IV, 155; V, 41; VI, 36, 235—236; VIII, 214—215; Карамз. VI, пр. 198—199. Въ Воскр. (VIII, 215) и Никон. лѣт. (VI, 118) подъ тѣмъ же 1484 годомъ разсказывается то же самое, но нѣсколько иначе: зимой великій князь «поималъ» большихъ бояръ

памяти новгородцевъ всякія воспоминанія о прежней вольности и сдѣлать населеніе Новгорода болѣе устойчивымъ, крѣпкимъ Москвѣ, Иванъ Васильевичъ прибѣгнулъ къ мѣрѣ безсердечно крутой, но въ высшей степени дѣйствительной: онъ постепенно переводилъ болѣе видныхъ новгородцевъ въ Московскую землю, а на мѣсто ихъ переселялъ москвичей. Такъ, въ **1487 г.** онъ перевелъ изъ Новгорода во Владиміръ 50 семей лучшихъ новгородскихъ гостей; въ **1488 г.** приказалъ привести въ Москву болѣе 7000 новгородскихъ житыхъ людей за то, что они хотѣли убить намѣстника, Якова Захарьевича; въ слѣдующемъ **1489 г.** болѣе тысячи бояръ, житыхъ людей и гостей перевелъ въ московскіе города: въ самую Москву, во Владиміръ, Муромъ, Нижній Новгородъ, Переяславль, Юрьевъ, Ростовъ, Кострому и др., а на мѣсто ихъ послалъ изъ Москвы и другихъ городовъ многихъ лучшихъ московскихъ людей, гостей и дѣтей боярскихъ⁴⁴⁷).

Если въ Новгородѣ Иванъ Васильевичъ счумѣлъ, хотя и съ нѣкоторыми трудностями, побороть старыя традиціи пресловутой новгородской вольности, — счумѣлъ, можно сказать, въ корнѣ уничтожить все, чѣмъ жплъ и хвалился Господинъ Великій Новгородъ, то тѣмъ легче ему было справиться съ отпрыскомъ новгородской вольности, дѣтищемъ Новгорода — Вяткой, которая дышала тѣмъ же новгородскимъ духомъ. Мы видѣли, что еще Василій Димитріевичъ присоединилъ Вятку къ своимъ владѣніямъ и что нѣкоторое время она принадлежала галицкимъ князьямъ, но по отдаленности еще сохраняла свое старое устройство. Василій Васильевичъ присоединилъ къ Москвѣ, между прочимъ, Галицкій удѣлъ, — но Вятка хотя и была частью этого послѣдняго, однако не хотѣла повиноваться Москвѣ. Походъ князя Ряполовскаго на Вятку былъ безуспѣшенъ, благодаря корыстолюбію воеводъ; другой походъ окончился покорѣніемъ Вятки. Но въ **1468 г.** въ Вятскую область вступили казанцы, и уstraшенные жители, не крѣпко связанные съ Москвой, признали надъ собой власть царя Ибрагима⁴⁴⁸), почему въ слѣдующемъ **1469 г.** и отказались участвовать въ походѣ на Казань, между тѣмъ какъ участвовали въ походѣ на Новгородъ. Очевидно, вятчане, при отдаленности Москвы и близости Казани, болѣе боялись послѣдней и не хотѣли раздражать ея. Исторія **1469 г.** повтори-

новгородскихъ и боярынъ, казны ихъ и села приказалъ отписать на себя, а имъ роздалъ помѣстья подъ Москвой; а нѣкоторыхъ бояръ-кромольниковъ приказалъ заключить въ тюрьмы по разнымъ городамъ... Въ Псковской второй (V, 42) ни о чемъ подобномъ не говорится; но подъ тѣмъ же годомъ, послѣ извѣстій о пріѣздѣ въ Новгородъ новопоставленнаго владыки Сергія и дѣлахъ литовскихъ, вставлено совершенно отдѣльное краткое извѣстіе о томъ, что весной великій князь прислалъ множество москвичей въ Новгородъ «съ всею ратною приправою», а потомъ другихъ своихъ людей прислалъ въ Ржевъ.

447) Ник. VI, 122—123; П. С. Р. Л. VI, 37, 238—239; VIII, 218—219.

448) П. С. Р. Л. VI, 188; VIII, 153.

лась и въ **1485 г.**: вятчане отступили отъ великаго князя во время похода московскихъ войскъ къ Казани, почему на Вятку и отправленъ былъ воевода Юрій Шестакъ-Кутузовъ. Но Кутузовъ примирился съ вятчанами и ушелъ обратно. Миръ, кажется, былъ не искренній: по крайней мѣрѣ, есть извѣстіе, что въ **1486 г.** вятчане нападали на Устюгъ; воеводой тогда былъ у нихъ какой-то Костя, который предводительствовалъ ими по неволѣ, почему въ удобный моментъ ушелъ отъ нихъ въ Осиновецъ, а отсюда — въ Москву. Для вразумленія вятчанъ митрополитъ два раза писалъ къ нимъ увѣщательныя грамоты, въ которыхъ указывалъ на ихъ «грубости», на ихъ нехристіанскіе поступки и неисправленіе по отношенію къ великому князю; грозилъ закрытіемъ церквей, — ничто не помогало! Иванъ Васильевичъ, 11-го іюня **1489 г.**, когда Казань уже покорилась ему, отправилъ на вятчанъ 16-ти-тысячную рать, которою предводительствовали воеводы Даниилъ Щеня и Григорій Морозовъ. Въ половинѣ августа они подступили къ Хлынову. Вятчане, лучшіе люди, вышли къ воеводамъ съ челобитьемъ: просили не воевать Вятской земли, обѣщаясь покориться великому князю на всей его волѣ, давать ему дань и служить. Воеводы требовали отъ всѣхъ жителей присяги и выдачи головами главныхъ крамольниковъ: Аникіева, Лазарева и Богодайщикова; вятчане просили сроку подумать объ этомъ: два дня они думали, а на третій отказали въ выдачѣ помянутыхъ лицъ. Тогда воеводы начали готовиться къ приступу: приказали обнести городъ плетнями, плетни обмазать смолой и обложить березовой корой. Только послѣ этого вятчане надумали выдать крамольниковъ. Здѣсь для уничтоженія духа вольности и болѣе тѣснаго слитія этого края съ Москвою употреблены были тѣ же средства, какія употреблены и по отношенію къ Новгороду: отсюда вывели въ Московскую землю лучшихъ земскихъ людей и купцовъ съ ихъ семействами; земскихъ людей поселили въ Боровскѣ и Кременецѣ, а купцовъ — въ Дмитровѣ; остальныхъ жителей привели къ присягѣ; Аникіевъ и его товарищи были биты кнутомъ и повѣшены. Вмѣстѣ съ вятчанами въ Москву привезены были и арскіе князья (вотяцкіе), но великій князь пожаловалъ ихъ, отпустилъ ихъ въ ихъ землю, конечно, какъ уже подвластныхъ ему ⁴⁴⁹).

449) Ibid. подъ 1485 годомъ: V, 44; VI, 237—238; подъ 1487-мъ: III, 144; IV, 135; VI, 36, 278; VIII, 217; Ник. VI, 123—124; Архангел. 195—198; Акты ист. I, № 97—98.—Арскъ и теперь есть въ Казанской губ. на р. Казанкѣ, въ 56 в. отъ губ. города. — То обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ о взятіи Казани говорится подъ 1485 г., въ другихъ—подъ 1487-мъ, объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что начало этого предпріятія вообще относится къ первому изъ указанныхъ годовъ, а окончаніе — къ послѣднему; лѣтописные же сводчики сочли за болѣе удобное разсказать все событіе: одни — подъ однимъ, другіе — подъ другимъ годомъ.

Дѣла вятскія по внѣшности находились или вытекали изъ отношеній Москвы къ Казани: мы видѣли сейчасъ, что ударъ со стороны Москвы палъ на Вятку, благодаря тому обстоятельству, что вятчане не хотѣли участвовать въ походѣ московскихъ воеводъ на Казань. Было уже говорено, что въ **1478 г.**, въ то время, когда Иванъ Васильевичъ раздѣливался съ Новгородомъ, Ибрагимъ, обманутый ложнымъ слухомъ о пораженіи великаго князя, послалъ свои войска на Вятку, но скорѣе долженъ былъ добить челомъ великому князю на всей его волѣ. Но это примиреніе со стороны Ибрагима было неискренне. По крайней мѣрѣ, въ лѣтописяхъ находимъ извѣстіе, что въ **1482 г.** Иванъ Васильевичъ самъ выступилъ въ походъ противъ Казани, и, конечно, не безъ причины. Онъ остановился во Владимирѣ, а впередъ послалъ войска, при которыхъ находился, между прочимъ, и Аристотель съ пушками. Эти войска остановились въ Нижнемъ-Новгородѣ, куда Ибрагимъ прислалъ пословъ съ челобитьемъ. Тѣмъ и кончился этотъ походъ ⁴⁵⁰).

Постоянно повторявшіяся вторженія въ Московскую землю и грабежи казанцевъ заставляли московское правительство изыскивать средства къ устраненію этихъ вторженій и грабежей и вообще стать твердой ногой на восточной окраинѣ, въ высшей степени важной въ торговомъ отношеніи. По этому дальновидные московскіе князья еще въ лицѣ первыхъ своихъ представителей, а также и мѣстные нижегородскіе, князья старались утвердиться въ низовьяхъ Оки, расширить тамъ свои владѣнія на счетъ Мордвы, для чего привлекали сюда русскій элементъ дарованіемъ разныхъ льготъ. Такъ, напримѣръ, Константинъ Васильевичъ нижегородскій «повелѣ русскимъ людямъ селиться по Окѣ, Волгѣ, Кудымѣ (притокъ Волги) и на мордовскихъ жилищахъ, гдѣ кто похощетъ». Являлись, по этому, такіе люди, какъ Тарасъ Петровъ. Этотъ богатый нижегородскій купецъ купилъ у своего князя въ вотчину себѣ шесть селъ на р. Сундовакѣ (притокъ Волги съ пр. ст.) и населилъ ихъ разными татарскими полоняниками, которыхъ самъ же выкупалъ изъ плѣна ⁴⁵¹). Но эти средства, сами по себѣ цѣлесообразныя, медленно подвигали дѣло впередъ. Нужно было подчинить Казань, а для этого сначала необходимо было имѣть вліяніе на казанскія дѣла. При существованіи въ Казани сильной аристократіи, тамъ всегда много было партій, а слѣдовательно московскимъ князьямъ всегда можно было такъ или иначе вмѣшаться въ тамошнія дѣла. — Въ **1486 г.** Ибрагимъ скончался. Послѣ него осталось нѣсколько сыновей, изъ которыхъ старшій

450) Ibid. IV, 155; VI, 35, 233—234, 278; VIII, 213.

451) Нижегород. лѣт. с. 72 въ XVIII ч. Др. Росс. Визіюв. изд. 2; Нижегород. губ. вѣд. 1847, № 4; П. Мельниковъ: «Очерки мордвы» стр. 502, въ «Русск. Вѣстн.» 1867, ч. 6.

Алегамъ былъ отъ первой жены, а слѣдующій за нимъ по старшинству, Магметъ-Аминь—отъ другой. Около этихъ сыновей образовалось по партіи, изъ которыхъ каждая, естественно, желала видѣть на Казанскомъ царствѣ своего представителя. Партія Алегама была сильнѣе: его поддерживали ногаи, и онъ занялъ престолъ отца, что не по душѣ было Ивану Васильевичу. Тогда Магметъ-Аминь, руководимый своей партіей, уѣхалъ въ Москву къ великому князю, назвалъ его своимъ отцемъ и просилъ помощи въ борьбѣ его съ Алегамомъ. Надобно замѣтить, что мать Магметъ-Аминя, Нурсалтанъ, по смерти Ибрагима сдѣлалась женой Менгли-Гирея, крымскаго хана, друга и вѣрнаго союзника Ивана Васильевича. Разумѣется, что вдругъ не возможно было ничего предпринять въ пользу Магметъ-Аминя, и великій князь ограничился пока только тѣмъ, что далъ ему въ помѣстье городъ Каширу. Впрочемъ, Ивану Васильевичу не пришлось долго ждать повода ко вмѣшательству въ дѣла казанскія: въ 1485 г. казанскіе вельможи, сторонники Магметъ-Аминя, извѣщали великаго князя, что они «воюютъ» съ своимъ царемъ, который, зазвавъ ихъ къ себѣ на пиръ, хотѣлъ всѣхъ ихъ перерѣзать, вслѣдствіе чего они и убѣжали «въ поле». При этомъ противники Алегама нѣсколько иначе объяснили отъѣздъ Магметъ-Аминя въ Москву, чѣмъ этотъ послѣдній: они говорили, что отпустили въ Москву царевича съ тѣмъ, чтобы онъ возвращенъ былъ къ нимъ въ случаѣ, если Алегамъ будетъ «съ ними чинить лихо». Впрочемъ, все тутъ приводилось и приходило къ одному знаменателю... Иванъ Васильевичъ отправилъ подъ Казань воеводъ своихъ, князей: Данила Димитріевича Холмскаго, Александра Васильевича Оболенскаго, Семена Ивановича Ряполовскаго и Семена Ивановича изъ ярославскихъ князей; въ слѣдъ за ними отпущенъ былъ и Магметъ-Аминь. Къ этому ополченію должны были пристать и вятчане, но, какъ мы уже видѣли, они отказались, почему и послана была на Вятку сильная рать, которая окончательно заставила вятскій край покориться Москвѣ⁴⁵²). . . Алегамъ выступилъ противъ московскихъ воеводъ, бился съ ними, но долженъ былъ бѣжать и затвориться въ городѣ. Воеводы осадили Казань, но осада медленно вела къ дѣли, потому что оставшійся внѣ города князь Алгазый часто нападалъ на москвичей. Наконецъ его удалось отгнать за Каму, послѣ чего Алегамъ уже не могъ держаться въ Казани, выѣхалъ изъ города и отдался воеводамъ великаго князя. Это было въ іюлѣ 1487 года. Такимъ образомъ Иванъ Васильевичъ посадилъ на Казанскомъ царствѣ Магметъ-Аминя «изъ своей руки». Алегамъ съ женой сосланъ былъ въ Вологду, — остальные члены семьи — мать, братья и се-

452) См. текстъ къ прим. 448.

стры—въ Карголомъ, на Бѣлоозеро, а крамольные князья и уланы казнены въ Москвѣ ⁴⁵³). Насколько подручничество Аминя Москвѣ выражалось практически и, такъ сказать, дипломатически, видно изъ официальныхъ документовъ. Въ официальныхъ бумагахъ царь казанскій и великій князь московскій называютъ другъ-друга братьями: «Великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, *брату моему*, Магметъ-Аминь царь челомъ бьетъ»,—«Магметъ-Аминю царю, *брату моему*, князь великій Иванъ челомъ бьетъ»—такъ начинаются грамоты подручника и патрона. Но въ самомъ содержаніи бумагъ со стороны великаго князя встрѣчаются желанія, обращенныя къ Магмету, которыя выражены въ тонѣ повелительномъ. Такимъ образомъ, вліяніе Москвы, хотя и не надолго, но утвердилось въ Казани. Кажется, ногайская партія въ Казани была очень сильна: юный казанскій царь просилъ въ Москвѣ позволенія жениться на дочери ногайскаго хана. Тутъ ужъ очень ярко проглядываетъ подручничество казанскаго царя великому князю московскому. Это подручничество и вліяніе Москвы еще рельефнѣе выражаются въ томъ, что въ Казани является русскій представитель, Федоръ Киселевъ, который собираетъ съ подданныхъ Аминя пошлыны въ казну московскаго князя. Пошлыны по преимуществу вимались натурою: конями, овцами, различными мѣхами, медомъ и т. п. При этомъ сборщикъ, естественно, могъ брать и лишнее, на что бывали даже и жалобы: такъ, Магметъ-Аминь жаловался однажды великому князю на Киселева, что этотъ послѣдній взялъ въ Цивильскѣ съ одного тамошняго жителя лишнихъ три кади меду, коня, корову и пр. ⁴⁵⁴).

Въ свое время мы еще вернемся къ дѣламъ казанскимъ, а теперь обратимся къ дѣламъ болѣе семейнаго характера, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно важнымъ и въ государственномъ отношеніи въ смыслѣ объединенія сѣверо-восточной Руси, въ смыслѣ централизаціи власти.

Дѣйствуя медленно и осторожно въ дѣлахъ внѣшней политики, Иванъ Васильевичъ держался той же тактики и въ политикѣ внутренней, хотя порой, по обстоятельствамъ, допускалъ и болѣе рѣшительныя мѣры. Мы уже видѣли, какъ онъ воспользовался достояніемъ брата своего Юрія, какъ перешелъ къ нему удѣлъ младшаго брата, Андрея меньшаго. Если онъ такъ дѣйствовалъ по отношенію къ роднымъ братьямъ, то тѣмъ болѣе не могъ иначе дѣйствовать къ болѣе дальнимъ родственникамъ. Изъ послѣднихъ оставался только двоюродный дядя его, Михайлъ Андреевичъ верейскій, о которомъ и будемъ теперь говорить.

453) П. С. Р. Л. IV, 135, 156; VI, 237; VIII, 217; Ник. VI, 121—122; Архангел. 193.

454) Карамз. VI, пр. 310; Солов. V, пр. 101.

Еще въ началѣ своего княженія (въ **1463 г.**) Иванъ Васильевичъ заключилъ съ Михаиломъ Андреевичемъ договоръ, выгодный для обѣихъ сторонъ. Но уже въ **1465 г.** потребовалось заключить новый договоръ, по которому—вѣроятно, вслѣдствіе давленія со стороны великаго князя — верейскій князь уступалъ своему двоюродному племяннику пожалованіе в. кн. Василя Васильевича—Вышгородъ «съ волостями, путями и сель». Что въ данномъ случаѣ великій князь до нѣкоторой степени вынуждалъ дядю на уступку Вышгорода, объ этомъ говоритъ уже то одно обстоятельство, что Иванъ Васильевичъ старается показать въ договорѣ, что Михаилъ Андреевичъ дѣйствуетъ по собственнымъ побужденіямъ или по собственному почину: «ты, мой брате,—говорится въ договорѣ—тое моее отчины *отступился мнѣ самъ* со всѣмъ съ тѣмъ, какъ ты былъ пожаловалъ отецъ мой, князь великій, да и язъ, князь велики». Этого еще мало было для Ивана Васильевича: въ томъ же году заключенъ былъ новый договоръ, по которому Михаилъ Андреевичъ долженъ былъ считаться моложе всѣхъ братьевъ и сыновей великаго князя. Ивану Васильевичу, какъ видно, хотѣлось такъ или иначе присоединить Верейскій удѣлъ къ Москвѣ. Въ **1482 г.** апрѣля 4-го между ними заключенъ былъ договоръ, по которому Иванъ Васильевичъ, по смерти верейскаго князя, получаетъ въ свое владѣніе Бѣлоозеро съ волостями, принадлежавшее Михаилу Андреевичу ⁴⁵⁵). Послѣдній безропотно покорялся горькой участи, а великій князь выжидалъ только случая, чтобы окончательно порѣшить съ Верейскимъ удѣломъ, и случай такой скоро представился. Въ октябрѣ **1485 г.** Елена Степановна, дочь молдавскаго господара, вступившая въ бракъ съ сыномъ великаго князя Иваномъ Ивановичемъ въ **1482 г.** ⁴⁵⁶), родила сына Димитрія. По этому случаю Иванъ Васильевичъ хотѣлъ подарить своей неvěсткѣ нѣкоторыя изъ тѣхъ драгоценныхъ вещей, которыя принадлежали первой женѣ его, Маріи тверской. Но эти вещи отданы были Софьей Ѳоминичной въ приданое племянницѣ ея Маріи, греческой царевнѣ, вышедшей въ **1480 г.** за сына Михаила Андреевича, Василя. Иванъ Васильевичъ въ гнѣвѣ приказалъ отобрать у послѣдняго все приданое первой жены своей и даже «хотѣлъ его (Василя Михайловича) и со княгинею поимати». Но молодая чета бѣжала въ Литву. У великаго князя теперь былъ благовидный предлогъ еще сильнѣе налечь на верейскаго князя: за вину его сына онъ отобралъ у Михаила Андреевича отчину его: Ярославецъ, Бѣлоозеро и Верею, но потомъ возвратилъ ихъ ему въ пожизненное владѣніе, обязавъ Михаила новымъ

455) С. г. г. и д. I, №№ 90—93, 113 и 114.

456) П. С. Р. Л. IV, 134, 155; VI, 36, 234—235; VIII, 214.

договоромъ ⁴⁵⁷⁾, по которому весь Верейскій удѣлъ, по смерти Михаила, переходитъ къ великому князю. По этому же договору Михаилъ Андреевичъ обязывается не ссылаться съ своимъ сыномъ «никому хитростію». Вскорѣ, а именно въ **1485 г.**, несчастный старикъ скончался. Въ своей духовной грамотѣ онъ говоритъ, что отдаетъ «свою отчину господину и государю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси» ⁴⁵⁸⁾.

Изъ родныхъ братьевъ своихъ Иванъ Васильевичъ въ особенности не долюблялъ Андрея Васильевича углицкаго, можетъ быть, потому, что онъ, пользуясь особенною любовью матери, велъ себя самостоятельнѣ другихъ братьевъ по отношенію къ старшему брату. Мы уже видѣли, что мать проявляла особенное участіе къ этому Андрею. Но въ **1485 г.** іюля 4-го Марія Ярославна скончалась ⁴⁵⁹⁾, и послѣдняя связь, еще нѣсколько единившая братьевъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, порвалась. Въ слѣдующемъ **1486 г.**, по завоеваніи Твери, Иванъ Васильевичъ заключилъ новые договоры съ братьями; по этимъ договорамъ братья обязывались не вступаться въ удѣлы: Верейскій, Дмитровскій, Тверскій и въ Вологду, принадлежавшую Андрею Васильевичу меньшому, и не сноситься съ Литвой, съ измѣнникомъ Михаиломъ Борисовичемъ, бѣглымъ княземъ тверскимъ, съ Новгородомъ и Псковомъ ⁴⁶⁰⁾. Вообще, великій князь сталъ по отношенію къ братьямъ болѣе прежняго недовѣрчивъ. Андрей Васильевичъ могъ догадываться, что рано или поздно ему придется поплатиться своимъ удѣломъ, а можетъ быть и свободой, и потому долженъ былъ видѣть единственное спасеніе въ бѣгствѣ изъ Московской земли. Въ **1488 г.** бояринъ Андрея Васильевича Образецъ «скоромоли» своему князю, что Иванъ Васильевичъ хочетъ схватить его. Перепуганный Андрей хотѣлъ тайно бѣжать изъ Москвы, но одумавшись обратился къ кн. Ивану Юрьевичу Патрикѣеву съ просьбой узнать, зачѣмъ великій князь хочетъ схватить его. Иванъ Юрьевичъ хотя и въ большой силѣ былъ при дворѣ, но отказался отъ исполненія такого щекотливаго порученія. Тогда Андрей лично явился къ брату за объясненіемъ. Иванъ Васильевичъ «клялся ему небомъ и землею и Богомъ сильнымъ Творцемъ всея твари, что ни въ мысли у него того не бывало». По розыску оказалось, что великокняжескій боярскій сынъ, Мунтъ Татищевъ, «сплоха пришедъ пошутить» съ Образцомъ относительно его князя,

457) С. г. г. и д. I, № 118.

458) Ibid. № 121—122. Подробности см. въ біографіи Михаила Андреевича верейскаго, во II-мъ томѣ.

459) П. С. Р. Л. V, 44; VI, 36, 287; VIII, 215—216. Но Ник. VI, 119 она умерла 24-го іюля.

460) С. г. г. и д. I, № 123 (20-го августа 1486 г.) и 125 (30-го ноября того же года).

а Образецъ, бывшій въ немплости у Андрея, желая подслужиться, передалъ послѣднему эту плохую шутку Татищева. Великій князь приказалъ предать Татищева торговой казни и вырѣзать языкъ, но митрополитъ «отпечалова его» ⁴⁶¹⁾. Въ **1491 г.** въ маѣ мѣсяцѣ въ Москву пришла вѣсть, что ордынскіе цари, Сеидъ-Ахметъ и Шигъ-Ахметъ, идутъ на друга великаго князя, крымскаго хана Менгли-Гирея. Иванъ Васильевичъ послалъ на ордынцевъ воеводъ своихъ, кн. Петра Оболенскаго и кн. Ивана Оболенскаго же Репню, а также царевича Сатылгана (Салтагана), Нордоулатова сына, Менгли-Гиреева племянника; въ этотъ же походъ по приказанію великаго князя и казанскій царь Махметъ-Аминъ долженъ былъ послать свое войско; князьямъ Борису и Андрею Васильевичамъ, братьямъ великаго князя, также приказано было послать своихъ воеводъ. Но Андрей углицкій не исполнилъ этого приказанія, и въ слѣдующемъ году 20-го сентября, когда онъ пріѣхалъ въ Москву и посѣтилъ великаго князя, послѣдній приказалъ схватить его и заключить въ Москвѣ на казенномъ дворѣ, а дѣтей его отправить въ заключеніе въ Переяславль ⁴⁶²⁾. Такимъ образомъ и Углицкій удѣлъ присоединенъ былъ къ Москвѣ.

Казимиръ, занятый дѣлами чешско-венгерскими на западѣ, гдѣ шла борьба между сыномъ его, Владиславомъ чешскимъ, и венгерскимъ королемъ Матвѣемъ, не могъ открыто дѣйствовать противъ Москвы, но не упускалъ удобнаго случая возбуждать противъ нея орду и Новгородъ. Мы видѣли, что при нашествіи Ахмата онъ долженъ былъ дѣйствовать противъ Москвы совмѣстно съ послѣднимъ, но отвлеченъ былъ въ сторону. Въ **1482 г.**, когда къ великому князю перебѣжалъ отъ Казимира кн. Ѳеодоръ Ивановичъ Бѣльскій, въ Москву пріѣзжалъ изъ Литвы одинъ панъ, чрезъ котораго митрополитъ извѣщалъ великаго князя, что у него, митрополита, польскій король отнялъ много вещей, которыя онъ везъ изъ Царяграда ему, великому князю. Но тогда Иванъ Васильевичъ, отпуская посланца-пана, котораго почему-то долго держалъ, сказалъ ему, что изъ-за этого не приходится воевать съ королемъ. Но въ томъ же году великій князь посылалъ въ Крымъ Михаила Кутузова, который долженъ былъ поднимать хана на Казимира. Вслѣдствіе этого посольства, въ **1484 г.**, «по слову вел. кн. Ивана Васильевича», Менгли-Гирей взялъ и сожегъ Кіевъ «за неисправленіе королевское, что приводилъ царя Ахмата... на великаго князя», взялъ большой полонъ и вообще «землю учини пусту Кіевскую».

461) П. С. Р. Л. VI, 238; VIII, 217—218; Ник. VI, 127.

462) Ibid. IV, 159—160; VI, 38—39; VIII, 223; Архангел. 200; Ник. VI, 129. Подробности см. подъ Андреемъ Васильевичемъ углицкимъ, во II-мъ томѣ.

Изъ награбленной добычи онъ прислалъ великому князю золотой дискосъ и потиръ изъ Софійскаго собора. Есть извѣстіе, что въ томъ же году Казимиръ поставилъ въ Смоленскѣ заставу изъ 10,000 ратныхъ людей, вѣроятно, въ виду замѣтнаго тяготѣнія подручныхъ ему князей къ Москвѣ и вообще вслѣдствіе замѣтно угрожающаго положенія, какое принялъ по отношенію къ Литвѣ Иванъ Васильевичъ. Но великій князь самъ ничего не предпринималъ противъ Литвы, хотя, какъ мы сейчасъ видѣли, онъ могъ дѣйствовать противъ нея не только съ сѣвера, но и съ юга. Хотя опустошеніе Кіева и тамошней святыни и оскорбило москвичей, но Иванъ Васильевичъ, преслѣдуя политическія цѣли, чрезъ особаго посла благодарилъ хана, напоминая ему, что и онъ, съ своей стороны, старается сдѣлать ему угодное: такъ, онъ содержитъ, не безъ убытка для казны, братьевъ его, Нордоулата и Айдара, и готовъ помогать ему противъ Золотой орды. Вскорѣ дѣйствительно великому князю пришлось оказать помощь своему другу. Ханъ Муртоза, въ **1485 г.**, отъ жестокой стужи пришелъ изъ донскихъ степей къ Тавридѣ со своимъ улусомъ. Менгли-Гирей захватилъ его въ плѣнъ и разбилъ еще улусъ другаго ордынскаго князя, Темира. Но этотъ послѣдній на слѣдующее лѣто, въ рабочую пору, напалъ на Тавриду, освободилъ Муртозу, едва не захватилъ въ плѣнъ самого Менгли-Гирея и съ большою добычей ушелъ въ степи. Великій князь немедленно отправилъ войска на улусы Ахматовыхъ сыновей; крымскіе плѣнники, которыхъ отбили у нихъ московскіе воеводы, были отосланы къ Менгли-Гирею ⁴⁶³).

Отношенія между московскимъ и литовскимъ государствами находятся въ связи съ ихъ отношеніями къ татарамъ, особенно золотоордынскимъ и крымскимъ. Каждый изъ представителей помянутыхъ государствъ старался привлечь на свою сторону того или другаго хана и посредствомъ его дѣйствовать во вредъ своему противнику. Мы сейчасъ сказали, что Менгли-Гирей сжегъ, въ **1484 г.**, Кіевъ «по слову» великаго князя. Въ томъ же году въ Крымъ отправленъ былъ кн. Ноздроватый съ такимъ наказомъ: «беречь накрѣпко, чтобъ царь съ королемъ не заключалъ мирнаго договора» (не канчивалъ). Такой же наказъ данъ былъ, въ **1486 г.**, другому послу, боярину Семену Борисовичу, съ прибавленіемъ, чтобы онъ, посолъ, если царь спроситъ о сношеніяхъ великаго князя съ королемъ, отвѣчалъ, что «послы между ними ѣздятъ о мелкихъ дѣлахъ порубежныхъ, а гладкости никакой и мира господарю нашему великому князю съ королемъ нѣтъ». Затѣмъ посолъ долженъ былъ говорить хану, чтобъ онъ послалъ людей

463) Ibid. IV, 135, 155; V, 42; VI, 35, 233—234; VIII, 214—215; «Ист. Росс.» Соловьева, V, 129, пр. 156, 158; Карамз. VI, гл. 4.

своихъ на королеву землю, потому что онъ недругъ и ему, хану, и великому князю. А если Менгли-Гирей скажетъ, что онъ идетъ на короля,—а великій князь идетъ-ли? — то отвѣчать такъ: «Захочешь свое дѣло дѣлать, пойдешь на короля,—сдѣлаешь доброе дѣло; когда дашь объ этомъ знать господамъ моему, то онъ съ тобой одинъ человекъ на короля; и твое дѣло и свое дѣлаетъ, какъ ему Богъ поможетъ» и пр. ⁴⁶⁴⁾.

Поводы къ столкновеніямъ съ Литвой часто подавали мелкіе пограничные князья, находившіеся въ подручничествѣ или Москвы, или Литвы. Между этими князьями возникали споры большею частію изъ-за границъ земельныхъ владѣній, а иногда и просто бывали обоюдные набѣги съ цѣлью грабежа. Такъ, однажды посолъ Казимира жаловался, что подручные Москвѣ князья Одоевскіе нападаютъ на князей Мезецкихъ, Глинскихъ, Кромескихъ, Мосальскихъ, что люди кн. Ивана Михайловича Воротынского, перешедшаго съ своею отчиною, въ 1490 г., отъ Казимира къ великому князю, нападаютъ на литовскія владѣнія, что король еще не выпустилъ его изъ присяги и записи. Послу отвѣчали, что Мезецкіе князья первые начали нападать, что Одоевскіе только мстили за нападеніе ихъ, что Воротынский самъ билъ челомъ великому князю о принятіи его въ службу, что онъ сложилъ присягу передъ королемъ чрезъ своего человека, а потому въ Москвѣ не понимаютъ, какъ это король слугу великаго князя называетъ своимъ. Въ томъ же году на службу великаго князя перешли: кн. Дмитрій Ѳеодоровичъ Воротынский, кн. Иванъ Михайловичъ Перемышльскій и кн. Иванъ Бѣлевскій. Великій князь чрезъ посла Григорья Путятина извѣщалъ объ этихъ переходахъ Казимира, но послѣдній заявилъ, съ своей стороны, что не выпускаетъ изъ подданства ни князей Воротынскихъ, ни Бѣлевскаго князя,—указывалъ на то, что Дмитрій Воротынский перешелъ съ «дольницей» (долей, удѣломъ) брата своего, кн. Семена, всю казну послѣдняго взялъ себѣ, бояръ и слугъ его всѣхъ захватилъ и насильно привелъ къ присягѣ на службу свою. Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ на это, что князья Одоевскіе и Воротынскіе, какъ то извѣстно было его предкамъ, великимъ князьямъ, да и литовскимъ великимъ князьямъ, служили на обѣ стороны съ отчинами, и теперь эти старые слуги пріѣхали служить къ нимъ, великимъ князьямъ, на Москву. . . Случалось и такъ, что одни изъ князей-родичей служили Москвѣ, другіе — Литвѣ, какъ было съ кн. Одоевскими. Одоевскіе князья — Семеновичи, служившіе Москвѣ, застѣли отчину Ѳедора Ивановича Одоев-

464) «Ист. Росс.» Соловьева V, 129—130, который ссылается на Крымскія дѣла. Подробности о сношеніяхъ Москвы съ татарами см. въ диссертациі Г. Карпова: «Исторія борьбы Моск. госуд. съ Польско-Литовскимъ», 1462—1508, гл. III: «Степняки». (М. 1867); первоначально напечатана была въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.».

скаго, схвативъ мать его, когда самъ онъ былъ въ отсутствіи. Король извѣщалъ объ этомъ великаго князя. Такая же исторія случилась и съ помянутыми сейчасъ князьями Бѣлевскими, Андреемъ и Иваномъ Васильевичами, изъ которыхъ послѣдній перешелъ на службу въ Москву, взявъ себѣ отчину брата Андрея, а третьяго брата, Семена, насильно заставилъ цѣловать крестъ на томъ, что онъ не будетъ служить королю. Относительно Одоевскихъ Иванъ Васильевичъ сказалъ, что у нихъ идетъ споръ о вотчинѣ, о большомъ княженіи по роду, по старѣйшинству, что на большомъ княженіи долженъ быть слуга его, великаго князя московскаго, Иванъ Семеновичъ,—а потому король велѣлъ бы урядиться Ѳеодору съ братомъ, кому изъ нихъ пригоже быть на большомъ княженіи; въ противномъ случаѣ великій князь, для улаженія этого дѣла, пошлетъ своего боярина, а король пусть пошлетъ своего пана. Чѣмъ кончилось это дѣло — неизвѣстно ⁴⁶⁵). Относительно Бѣльскаго, по лѣтописямъ, извѣстно слѣдующее: въ **1482 г.** въ Литвѣ былъ мятежъ: захотѣли отчичи Ольшанскій, Олельковичъ и Ѳеодоръ Бѣльскій «отѣсти отъ великаго князя Литовской земли по рѣку Березыню»; намѣреніе ихъ открылось, и король казнилъ Ольшанскаго и Олельковича, а Бѣльскій бѣжалъ въ Москву, не успѣвъ захватить жены своей, съ которой вѣнчался наканунѣ бѣгства. Она была схвачена и не смотря на то, что Иванъ Васильевичъ требовалъ ее, ея не отпустили. Бѣльскій получилъ отъ великаго князя г. Демонъ и Мореву ⁴⁶⁶). Впослѣдствіи его постигло несчастіе. Есть извѣстіе, что король Казимиръ подослалъ въ Москву, какъ бы на службу къ великому князю, кн. Лукомскаго, котораго приводилъ къ крестному цѣлованію на томъ, чтобы великаго князя московскаго «убити, или окормити зеліемъ, да и зеліе свое съ нимъ послалъ, и то зеліе у него (Лукомскаго) выняли». Кн. Лукомскій и замѣшанный въ его дѣло латинскій толмачъ, полякъ Матіасъ, въ **1493 г.** были казнены вмѣстѣ съ братьями Селевиными, которые подверглись казни за переписку съ Александромъ Казимировичемъ. При разслѣдованіи этого дѣла кн. Лукомскій оговорилъ кн. Ѳеодора Ивановича Бѣльскаго въ намѣреніи его бѣжать въ Литву. Справедливъ или не справедливъ былъ этотъ оговоръ, но Бѣльскаго сослали въ Галичъ ⁴⁶⁷). . . . Переходы князей изъ Литвы въ службу московскаго князя продолжались. Въ **1492 г.** перешелъ кн. Семенъ Ѳеодоровичъ Воротынскій, о которомъ мы уже упоминали, «съ своими отчинами». Этотъ Семенъ Ѳеодо-

465) П. С. Р. Л. VI, 37, 239; VIII, 219; по IV, 268 и VIII, 225 Воротынскій перешелъ въ 1492 г., а по IV, 161—въ 1493 г.; Ник. VI, 124—125; Соловьевъ: «Ист. Р.» V, 131—132 и прим.

466) Ibid. VI, 35, 233; VIII, 214; Ник. VI, 116—117.

467) Ibid. IV, 162; VIII, 225.

ровичъ, ѣдучи въ Москву, «засѣлъ на его (великаго князя) имя» Серпѣйскъ и Мещовскъ. Между тѣмъ 25-го іюня того же **1492 г.** скончался Казимиръ, и польскій престолъ занялъ старшій сынъ его Альбертъ, а литовскій — младшій, Александръ Казимировичъ. Августа 30-го великій князь отправилъ къ Менгли-Гирею Константина Заболоцкаго, съ совѣтомъ хану — воспользоваться благопріятнымъ временемъ и отмстить сыновьямъ Казимира за козни отца, тѣмъ болѣе, что волжская орда кочевала далеко на востокъ и не было, слѣдовательно, основаній опасаться нападенія ея на Крымъ. Другаго посла, Ивана Плещеева, великій князь отправилъ къ молдавскому воеводѣ Стефану, вѣроятно, съ такими же предложеніями. И съ московской стороны начались непріятельскія дѣйствія: кн. Ѳеодоръ Телепня-Оболенскій разорилъ Мценскъ и Любутскъ; другіе воеводы взяли и сожгли Мосальскъ, плѣнивъ многихъ жителей, намѣстниковъ и князей; наконецъ, завоеваны были Хлепенъ и Рогачевъ. Александру Казимировичу, какъ видно, не подъ силу была борьба съ московскимъ княземъ: онъ желалъ мира. Въ **1493 г.** въ Москву прибыло посольство изъ Литвы, во главѣ съ паномъ Станиславомъ Глѣбовичемъ, который извѣщалъ великаго князя о смерти Казимира и о занятіи литовскаго престола сыномъ его Александромъ, въ то же время онъ требовалъ удовлетворенія за разореніе Мценска и другихъ городовъ. Послу отвѣчали, что разореніе Мценска было только возмездіемъ за грабежи литовцевъ. На пиру у кн. Ивана Юрьевича Патрикеева, уже довольно подпивши, Станиславъ Глѣбовичъ завелъ рѣчь о сватовствѣ, о бракѣ Александра Казимировича и дочери великаго князя. Но такъ какъ онъ былъ нетрезвъ, то не получилъ никакого отвѣта. На слѣдующій день онъ заявилъ, что литовскіе сенаторы желаютъ этого брака; но что ему тайно приказано развѣдать, какъ смотритъ на это дѣло великій князь. Послу дали понять, что прежде, чѣмъ говорить о сватовствѣ, надобно достигнуть искренняго, вѣчнаго мира между обоими государствами. — Посолъ уѣхалъ, а враждебныя дѣйствія со стороны Москвы продолжались. Выше мы говорили уже, что Семень Ѳеодоровичъ Воротынскій, ѣдучи къ великому князю на службу, засѣлъ города Серпѣйскъ и Мещовскъ. Услышавъ объ этомъ, литовскіе воеводы отняли эти города обратно. Великій князь послалъ сильныя московскія и рязанскія рати, которыя взяли Серпѣйскъ и Опаковъ; Мещовскъ сдался. Жители этихъ городовъ приведены были къ крестному цѣлованію, а сидѣвшіе тамъ знатные литовцы и смолянне взяты въ плѣнъ, приведены въ Москву и разосланы по разнымъ городамъ въ заточеніе. Другіе воеводы посланы были подъ Вязьму, взяли этотъ городъ, а вяземскихъ князей и пановъ привезли въ Москву. Иванъ Васильевичъ князей пожаловалъ «ихъ же вотчиною Вязмою» и приказалъ

имъ служить ему, великому князю. Въ то же время къ великому князю на службу перешелъ кн. Михайлъ Романовичъ мезецкій, да «пзымавъ приведе съ собою дву братьевъ», кн. Семена и кн. Петра. Двухъ послѣднихъ великій князь послалъ въ заточеніе въ Ярославль, а Михайла пожаловалъ его же отчиною и приказалъ служить ему, великому князю ⁴⁶⁸).

Но оставимъ на время Литву и хотя кратко укажемъ на другія стороны дѣятельности Ивана Васильевича, на другіе факты изъ его княженія, имѣвшіе мѣсто до и во время послѣднихъ столкновений съ Литвой.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что княженіе Ивана Васильевича было въ высокой степени блестяще, и потому только при немъ западная Европа болѣе серьезное вниманіе обращаетъ на дикую Московію. Иванъ Васильевичъ мѣняется посольствами съ разными государствами, не только европейскими, но и восточными, азіатскими. Въ лѣтописяхъ и официальныхъ документахъ за послѣдніе годы жизни Ивана Васильевича мы постоянно встрѣчаемся съ извѣстіями о прибытіи и отбытіи какихъ-нибудь иностранныхъ пословъ и о частыхъ московскихъ посольствахъ въ чужіе края. Для краткости скажемъ вообще, что эти посольства касались или просто одной вѣжливости, оказываемой сильному и славному своими дѣлами сосѣду, любви и дружбы, какъ тогда говорили, или практическихъ цѣлей, какъ договоры противъ какихъ-нибудь враговъ, которые имѣлись у договаривающихся лицъ, или, наконецъ, эти посольства, вмѣстѣ съ тѣмъ и другимъ, касались еще и чисто семейныхъ дѣлъ, какъ брачныя союзы. Но московскій князь особенное вниманіе обращалъ еще на совершенное почти отсутствіе въ Московской землѣ такихъ людей, какъ разнаго рода ремесленники, мастера и художники, и съ цѣлію пріобрѣтенія такихъ людей часто отправлялъ пословъ въ западную Европу.

Въ 1486 г. въ Москву пріѣзжалъ съ письмами отъ императора Фридриха рыцарь Поппель, но безъ всякаго особеннаго порученія, единственно изъ любопытства. Онъ принятъ былъ подозрительно: его считали шпиономъ Казимира. Однако, изъ Москвы онъ выбрался благополучно. Черезъ два года онъ вновь явился въ Москву уже въ качествѣ посла отъ императора Фридриха и сына его, римскаго короля Максимилиана, съ грамотой (помѣченной 26-го декабря 1488 г.) и принятъ былъ ласково. При первомъ свиданіи съ московскими боярами онъ говорилъ, между прочимъ, о томъ, что послѣ перваго путешествія своего въ Москву онъ разубѣдилъ своего императора и германскихъ князей въ заблужденіи, будто великій князь московскій—даниникъ Казимира, и убѣдилъ, напротивъ, въ томъ, что великій князь во всѣхъ

468) Ibid. II, 360, IV, 161—162, 268; VIII, 225—227; Карамз. VI, гл. 5.

отношеніяхъ сильнѣе Казимира; передавалъ, что императоръ желаетъ быть союзникомъ великаго князя и предлагаетъ бракъ своего племянника Альбрехта, маркграфа баденскаго, съ одной изъ дочерей великаго князя, Еленой или Θεодосіей. Великій князь передалъ чрезъ дьяка Курицына, что по этому дѣлу посланъ будетъ посолъ къ императору. Далѣе Поппель говорилъ, чтобы великій князь запретилъ псковитянамъ вступаться въ земли ливонскихъ нѣмцевъ, состоящихъ подъ покровительствомъ императора. На это отвѣчали ему, что, владѣя собственными землями, псковичи въ чужія земли не вступаются. Передъ отъѣздомъ Поппель еще разъ былъ у великаго князя, который лично слушалъ его въ набережныхъ сѣняхъ. Посолъ, передавая слухъ, будто великій князь требовалъ себѣ отъ папы королевскаго достоинства, говорилъ, что только императоръ можетъ это сдѣлать, и предлагалъ по этому дѣлу свои услуги, прося только сохранять все это въ тайнѣ, иначе ему плохо будетъ отъ короля польскаго, если онъ узнаетъ о томъ. Поппелю отвѣчали на это, что великій князь наслѣдовалъ власть свою отъ предковъ и поставленіе имѣетъ отъ Бога, а отъ иной власти ничего такого не хотѣлъ и не хочетъ... Иванъ Васильевичъ, въ свою очередь, отправилъ въ нѣмецкую землю посломъ грека Юрія Траханиота, которому поручилъ увѣрить императора въ искренней дружбѣ къ нему великаго князя и условиться о взаимныхъ дружественныхъ посольствахъ. Что касается сватовства, то Юрій долженъ былъ говорить, что предлагаемый бракъ не приличенъ для русскаго государя, брата древнихъ греческихъ царей, что великій князь можетъ выдать дочь развѣ за наслѣдника императора, сына его Максимилиана. Кромѣ того Юрію поручено было принимать въ русскую службу разныхъ художниковъ и мастеровъ. Съ этою послѣднею цѣлью еще въ 1488 г. великій князь посылалъ грековъ Ралевыхъ въ Римъ, Венецію и Миланъ. Въ 1490 г. Ралевы возвратились: они привезли съ собою изъ Венеціи лѣкаря, мистра Леона, родомъ жидовина, а также мастеровъ стѣнныхъ, палатныхъ, пушечныхъ и серебряныхъ. Леона, впрочемъ, вскорѣ по пріѣздѣ его въ Москву, постигла горькая участь: поручившись великому князю головой своей въ томъ, что онъ вылѣчитъ занемогшаго ломотою въ ногахъ наслѣдника московскаго престола, Ивана Младаго, Леонъ не оправдалъ своего ручательства и чрезъ шесть недѣль по кончинѣ своего паціента всенародно казненъ. Еще прежде Леона, въ 1485 г., подобной же участи подвергся другой лѣкарь, нѣмецъ Антонъ, уморившій своими лѣкарствами великокняжескаго любимца, Даньярова сына. Этотъ Антонъ выданъ былъ родственникамъ умершаго, которые зарѣзали его подъ Москворѣцкимъ мостомъ, что навело страхъ и на другихъ иностранцевъ, какъ, напримѣръ, на Аристотеля, который хотѣлъ

уѣхать изъ Россіи, но Иванъ Васильевичъ разгнѣвался на это и приказалъ заключить его въ домѣ, хотя вскорѣ простилъ его.... Но возвратимся къ посольству Трахоніота. Онъ принятъ былъ императоромъ ласково и любезно и возвратился въ Москву 16-го іюля **1490 г.** вмѣстѣ съ посломъ отъ императора, Юріемъ Делаторомъ. Не задолго передъ тѣмъ скончался венгерскій король Матвѣй Корвинъ, врагъ Казимира, бывший въ дружбѣ съ Иваномъ Васильевичемъ съ **1482 г.**; на его мѣсто венгерскіе паны хотѣли избрать Владислава чешскаго, Казимирова сына, между тѣмъ какъ Максимилианъ, сынъ Фридриха, считалъ себя законнымъ наслѣдникомъ Матвѣя. Переговоры о бракѣ дочери великаго князя съ Максимилианомъ не привели ни къ чему, между прочимъ, по недостатку полномочій, данныхъ Делатору, за то заключенъ былъ договоръ (**1490 г.** августа 6-го) между императоромъ и великимъ княземъ, по которому договаривающіеся обязываются помогать другъ другу въ случаѣ непріязненныхъ столкновеній кого либо изъ нихъ съ королемъ польскимъ. Съ Делаторомъ отправлены были въ Нѣмецкую землю тотъ же Трахоніотъ и дьякъ Кулешинъ для представленія и утвержденія крестнымъ цѣлованіемъ помянутаго выше договора со стороны Максимилиана. Наши послы возвратились въ Москву опять съ Делаторомъ, при которомъ великій князь также долженъ былъ утвердить договоръ крестнымъ цѣлованіемъ. На этотъ разъ посолъ просилъ отъ имени императора, между прочимъ, не обижать Ливоніи и Швеціи и взять первую подъ свое покровительство, на что выражена была готовность великаго князя, но о Швеціи въ отвѣтъ великаго князя не сказано было ни слова. Что касается брака, то относительно этого предмета вышло недоразумѣніе. До императора дошелъ слухъ, что въ предшествовавшее посольство посолъ его вмѣстѣ съ посломъ московскимъ на пути изъ Москвы въ Нѣмецкую землю потонули, а потому онъ не могъ знать, согласенъ или не согласенъ великій князь на бракъ. Между тѣмъ германскіе князья побуждали императора женить сына на бретанской княжнѣ, и императоръ уступилъ ихъ настойчивымъ требованіямъ. Но когда онъ узналъ, что послы живы, что бракъ могъ бы состояться, то огорчился и до послѣдняго времени жалѣлъ о столь знаменитой невѣстѣ. Великій князь удовлетворился этимъ объясненіемъ. Делаторъ выѣхалъ изъ Москвы 12-го апрѣля **1492 г.**, а 6-го мая великій князь вновь отправилъ въ Германію Трахоніота и дьяка Михаила Яропкина, которымъ наказано было тайно разузнать о положеніи дѣлъ въ Венгріи и объ отношеніяхъ Максимилиана къ сосѣднимъ государствамъ, а также тайно разузнать и о бракѣ Максимилиана, и въ случаѣ возможности возобновить сватовство. Послы возвратились въ Москву въ іюлѣ **1493 г.**, но не видно,

чтобы это посольство имѣло какіе-нибудь практическіе результаты ⁴⁶⁹). Въ то же время (1490 — 1492 г.) великій князь сносился съ сватомъ своимъ, господаремъ молдавскимъ (волошскимъ) Стефаномъ, на дочери котораго въ 1482 г. женился наслѣдникъ московскаго престола, Иванъ Ивановичъ Младой. Предметомъ этихъ сношеній были, между прочимъ, дѣла польскія ⁴⁷⁰). Въ 1491 г. приходилъ, для заключенія союза съ великимъ княземъ, изъ Чагатайской орды посолъ, *богатырь* Урусъ, отъ господствовавшего тамъ султана Гуссейна, правнука втораго Тамерланова сына Омара ⁴⁷¹). Въ слѣдующемъ 1492 г. въ Москву прибыло другое восточное посольство изъ единовѣрной намъ Иверской земли (Грузіи) отъ тамошняго князя Александра—просить покровительства великаго князя (противъ Персіи). Называя себя холопомъ послѣдняго, князь Александръ въ чисто восточномъ вкусѣ дѣлаетъ такое обращеніе къ великому князю въ своемъ письмѣ: «Темнымъ еси свѣтъ зеленого неба, звѣзда еси, христіанская еси надежа, вѣры нашіе крѣпости всесвѣтлый Государь, всѣмъ еси государемъ прибѣжище, всѣмъ еси государемъ законъ, бѣднымъ еси подпора и бесерменомъ еси надѣя, законной земли грозный Государь, всѣмъ еси княземъ справедливая управа, всѣмъ княземъ вышній князь, земли еси тишина, обѣтникъ еси Николѣинъ» ⁴⁷²).... Въ слѣдующемъ 1493 г. Иванъ Васильевичъ самъ посылалъ пословъ, грека Мануила и Даніила Мамырева, въ Венецію и Миланъ. Эти послы возвратились въ 1494 г. съ иностранными мастерами: стѣннымъ, палатнымъ, пушечнымъ и др. ⁴⁷³). Въ маѣ того же 1493 г. въ Москву прибыло посольство отъ Конрада, князя мазовецкаго, бывшаго тогда во враждебныхъ отношеніяхъ къ сыновьямъ Казимира. Эта вражда сама собою указывала на естественный союзъ Конрада съ княземъ московскимъ, къ которому онъ и прислалъ посла Ивана Подосю, варшавскаго намѣстника, сватать за него одну изъ дочерей великаго князя. Иванъ Васильевичъ хотя и находилъ этотъ бракъ выгоднымъ для своей политики, но не торопился съ нимъ, а хотѣлъ сначала заключить съ Конрадомъ договоръ о вспоможеніи, какое дастъ мазовецкій князь противъ Казимировичей, и о назначеніи для будущей супруги его вѣна: великій князь хотѣлъ, чтобы дочь его, по

469) Карамз. VI, гл. 5; П. С. Р. Л. IV, 157, 160; VI, 37, 39, 239—240; VIII, 218—219, 222—223.

470) П. С. Р. Л. IV, 157, 159—160; VI, 39, 240, 279; VIII, 219, 222, 224.

471) Ibid. IV, 158; VI, 38, 240, 279; VIII, 220. Карамзинъ (VI, пр. 367 и текстъ) относитъ это посольство почему-то къ 1489 г.—Орда эта называлась Чагатайской по имени втораго сына Чингисъ-хана, Чагатая или Джагатая; иначе она называлась Синей и занимала закаспійскія земли по р.р. Сыръ — и Аму-Дарьѣ.

472) Ibid. IV, 160; VI, 39, 240; VIII, 224; Карамз. VI, пр. 370.

473) Ibid. IV, 162, 164; VIII, 226, 228.

выходѣ за Конрада, имѣла въ собственномъ владѣніи нѣкоторые города и волости въ Мазовіи. Для заключенія этого договора Иванъ Васильевичъ отправилъ въ Мазовію пословъ, но неизвѣстно, съ чѣмъ возвратились наши послы. Сношенія эти не имѣли никакихъ послѣдствій, вѣроятно, какъ справедливо предполагаетъ нашъ исторіографъ, отъ переменъ обстоятельствъ⁴⁷⁴). Наконецъ, къ тому же **1493 г.** относится начало сношеній Москвы съ Даніей. Датскій король Иванъ находился въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ польскимъ королемъ Казимиромъ, а потому когда, въ **1492 г.**, московскіе послы къ германскому императору, Трахоніотъ и Яропкинъ, ѣхали чрезъ Данію въ Любекъ, они подверглись въ Даніи нѣкоторымъ непріятностямъ, что дѣлалось, конечно, въ угоду польскому королю. Но непріязненные отношенія Даніи къ Швеции, съ которой и великій князь московскій приходилъ въ частыя непріязненныя столкновенія, указали датскому королю на естественный союзъ его съ Москвой, — и вотъ, въ іюлѣ **1493 г.**, въ Москву прибылъ посолъ изъ Даніи «о братствѣ и любви»: договоръ былъ заключенъ. Въ томъ же году великій князь отправилъ въ Данію своихъ пословъ, Димитрія Ралева и дьяка Зайцева, которые «привели короля къ цѣлованію на докончальныхъ грамотахъ, и грамоты розняша»⁴⁷⁵).

Мы не говоримъ подробно о сношеніяхъ Ивана Васильевича съ Менгли-Гиреемъ, потому что одинъ только перечень посольствъ занялъ бы много мѣста: достаточно замѣтить, что союзъ и дружба ихъ направлены были противъ Литвы и Золотой орды. Другой союзникъ на югѣ былъ господарь молдавскій Стефанъ, съ которымъ великій князь часто спосился и даже, какъ мы видѣли, породнился. Но въ этихъ союзахъ, кромѣ политическихъ интересовъ, Иванъ Васильевичъ видѣлъ еще интересы торговые: московскимъ купцамъ выгодно было вести торговлю въ Азовѣ и Кафѣ. Такъ какъ послѣдняя управлялась константинопольскими пашами, то великому князю невольно приходилось сдѣлать шагъ къ сближенію съ султаномъ. По торговымъ дѣламъ съ Кафой ему помогали Менгли-Гирей; но многого онъ, какъ зависимый отъ султана, сдѣлать не могъ. Ивану Васильевичу нужно было выжидать такого случая къ сближенію съ главой правовѣрныхъ, отъ котораго не ронялось бы его достоинство. Такой случай представился. Паши султана въ Бѣлгородѣ имѣли однажды разговоръ съ великокняжескимъ дьякомъ Ѳеодоромъ Курицинымъ и въ разговорѣ упомянули о желаніи султана жить въ дружбѣ съ великимъ княземъ; Иванъ Васильевичъ поручилъ Менгли-Гирею развѣдать объ этомъ дѣлѣ, и послѣдній получилъ отъ Бая-

474) Ibid. VIII, 226; Карамз. VI, гл. 5.

475) Ibid. IV, 162—163; VIII, 226—227; Карамз. VI, пр. 366.

зета II такой отвѣтъ: «ежели государь московскій тебѣ, Менгли-Гирею, братъ, то будетъ и мнѣ братъ»; затѣмъ представился самый удобный случай для Ивана Васильевича завязать сношенія съ султаномъ. Русскіе купцы перестали ѣздить въ Азовъ и Кафу, потому что имъ причиняли тамъ обиды; Кафинскій паша обвинялъ въ этомъ передъ султаномъ Менгли-Гирея, и послѣдній обратился къ Ивану Васильевичу съ просьбой оправдать его въ глазахъ Баязета: великій князь отправилъ къ султану письмо, въ которомъ обвинялъ въ наспльяхъ азовскихъ и кафинскихъ чиновниковъ его, почему русскимъ купцамъ и запрещено было имъ, великимъ княземъ, ѣздить во владѣнія султана; въ концѣ письма великій князь напоминалъ, что отецъ Баязета, Магометъ II, былъ государь великій и славный, что онъ хотѣлъ отправить пословъ съ дружескимъ привѣтствіемъ къ нему, великому князю, но, по волѣ Божіей, его намѣреніе не исполнилось... «Для чего же не быть тому нынѣ?» въ заключеніе спрашиваетъ великій князь и выражаетъ надежду на полученіе отъ султана отвѣта. Письмо это писано 31 августа 1492 г. Другъ великаго князя, Менгли-Гирей, старался укрѣпить дружбу между Иваномъ Васильевичемъ и султаномъ. Но послѣдній долго медлилъ отвѣтомъ московскому князю. Въ 1497 г., когда великій князь узналъ, что къ нему посланъ былъ султаномъ посолъ, который по чему-то не доѣхалъ до Москвы, то самъ рѣшился отправить въ Константинополь посла, дьяка Михаила Андреевича Плещеева, который долженъ хлопотать передъ султаномъ о томъ, чтобы русскимъ купцамъ было безопасно и свободно торговать во владѣніяхъ султана. Менгли-Гирей снабдилъ Плещеева рекомендательными письмами и провожатыми. Наказъ, данный великимъ княземъ послу, исполненъ былъ въ точности, но грубо и шероховато, почему посольство это и имѣло не совсѣмъ благоприятные результаты. Такъ, Плещееву наказано было, чтобы онъ, изъясняя султану и сыну его Магмеду Шиходзѣ, кафинскому султану, дружбу великаго князя, для соблюденія достоинства этого послѣдняго, правилъ поклонъ стоя, а не на колѣняхъ, чтобы говорилъ единственно съ султаномъ, а не съ пашами и пр. Гордость московскаго посла удивила весь дворъ султана. Хотя наши обходились съ нимъ ласково, но онъ относился къ нимъ высокомерно: такъ, не хотѣлъ ѣхать къ нимъ на обѣдъ, не взялъ даровъ ихъ и денегъ, назначенныхъ ему на содержаніе, и гордо заявилъ, что онъ будетъ говорить только съ султаномъ. Тѣмъ не менѣе султанъ исполнилъ все, о чемъ просилъ его великій князь относительно торговли русскихъ купцевъ въ его владѣніяхъ, и ласково отпустилъ Плещеева. Въ письмѣ къ Менгли-Гирею Баязетъ какъ бы съ сожалѣніемъ говорить, что русскій государь, съ которымъ онъ желалъ быть въ любви, прислалъ къ нему какого-то невѣжду; что онъ не посылаетъ

своихъ людей на Русь, опасаясь, какъ бы ихъ не оскорбили тамъ: въ виду этого, султанъ предоставляетъ сношенія съ великимъ княземъ сыну своему, кафинскому султану. Впрочемъ, въ письмѣ къ самому Ивану Васильевичу Баязетъ не жаловался на его посла и называлъ послѣдняго добрымъ мужемъ, конечно, изъ любезности. Въ 1499 г. великій князь, отправляя грека Димитрія Ралева въ Венецію, послалъ и къ Баязету и сыну его Алексѣя Голохвастова съ любезными письмами. Съ Голохвастовымъ рѣкой Дономъ отправилось и много купцевъ въ Азовъ. Цѣль этого посольства состояла въ томъ, чтобы исходатайствовать московскимъ купцамъ нѣкоторыя льготы по торговлѣ въ султанскихъ владѣніяхъ. Голохвастовъ возвратился уже въ 1500 г. съ посломъ отъ кафинскаго султана ⁴⁷⁶). Здѣсь же отмѣтимъ, что въ томъ же 1499 г. въ Москву приходилъ посолъ изъ Шемахи, гдѣ господствовалъ тогда султанъ Махмутъ, уже независимый отъ Персіи (отъ которой зависѣли его предшественники) и потому желавшій находиться въ сношеніяхъ со сосѣдними независимыми государями. На любезныя и ласковыя рѣчи его посла въ Москвѣ отвѣчали тѣмъ же, но дальше этого сношенія съ Махмутомъ не пошли ⁴⁷⁷).

Что же, къ чему повели всѣ эти сношенія? Къ прочному, долговременному ни къ чему они не привели и имѣли только временное политическое значеніе и временную славу княженія Ивана III. Только въ одномъ отношеніи они пережили свое время — въ отношеніи развитія на Руси ремеслъ и искусствъ: изъ западной Европы вывозили въ Москву разныхъ ремесленниковъ и художниковъ, у которыхъ — нѣтъ сомнѣнія — русскіе люди могли кое-чему понаучиться. Искусствомъ этихъ выходцевъ-иноземцевъ Иванъ Васильевичъ пользовался въ разныхъ областяхъ прикладныхъ знаній: въ строительномъ искусствѣ, литейномъ, въ горномъ дѣлѣ и пр. Не будемъ указывать на всѣ случаи, гдѣ прикладывались къ дѣлу европейскія знанія; укажемъ только на одинъ, весьма важный въ то время для великаго князя, по горному дѣлу... Драгоценные металлы въ старой Руси добывались посредствомъ внѣшней торговли вообще и въ частности — посредствомъ мѣновой торговли съ сибирскими народцами. Такъ называемое *закамское серебро*, извѣстное еще вольнымъ новгородцамъ, давно уже было забыто по тому ли, что истощились источники его, или по тому, что съ паденіемъ Новгорода пала торговля съ помянутыми народцами, — неизвѣстно. Въ княженіе Ивана III, когда предпринимались значительныя постройки, собирались громадныя ополченія, происходили сношенія съ иностранными

476) Ibid. VI, 42—44; VIII, 233, 236, 238; Карамз. VI, гл. 6.

477) Ibid.

дворами, — когда требовалось не мало денегъ на дары и благовидные подкупы разныхъ лицъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей, казна должна была сильно истощаться, долженъ былъ чувствоваться сильный недостатокъ въ драгоценныхъ металлахъ. А между тѣмъ по слухамъ знали, что земли около Каменнаго Пояса (Уральскаго хребта) изобилуютъ такими металлами, и вотъ — два нѣмца, Иванъ и Викторъ съ Андреемъ Петровымъ и Василиемъ Болтинымъ, отправлены были на Печеру искать серебряной руды. Эти рудознатцы возвратились въ Москву въ **1492 г.** и сообщили, что въ вотчинѣ великаго князя, на р. Цильмѣ, они нашли серебряную и мѣдную руду на пространствѣ десяти верстъ. Важность этого открытія очевидна сама собою ⁴⁷⁸). Лѣтъ семь спустя послѣ этого открытія русскіе проникли даже за самый Каменный Поясъ и завоевали Югорскую землю, богатую серебромъ. Еще въ **1465 г.**, по нѣкоторымъ извѣстіямъ ⁴⁷⁹), устюжанинъ Василий Скрыба съ толпой удалцевъ ходилъ за Каменный Поясъ воевать Югру и привелъ въ Москву двухъ тамошнихъ князьковъ. Великій князь, взявъ съ этихъ послѣднихъ присягу въ подданствѣ, отпустилъ ихъ, обложивъ Югру данью. Но за отдаленностью это завоеваніе было непрочное. Въ **1483 г.** Иванъ Васильевичъ опять посылалъ воеводъ, которые побѣдоносно прошли Печерскій край и Каменный Поясъ и углубились въ Югорскую землю. Югорскіе князья опять присягнули великому князю на подданство, — но результатъ былъ почти такой же, какъ и послѣ перваго завоеванія. Окончательно же Югра покорена была въ **1499 г.** Князь Семень Курбскій, Петръ Ушатовъ и Заболоцкій-Бражникъ съ пятью тысячами устюжанъ, двинянъ и вятчанъ приплыли къ Печерѣ и заложили на берегу рѣки крѣпость; 21-го ноября они пошли на лыжахъ къ Каменному Поясу и, съ неимоверными усиліями побѣждая природу, перебрались черезъ хребетъ, спустились въ равнину, куда явились князья югорскіе и обдорскіе съ предложеніемъ мира и вѣчнаго подданства московскому государю. Одну часть князей воеводы заставили дать «фоту» (присягу) по ихъ вѣрѣ, а другую, какъ и большой полонъ, отправили въ Москву, куда и сами прибыли передъ Пасхой ⁴⁸⁰).

Теперь опять возвратимся къ дѣламъ литовскимъ.

Мы видѣли уже, что попытка устроить бракъ Александра Казимировича съ дочерью Ивана Васильевича пока была оставлена и непріятельскія дѣйствія Москвы противъ Литвы продолжались; видѣли также, что литовскій князь чрезъ своего шпіона хотѣлъ, какъ выражались тогда, извести

478) Ibid. VIII, 221, 223; Карамз. VI, гл. 5.

479) Архангелог. лѣт. 141.

480) П. С. Р. Л. IV, 271; VI, 42—44; VIII, 237.

великаго князя московскаго. Конечно, это не могло настроить Ивана Васильевича на мирный ладъ по отношенію къ Литвѣ, и онъ не переставалъ побуждать своего друга Менгли-Гирея воевать послѣднюю. Въ **1493 г.** у крымскаго хана былъ посоль Александръ Казимировича, кн. Глинскій, съ требованіемъ, чтобы Менгли-Гирей уничтожилъ построенный имъ на Литовской землѣ г. Очаковъ, стоившій хану 150,000 алтынъ. Ханъ, въ угодность Ивану Васильевичу, задержалъ Глинскаго, а самъ вторгся въ Литовскія владѣнія, выжегъ окрестности Чернигова, но за разлитіемъ Днѣпра возвратился въ Перекопъ. Между тѣмъ, Очаковъ разоренъ былъ литовцами. Менгли-Гирей жаловался на это великому князю и говорилъ, что изъ дружбы къ нему онъ не взялъ отъ Александра 13,500 червонцевъ за литовскихъ плѣнныхъ, которые литовскій князь предлагалъ ему чрезъ султана, что онъ и опять готовъ воевать противъ Александра. Дѣйствительно, Менгли-Гирей продолжалъ тревожить Литву набѣгами. Александру, владѣвшему только Литвой, трудно было бороться одновременно съ княземъ московскимъ, ханомъ крымскимъ и господаремъ молдавскимъ, который, при посредствѣ Ивана Васильевича, заключилъ союзъ съ Менгли-Гиреемъ. Въ силу необходимости Александръ желалъ прочнаго мира. Въ Москву приходили литовскіе послы, въ слѣдъ за которыми великій князь отправилъ въ Литву дворянина Загрянскаго, который долженъ былъ объявить Александру, что вотчины князей Воротынскихъ, Бѣлевскихъ, Мезецкихъ и Вяземскихъ входятъ въ составъ Московскаго государства, а потому литовскій князь не долженъ вступаться въ нихъ; при этомъ Иванъ Васильевичъ въ вѣрющей грамотѣ, данной Загрянскому, называлъ себя по обычаю *государемъ всей Руси*. Загрянскому отвѣчали, что по этому дѣлу въ Москву отправлены будутъ послы, которые, дѣйствительно, 29-го іюня того же **1493 г.** явились и именемъ своего князя требовали, чтобы Литвѣ возвращены были всѣ литовскія земли, захваченныя русскими въ послѣднее время; изъяснили также негодованіе на то, что великій князь присвоиваетъ себѣ новый и высокій титулъ, — называетъ себя *государемъ всей Руси*; въ заключеніе послы передали воеводѣ Ивану Юрьевичу желаніе Александра начать переговоры о вѣчномъ мирѣ. Бояре отвѣчали посламъ, что вышепомянутые князья всегда были слугами князя московскаго, что Литва завладѣла ими только благодаря невзгодамъ, постигшимъ нѣкогда Русь, но что теперь уже другія времена, — что великій князь въ грамотахъ ничего не пишетъ высокаго. Іюля 8-го послы уѣхали, а 16-го сентября одинъ изъ нихъ возвратился въ Москву за опасной грамотой для великихъ литовскихъ пословъ. Эти послѣдніе прибыли въ Москву въ январѣ **1494 г.** для заключенія мира; послѣ нѣкоторыхъ споровъ и увертокъ и съ той и съ другой стороны, пришли

къ слѣдующему соглашенію: Вязьма, Тѣшиловъ, Рославль, Веневъ, Мстиславль, Таруса, Оболенскъ, Козельскъ, Серенскъ, Новосиль, Одоевъ, Воротынскъ, Перемышль, Бѣлевъ, Мещера оставались за Москвой; Смоленскъ, Любутскъ, Мценскъ, Брянскъ, Серпейскъ, Лучинъ, Мосальскъ, Дмитровъ, Лужинъ и другія мѣста по р. Угру — за Литвой; кромѣ того, литовскій князь обѣщаль признавать титулъ великаго князя московскаго, какъ *государя всей Руси*, если онъ не будетъ требовать Кіева. Съ этими же послами рѣшено было и дѣло о бракѣ: 6-го февраля совершенно было обрученіе, причемъ мѣсто жениха заступалъ одинъ изъ пословъ, Станиславъ Гастольдъ; на слѣдующій день литовскіе послы присягнули въ вѣрномъ соблюденіи мирнаго договора; на томъ же цѣловаль крестъ и великій князь. По этому договору оба государя, какъ и дѣти ихъ, обязуются жить въ вѣчной любви и помогать другъ другу во всякомъ случаѣ, — владѣть своими землями по старымъ рубежамъ; литовскій князь не долженъ принимать къ себѣ тѣхъ князей, которые отошли отъ Литвы къ Москвѣ, а также великихъ князей рязанскихъ, остающихся на сторонѣ великаго князя московскаго, который самъ будетъ рѣшать спорныя дѣла ихъ съ Литвой; великій князь московскій долженъ освободить двухъ князей мезецкихъ, посланныхъ имъ въ Ярославль; въ случаѣ обидъ между московскими и литовскими подданными, высылаются и съ той и съ другой стороны судьи на границу; литовскій князь никуда не долженъ отпускать изъ Литвы Михаила тверскаго, сыновей кн. можайскаго, Шемяки, кн. боровскаго, верейскаго, — а если они уйдутъ, то не принимать ихъ къ себѣ обратно и пр. Кромѣ того, литовскіе послы дали слово, что Александръ обяжется не принуждать будущую супругу свою къ перемѣнѣ вѣры. Послы три раза были приглашаемы къ великокняжескому столу. Февраля 11-го, прилично одаренные, они выѣхали изъ Москвы, а 18-го апрѣля въ Вильну пріѣхали московскіе: Василій и Семень Ряполовскіе, Михаилъ Яропкинъ и дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ. Александръ присягнулъ и размѣнялся мирными договорами, причемъ далъ грамоту относительно вѣроисповѣданія будущей супруги своей, но въ этой грамотѣ упомянулъ, между прочимъ, что если Елена сама захочетъ принять римскую вѣру, что это будетъ ея воля. Иванъ Васильевичъ сильно разгнѣвался на это и дѣло о бракѣ едва не остановилось. 6-го января 1495 г. въ Москву прибыло великое литовское посольство, во главѣ котораго стоялъ виленскій воевода, кн. Александръ Юрьевичъ. На посольскую рѣчь Иванъ Васильевичъ, въ приличномъ случаѣ отвѣтъ, замѣтилъ, между прочимъ, что Александръ долженъ помнить условіе, чтобы Елена ни въ какомъ случаѣ не перемѣняла закона. 13-го января великій князь слушалъ литургію въ Успенскомъ соборѣ со всѣмъ своимъ семействомъ и боя-

рамъ; по окончаніи службы онъ позвалъ литовскихъ пословъ къ церковнымъ дверямъ и вручилъ имъ невѣсту. Въ Дорогомиловѣ Елена прожила два дня вмѣстѣ съ матерью; братъ ея, Василій, угощалъ здѣсь пановъ роскошнымъ обѣдомъ; великій князь также два раза пріѣзжалъ къ своей дочери и въ послѣдній пріѣздъ вручилъ ей памятную записку, въ которой напоминаетъ ей, что она не должна ходить въ латинскую божницу; разъ или два, впрочемъ, позволилъ изъ любопытства посѣтить божницу или латинскій монастырь, но не болѣе. Во главѣ свиты будущей княгини литовской стоялъ кн. Семенъ Ряполовскій, которому тайно наказано было требовать, чтобы Елена вѣнчалась въ православной церкви и притомъ въ русской одеждѣ; наказано было также, чтобы Елена при вѣнчаніи на вопросъ епископа о любви ея къ Александру отвѣчала: «любь ми, и не остави ми его до живота никоея ради болѣзни, кромѣ Закона; держать мнѣ греческій, а ему не нудить меня къ римскому». По пути въ Вильну невѣсту встрѣчали въ городахъ съ подобающею честью; самъ Александръ со всѣми радными панами встрѣтилъ ее за три версты отъ Вильны. Предъ вѣнчаніемъ соблюдены были всѣ русскіе обычаи: расплетеніе косы, осыпаніе хмѣлемъ и пр. Вѣнчаніе совершали въ церкви св. Станислава латинскій епископъ и православный священникъ Тома; послѣ вѣнчанія Александръ торжественно принялъ московскихъ бояръ. Начались веселые пиры, но вмѣстѣ съ тѣмъ открылись и взаимныя неудовольствія... Еще во время сватовства Александръ присылалъ въ Москву пословъ съ жалобами на обиды, причиненныя русскими литовцамъ; по этому дѣлу въ Москвѣ обѣщана была управа. Но великій князь особенно недоволенъ былъ тѣмъ, что Александръ называлъ его въ грамотахъ только великимъ княземъ, а не *государемъ осей Руси*. Весной пріѣхалъ въ Москву маршалокъ Станиславъ съ брачными дарами, причемъ жаловался на молдавскаго господаря Стефана, разорившаго г. Бряславль; жаловался и на пословъ московскихъ, кн. Ряполовскаго и Михайла Русалку, которые, будто бы, на обратномъ пути изъ Вильны въ Москву грабили литовцевъ; требовалъ, наконецъ, чтобы отозваны были русскіе, служащіе при Еленѣ, которая для услугъ имѣетъ достаточно и своихъ подданныхъ. Великій князь обѣщалъ примирить Стефана съ зятемъ своимъ, но изъявилъ негодованіе на то, что ни православному, ни митрополичьему намѣстнику въ Вильнѣ, архимандриту Макарію, не позволено было вѣнчать Елену; Иванъ Васильевичъ выражалъ неудовольствіе и на то, что Александръ не соглашался построить для Елены домовую православную церковь и удаляетъ отъ нея всѣхъ русскихъ. Великій князь, по уходѣ Станислава, послалъ въ Вильну гонца съ двумя письмами, изъ которыхъ одно было обыкновенное, а другое — съ тайнымъ наказомъ, чтобы Елена не держала

около себя людей латинской вѣры и не отпускала отъ себя русскихъ бояръ, во главѣ которыхъ стоялъ кн. Василій Ромодановскій, пріѣхавшій въ Вильну вмѣстѣ съ женой своей. Переписку съ отцемъ Елена должна была хранить въ тайнѣ. Впрочемъ, Елена, обязанная извѣстными отношеніями къ отцу, не нарушала и правъ супруга и иногда отстаивала предъ отцемъ интересы своего новаго отечества. Такъ, когда до Вильны дошелъ слухъ, что Менгли-Гирей идетъ на Литву, она вмѣстѣ съ мужемъ писала отцу, прося его защиты; о томъ же писала и матери. По отношенію къ Менгли-Гирею Иванъ Васильевичъ находился теперь въ нѣсколько щекотливомъ положеніи: бракъ Елены состоялся безъ-вѣдома крымскаго хана, и съ кѣмъ? съ литовскимъ княземъ, противъ котораго и ханъ и московскій князь договаривались воевать заодно. Извѣщая Менгли-Гирея объ этомъ бракѣ, Иванъ Васильевичъ увѣрялъ хана въ своей неизмѣнной дружбѣ къ нему и предлагалъ ему помириться съ Литвой. Ханъ справедливо укорялъ великаго князя въ томъ, что онъ сдѣлалъ такое дѣло безъ-вѣдома его, что онъ, ханъ, напротивъ, никогда не измѣнялъ великому князю въ дружбѣ. Впрочемъ, Менгли-Гирей клялся все-таки умереть вѣрнымъ союзникомъ Ивана Васильевича и готовъ былъ заключить миръ съ Литвой, только бы Александръ вознаградилъ его за убытки, понесенные имъ въ войнѣ. Великій князь писалъ Александру, что если Менгли-Гирей не согласится на миръ, то Москва будетъ помогать Литвѣ противъ ея врага, но требовалъ, чтобы Александръ выполнилъ то, о чемъ прежде уже были переговоры: чтобы построена была домовая церковь для Елены, чтобы послѣднюю не принуждали носить польское платье, чтобы титулъ московскаго князя прописываемъ былъ весь и чтобы жена Бѣльскаго была отпущена въ Москву, куда бѣжалъ мужъ ея. Съ своей стороны Иванъ Васильевичъ отозвалъ изъ Вильны своихъ бояръ, которыхъ Александръ по чему-либо считалъ вредными для себя. Но подъ тѣмъ или другими благовидными предлогами Александръ не хотѣлъ исполнить ни одного изъ требованій Ивана Васильевича. Къ этимъ огорченіямъ со стороны зятя присоединилось еще новое: султанъ, по просьбѣ великаго князя, строго запретилъ притѣснять московскихъ купцовъ въ своихъ владѣніяхъ и отправилъ въ Москву посла съ дружественными увѣреніями, — но Александръ не пропустилъ ихъ чрезъ свои владѣнія, извѣщая своего тестя, что турецкіе послы никогда не ѣздили въ Москву чрезъ Литву, что онъ не пропустилъ ихъ, такъ какъ они могли быть и лазутчиками. Въ то же время литовскій князь, по совѣту окружавшихъ его пановъ, хотѣлъ дать въ удѣлъ младшему брату своему Сигизмунду Кіевскую область. Иванъ Васильевичъ, безкорыстно желая зятю добра, чрезъ Елену предостерегалъ его отъ опасности, могущей произойти отъ раздвоенія власти, между тѣмъ какъ Алек-

сандръ винилъ тестя въ томъ, что онъ вмѣшивается въ его дѣла; Иванъ Васильевичъ въ письмахъ къ Еленѣ спрашивалъ, почему мужъ ея не хочетъ жить съ нимъ въ любви и братствѣ, и получилъ отъ зятя отвѣтъ, что онъ поступаетъ такъ потому, что тестъ завладѣлъ многими городами и волостями литовскими, что онъ, великій князь, не устроилъ мира между нимъ, Александромъ, съ одной стороны, и ханомъ крымскимъ и господаремъ молдавскимъ — съ другой. Жалобы эти были неосновательны, такъ какъ послѣ договора съ Александромъ Иванъ Васильевичъ не захватывалъ ни волостей, ни городовъ литовскихъ. Это упрямство Александра повело къ тому, что великій князь московскій продолжалъ сношенія съ Менгли-Гиреемъ въ прежнемъ духѣ. 11-го сентября **1496 г.** къ крымскому хану отправленъ былъ бояринъ, князь Звенецъ, чрезъ котораго Иванъ Васильевичъ извинялся передъ ханомъ, что за худымъ путемъ онъ не извѣстилъ его во-время о сватовствѣ Александра, и просилъ забыть все прошлое; миръ съ Литвой оставлялъ на волю хана и говорилъ, что если князь литовскій окажется кому-нибудь изъ нихъ врагомъ, то они вмѣстѣ пойдутъ на него. Тогда же великій князь посылалъ и къ Стефану и писалъ ему, вѣроятно, о томъ же. Въ **1497 г.** великій князь литовскій и братъ его Альбрехтъ, король польскій, хотѣли идти на Стефана войной; Иванъ Васильевичъ чрезъ посла требовалъ, чтобы Александръ «докончанія своего не рушалъ, а на свата на Стефана ратью не ходилъ». Вслѣдствіе этого Александръ возвратился изъ похода, но своихъ князей съ войсками все-таки послалъ на помощь къ брату своему ⁴⁸¹).

Но обратимся къ другимъ сосѣдямъ Москвы, и прежде всего къ ливонцамъ и шведамъ, и посмотримъ, въ какихъ отношеніяхъ Иванъ Васильевичъ, за послѣднее время, находился съ ними.

Въ **1492 г.** великій князь приказалъ заложить противъ Нарвы, на Дѣвичьей горѣ, новую крѣпость, которую назвалъ по своему имени — Ивангородомъ. Конечно, это не могло понравиться ливонскимъ нѣмцамъ, это беспокоило ихъ и было, кажется, причиной того, что они продолжили миръ съ Москвой еще на десять лѣтъ ⁴⁸²). Вскорѣ послѣ того въ Ревелѣ, по извѣстію одного нѣмецкаго историка, сожгли одного русскаго, который уличенъ былъ въ какомъ-то гнусномъ преступленіи; ревельскіе граждане говорили тогда соотечественникамъ сожженнаго, что за такое преступленіе они сожгли бы даже и самого князя ихъ. Эти безразсудныя слова, по тому же историкъ, переданы были Ивану Васильевичу, который до того разнѣвался,

481) Ibid. II, 380; IV, 39, 42, 241, 163—165, 269; VIII, 227—229, 233; Ник. VI, 142—143; Карамз. VI, пр. 462.

482) Ibid. III, 144; IV, 161; V, 52; VI, 39, 240; VIII, 224; Карамз. VI, пр. 416.

что изломалъ трость свою, бросилъ ее на землю и, взглянувъ на небо, грозно произнесъ: «Богъ суди мое дѣло и казни дерзость» ⁴⁸³). Русскіе источники нѣсколько иначе передаютъ этотъ эпизодъ. Въ **1495 г.** Иванъ Васильевичъ отправилъ въ Новгородъ дьяка Василія Жука и Данила Мамырева къ намѣстникамъ съ приказаніемъ учинить расправу съ нѣмецкими гостями изъ Колывани (Ревеля), «ихъ въ тюрьму посажати, и товаръ ихъ оправдати къ Москвѣ, и дворы ихъ гостинные въ Новѣгородѣ старые и божницы отняти» за то, что колыванцы причинили «новгородскимъ гостямъ многія обиды и поруганія, а иныхъ людей живыхъ въ котлѣхъ вариша»; кромѣ того они чинили поруганіе и посламъ московскимъ, ходившимъ въ Римъ и Фряжскую землю. Великій князь рѣшился на эту мѣру послѣ того, какъ ливонское правительство не исполнило его требованія — выдать ему ревельскій магистратъ. Нѣмецкихъ гостей находилось тогда въ Новгородѣ 49 человѣкъ изъ Гамбурга, Любека, Люнебурга и другихъ городовъ западной Европы. Это обстоятельство встрѣвило всю Германію. Ливонскіе нѣмцы, «познавъ свою вину и неправду предъ великимъ княземъ, обратились къ нареченному зятю Ивана, кн. Александру, съ просьбой, чтобы онъ «печаловался тестю своему за ихъ преступленіе и неправду». Послы отъ Александра, отъ великаго магистра и отъ семидесяти нѣмецкихъ городовъ прибыли въ Москву ходатайствовать за Ганзу и требовать освобожденія нѣмецкихъ купцевъ. Болѣе года прошло, какъ нѣмецкіе гости томились по тюрьмамъ; наконецъ, великій князь смиловался, освободилъ ихъ (уже въ **1496 г.**). Это обстоятельство совершенно убило нѣмецкую торговлю, такъ какъ нѣмецкіе купцы боялись послѣ того ѣздить въ Новгородъ ⁴⁸⁴).

Нѣкоторые, между прочимъ, думаютъ, что великій князь поступилъ такъ съ нѣмецкими гостями въ угоду датскому королю, который находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Ганзѣ. Неизвѣстно, насколько это справедливо, но знаемъ, что въ то время король датскій и великій князь московскій заключили какой-то союзъ. Датскому королю важно было имѣть союзника и противъ шведовъ. Кажется, благодаря упомянутому союзу, въ томъ же **1496 г.** великимъ княземъ посланы были подъ Выборгъ воеводы: Даниилъ Щеня, бояринъ Яковъ Захарьевичъ и кн. Василій Ѳеодоровичъ Шуйскій. Еще раньше этого (въ концѣ **1495 г.**) Иванъ Васильевичъ посылалъ во Псковъ гонца съ требованіемъ, «чтобы отчина Псковъ послужила (ему) на Свею, на нѣмцы». Впрочемъ русскія войска не могли взять города и ограничились только тѣмъ, что на нѣсколько десятковъ верстъ

483) Карамз. VI, пр. 416—417 и текстъ къ нимъ.

484) П. С. Р. Л. IV, 164—165; VIII, 228—229; Ник. VI, 141—142; продолж. Нест. 336; Карамз. *ibid.*

вкругъ опустошили селенія. Но этимъ великій князь не хотѣлъ удовольствоваться: въ томъ же **1496 г.** онъ самъ поѣхалъ въ Новгородъ съ сыномъ Юріемъ и внукомъ Димитріемъ, оставивъ въ Москвѣ при Софіи старшаго сына Василія. Въ Новгородѣ архіепископъ и граждане торжественно встрѣтили его крестнымъ ходомъ, «яко же бо бѣ лѣпо государству ихъ... и бысть тогда радость велика о пріѣздѣ его». Послѣ молебна и литургіи у св. Софіи, великій князь со всей своей свитой обѣдалъ у архіепископа. Между тѣмъ московскіе воеводы, по его приказу, опять ходили на шведовъ; походъ былъ удаченъ: воеводы возвратились съ большимъ полкомъ. Послѣ этого похода, по нѣкоторымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, Иванъ Васильевичъ уѣхалъ въ Москву, кажется, потому, что его туда требовали казанскія дѣла. Но далѣе тѣ же извѣстія передаютъ, что по его приказанію московскіе воеводы ходили въ Каянскую землю «на десять рѣкъ». Князьямъ Ушатымъ, которыхъ послалъ туда великій князь, били челомъ тѣ обитатели Каяніи, которые жили по р. Лименгѣ — били челомъ «за великаго князя» и вмѣстѣ съ воеводами пріѣзжали въ Москву ихъ представители, которые клялись быть подданными великаго князя московскаго. Шведы не хотѣли остаться въ долгу: въ 70-ти легкихъ судахъ они приплыли въ Нарову изъ Стокгольма и взяли Ивангородъ. Князь Юрій Бабичъ, сидѣвшій въ городѣ, при ихъ приближеніи ушелъ, а воеводы, Иванъ Брюхо и Гундоровъ, стоявшіе не подалеку, не хотѣли почему-то помочь городу. Шведы, не надѣясь по отдаленности удержать крѣпость за собой, предлагали ее ливонцамъ, которые, однако, отказались отъ нея. Шведы ушли, захвативъ съ собой 300 плѣнниковъ. Отъ этой войны выигралъ, кажется, одинъ только датскій король, который, послѣ войны, объявленъ былъ и королемъ Швеціи. Само собою разумѣется, что король Даніи и Швеціи за оказанную ему великимъ княземъ любезность платилъ тѣмъ же; полагаютъ даже, что онъ отдалъ Ивану Васильевичу нѣкоторыя мѣста въ Финляндіи, и въ такомъ случаѣ перемѣна посольствами въ **1500 и 1501 гг.** должна была имѣть цѣлью утверженіе границъ между обоими государствами ⁴⁸⁵⁾.

У другихъ сосѣдей Москвы, восточныхъ, положеніе дѣлъ было смутное. Царь казанскій, Магметъ-Аминь, держался по отношенію къ великому князю, какъ его присяжникъ. Но своею жестокостью и угнетеніями онъ возбудилъ противъ себя народъ и вельможъ: послѣдніе вошли въ тайныя

485) Ibid. III, 146; IV, 135, 165, 269—270; VI, 39—40, 240; VIII, 230—231; Ник. VI, 143—146, 149. Въ лѣтописяхъ Каянская земля называется еще землей Камской (IV, 269) и Гамской (ibid. 135) вм. Каянской, по р. Каянѣ, впадающей въ Ботническій заливъ выше Улеборга. Названія *Камская* и *Гамская* земля, очевидно, неумѣло передѣланы изъ словъ *Каянская земля*.

сношенія съ царемъ Шибанской орды Мамукомъ, котораго приглашали къ себѣ. Магметъ-Аминь извѣщалъ Ивана Васильевича, что на него идетъ Мамукъ, что князья казанскіе чинятъ ему насиліе, и просилъ помощи. Великій князь послалъ къ нему воеводу кн. Ряполовскаго съ сильною ратью, вслѣдствіе чего Мамукъ удалился отъ Казани, а недовольные царемъ казанскіе князья бѣжали къ нему. Когда опасность миновала, Магметъ-Аминь отпустилъ Ряполовскаго, а Мамукъ, пользуясь этимъ, опять подступилъ къ Казани и выгналъ оттуда Аминя, который бѣжалъ въ Москву. Это было въ 1497 г. Великій князь принялъ и держалъ его «честью». Между тѣмъ Мамукъ оказался едва-ли не хуже Магметъ-Аминя: отнималъ у купцовъ товары, у вельможъ — богатства ихъ; главныхъ доброжелателей своихъ, предавшихъ ему Казань, посадилъ въ тюрьму. Казанцы ждали только удобнаго случая отдѣлаться отъ него, и этотъ случай скоро представился: Мамукъ пошелъ на Арскъ, но городка этого не взялъ, а возвратиться въ Казань не могъ, такъ какъ жители хотѣли встрѣтить его съ оружіемъ въ рукахъ. Онъ вынужденъ былъ удалиться во-свояси. Тогда казанскіе вельможи отправили въ Москву пословъ бить челомъ великому князю, чтобъ онъ пожаловалъ ихъ — «нелюбки и вины» ихъ отдалъ, но Аминя не посылалъ бы къ нимъ, а далъ бы имъ втораго Ибрагимова сына, Абдыль-Летифа (Менгли-Гиреева пасынка). Великій князь отправилъ въ Казань кн. Семена Даниловича Холмскаго и кн. Ѳедора Палецкаго, которые возвели Абдыль-Летифа на царство Казанское и заставили гражданъ присягнуть великому князю въ вѣрности «по ихъ вѣрѣ». Чтобы удовольствоваться и Магметъ-Аминя, великій князь пожаловалъ его Кашпирою, Серпуховомъ и Хотунью и отпустилъ его изъ Москвы ⁴⁸⁶).

Въ то же время среди этихъ, такъ сказать, внѣшнихъ безпокойствъ, проявилось, и весьма сильно, безпокойство домашнее, семейное. По смерти старшаго сына Ивана Васильевича, Ивана Младаго, который считался и прописывался въ официальныхъ документахъ, какъ и отецъ, великимъ княземъ, неизбежно представлялся вопросъ, кто будетъ преемникомъ великаго князя: внукъ ли его Димитрій, сынъ Ивана Младаго, или слѣдующій за Иваномъ сынъ, Василій Ивановичъ? Не замедлили образоваться сторонники одного и другаго: бѣльшая часть бояръ и самъ великій князь стояли скорѣе на сторонѣ Димитрія, — бояре потому, между прочимъ, что Елену окружали чисто русскіе люди, между тѣмъ какъ Софія окружена была выходцами-греками. Дѣло не стало и за подпольными интригами. Въ августѣ 1497 г. въ Москву пріѣзжала великая княгиня рязанская Анна, сестра

486) П. С. Р. Л. VI, 40—41, 270; VIII, 231—232; Ник. VI, 146—148.

Ивана Васильевича, который въ сопровожденіи всего семейства встрѣтилъ ее за городомъ съ великимъ почетомъ. Въ Москвѣ Анна пробыла до Крещенья; здѣсь устроился бракъ ея дочери съ кн. Ѳеодоромъ Ивановичемъ Бѣльскимъ, послѣ чего она поторопилась отъѣздомъ. Великій князь отпустилъ ее «съ великою честью и съ многими дары». Вскорѣ по отъѣздѣ ея (въ 1498 г.) «по дьявольскому навоженію и лихихъ людей совѣту восполѣся» великій князь на сына своего Василя и на супругу свою. Приближенные Василя и главнымъ образомъ дьякъ Ѳеодоръ Стромилловъ, свѣдавши о намѣреніи Ивана Васильевича объявить своимъ наслѣдникомъ внука Димитрія, совѣтовали Василю уѣхать изъ Москвы, захватить государеву казну въ Вологдѣ и на Бѣлоозерѣ и надъ княземъ Димитріемъ «пзраду учинить». Это дошло до великаго князя, который, какъ уже сказано, «восполѣся гнѣвомъ» и «въ той спалкѣ» приказалъ казнить совѣтниковъ своего сына: дьякамъ Стромиллову и Гусеву, кн. Ивану Палецкому — Хрулю и Скрыбину, на Москвѣ рѣкѣ, отсѣкли головы; Аѳанасію Яропкину и Поярку — ноги, руки и головы; многіе дѣти боярскія посажены были въ тюрьму; къ Василю представлена была стража. Гнѣвъ великаго князя не миновалъ и Софіи за то, что къ ней приходили «бабы съ зелиемъ»; послѣ обыска, этихъ бабъ приказано было ночью утопить въ р. Москвѣ. Съ этого времени Иванъ Васильевичъ съ женою «нача жити въ бреженіи»: вѣроятно, онъ подозрѣвалъ Софію въ умыслѣ на жизнь Димитрія⁴⁸⁷). И такъ, Елена и ея доброты, кн. Иванъ Юрьевичъ и Семень Ряполовскій, торжествовали. Вскорѣ (февраля 4-го) Иванъ Васильевичъ торжественно короновалъ Димитрія въ Успенскомъ соборѣ по особо составленному для того чину, въ первый разъ упоминаемому лѣтописями во всей подробности. Но торжество Елены и Димитрія было непродолжительно: чрезъ годъ послѣ вѣнчанія (въ 1499 г.) Иванъ Васильевичъ измѣнился къ лучшему въ своихъ отношеніяхъ къ супругѣ и сыну. Къ сожалѣнію, лѣтописцы не объясняютъ этой переменѣ; они передаютъ только, что великій князь снова приказалъ разсмотрѣть это дѣло, и нашелъ, что тутъ были козни друзей Елены, что онъ обманутъ. Иванъ Юрьевичъ съ двумя сыновьями и зятемъ, кн. Семеномъ Ряполовскимъ, обвинены были въ крамолѣ и осуждены на смертную казнь. Не смотря на то, что отецъ Ряполовскаго спасъ нѣкогда Ивана Васильевича отъ преслѣдованія Шемяки, ему отрубили голову на р. Москвѣ 5-го февраля; происхождение (праправнукъ Ольгерда), родство съ великокняжескимъ домомъ (родной племянникъ Василя Темнаго), заслуги и ходатайство митрополита

⁴⁸⁷) Ibid. IV, 270; VI, 42—43, 241—243, 279; VIII, 234; Ник. VI, 151. Казнь совершена 27-го декабря.

Симона и другихъ архипастырей спасли Ивана Юрьевича Патрикѣева и сыновей его: Иванъ Юрьевичъ и старшій сынъ его, бояринъ Василій Косой, постриглись въ монахи, а меньшой сынъ Иванъ Мышница остался въ домѣ подъ стражей. Теперь роли Софїи и Елены перемѣнились: хотя Димитрій назывался и считался еще наслѣдникомъ, но отношенія великаго князя къ нему и матери его становились холоднѣе. Старшаго сына Василія великій князь назвалъ государемъ, великимъ княземъ Новгорода и Пскова, съ извѣстіемъ о чемъ въ Псковъ отправленъ былъ посолъ. Псковичамъ это не понравилось. Они отправили въ Москву посадниковъ и бояръ бить челомъ великому князю, чтобы онъ держалъ отчину свою по старинѣ, чтобы государемъ ихъ былъ тотъ князь, который царствуетъ на Москвѣ. «Чи не воленъ язь въ своемъ внуцѣ и въ своихъ дѣтехъ?» съ гнѣвомъ сказала великій князь посламъ: «кому хочу, тому дамъ княженство!» Двоихъ изъ посадниковъ онъ приказалъ посадить «въ костерь», а остальныхъ отпустилъ, не пославъ поклона своей отчинѣ. Между тѣмъ еще до возвращенія пословъ изъ Москвы, во Псковъ прїѣхалъ архіепископъ Геннадій, но псковичи не позволили ему совершать богослуженія до возвращенія пословъ изъ опасенія, что онъ будетъ молиться за неугоднаго имъ князя Василія Ивановича. Черезъ другое посольство псковичи просили освободить заключенныхъ посадниковъ, но великій князь не уважилъ этой просьбы и приказалъ сказать Пскову, что «за бояриномъ все будетъ указано». Дѣйствительно, вскорѣ во Псковъ прибылъ бояринъ Чеботовъ съ поклономъ отъ великаго князя, который приказалъ сказать, что онъ держитъ отчину по старинѣ. Посадники были освобождены ⁴⁸⁸⁾ уже въ слѣдующемъ **1500 г.**

Но всего болѣе Ивана Васильевича заботили дѣла литовскія. Въ отношеніяхъ къ литовскому князю, только раздражавшему великаго князя московскаго своими придирками, дѣло явно клонилось къ разрыву. Въ Москву стали приходять вѣсти о томъ, что православіе въ Литвѣ начинаютъ тѣснить, православныхъ принуждаютъ къ латинству: въ **1500 г.** пришло извѣстіе, что Александръ вопреки договору принуждаетъ свою супругу принять католичество. Великій князь отправилъ къ Александру посла съ требованіемъ, чтобы относительно закона онъ оставилъ Елену въ покоѣ. Конечно, литовскій князь отрицалъ взводимое на него обвиненіе; сама Елена даже писала отцу, что она живетъ съ супругомъ въ мирѣ и согласіи и ничего не терпитъ въ дѣлѣ вѣроисповѣданія. Но Иванъ Васильевичъ получалъ объ этомъ извѣстія и съ другой стороны: такъ, въ томъ же **1500**

488) Ibid. IV, 270—272; VI, 23, 43, 241—243, 279; VIII, 234—236; Ник. VI, 151—152, 156—157; Степ. кн. II, 160; Арханг. 173.

году кн. Семень Ивановичъ Бѣльскій прислалъ къ Ивану Васильевичу челобитье о принятіи его въ службу, потому что въ Литвѣ «пришла великая нужда о греческомъ законѣ»; при этомъ Бѣльскій сообщалъ великому князю, что и дочь его Елену принуждаютъ къ католичеству. Бѣльскій принять былъ, и по этому дѣлу Александръ прислалъ въ Москву запросъ, на который Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ, что «взялъ князя Семена и съ вотчиною тою для нужды, что ихъ нудитъ (Александръ) приступити къ римскому закону»; при этомъ великій князь приказалъ сказать Александру, чтобы онъ не принуждалъ къ латинству не только Елену, но и всѣхъ, исповѣдующихъ греческій законъ, — въ противномъ случаѣ онъ всѣхъ будетъ принимать къ себѣ и стоять за нихъ. По той же причинѣ и въ томъ же **1500** году къ великому князю перешли въ подданство кн. Семень Ивановичъ Можайскій и кн. Василій Ивановичъ Шемякинъ, изъ которыхъ первый владѣлъ Черниговомъ, Стародубомъ, Гомелемъ и Любечемъ, а второй — Рыльскомъ и Новгородомъ — Сѣверскимъ. Иванъ Васильевичъ принялъ ихъ и послалъ къ литовскому князю Телешева объявить ему объ этомъ и сказать, чтобы онъ не вступался въ отчины этихъ князей; въ то же время Телешевъ долженъ былъ вручить Александру розметную грамоту. Такимъ образомъ между Москвой и Литвой послѣдовалъ полный разрывъ. Хотя Александръ прислалъ въ Москву посла для переговоровъ, но наши войска подъ предводительствомъ бывшаго царя казанскаго уже вступили въ Литву и брали города: Мценскъ и Серпейскъ сдались добровольно; затѣмъ взять былъ Брянскъ, — епископъ и намѣстникъ брянскіе отправлены были въ Москву. Семень Можайскій и Василій Шемякинъ Ивановичи встрѣтились съ московскими полками, присягнули великому князю и начали дѣйствовать вмѣстѣ съ москвичами; къ нимъ присоединились еще князья Трубчевскіе. Воевода Яковъ Захарьевичъ скорѣе взялъ Путивль, плѣнилъ тамъ кн. Богдана Глинскаго съ женою и занялъ всю Литовскую Русь отъ Калужской и Тульской губерній до Кіевской; другой бояринъ, Юрій Захарьевичъ, вошелъ въ Смоленскую землю и взялъ Дорогобужъ. Противъ русскихъ выступилъ съ литовцами извѣстный кн. Константинъ Острожскій. Иванъ Васильевичъ прислалъ въ Дорогобужъ кн. Данила Щеню съ тверской силой, приказавъ ему предводительствовать большимъ полкомъ, а Юрію Захарьевичу — сторожевымъ; послѣдній оскорбился, не желая быть въ зависимости отъ кн. Данила, но Иванъ Васильевичъ уладилъ это дѣло. Оба воеводы остановились на берегу Ведроши близъ Дорогобужа; 14-го іюля произошла кровопролитная битва; долго исходъ ея казался сомнительнымъ: и та и другая сторона держались крѣпко; наконецъ, тайная засада, устроенная московскими воеводами, рѣшила битву: литовцы обратились въ бѣгство; тысячь

восемь легло ихъ на мѣстѣ, многіе утонули въ рѣкѣ; Константинъ Острожскій съ нѣкоторыми знатными панамъ попался въ плѣнъ. Іюля 17-го великій князь получилъ извѣстіе объ этой побѣдѣ отъ гонца Михаила Андреевича Плещеева, «и бысть тогда радость велика на Москвѣ». Князя Острожскаго посредствомъ угрозъ заставили присягнуть на подданство великому князю московскому; воеводы наши были обласканы великимъ княземъ. Въ то же время новгородскіе, псковскіе и великолудскіе полки, подъ предводительствомъ (только номинальнымъ) племянниковъ великаго князя, Ивана и Феодора Борисовичей волоцкихъ, разбили литовцевъ близъ Ловати и взяли Торопецъ. Ивану Васильевичу хотѣлось завершить побѣды надъ литовцами взятіемъ Смоленска: два раза онъ посылалъ подъ Смоленскъ сына своего Дмитрія (въ **1500** и **1502** гг.), но походы были неудачны ⁴⁸⁹).

Еще при самомъ началѣ войны Иванъ Васильевичъ извѣщалъ Менгли-Гирея о своемъ предпріятіи. Ханъ крымскій не замедлилъ: его сыновья въ августѣ начали пустошить Литву. Московскій князь поднималъ на Литву и Стефана молдавскаго. Александръ, въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, началъ укрѣплять города: Витебскъ, Полоцкъ, Оршу, Смоленскъ; старался примириться съ молдавскимъ господаремъ и Менгли-Гиреемъ, сносился съ ханомъ Золотой орды, нанималъ войска въ Польшѣ, Богеміи, Венгріи, Германіи и заключилъ союзъ съ Ливоніей. Магистръ ордена Плеттенбергъ требовалъ помощи отъ имперскаго сейма и ганзейскихъ городовъ. Но Александръ, какъ видно, мало надѣялся на свои силы, и въ **1501** г. въ Москву прибыли послы отъ братьевъ его, королей польскаго и венгерскаго, и отъ него самого съ предложеніемъ мира. Рѣшено было для этого ждать прибытія въ Москву большихъ пословъ. Между тѣмъ Александръ молчалъ, а нѣмецкіе ратные люди, нанятые имъ, грабя его же подданныхъ, сталкивались съ московскими отрядами. Великій князь рѣшился продолжать войну. Сынъ его Василій съ новгородскимъ намѣстникомъ, кн. Семеномъ Романовичемъ, долженъ былъ изъ Новгорода напасть на сѣверную часть Литвы; кн. Семень Стародубскій и Василій Шемякинъ и др. одержали побѣду надъ литовцами близъ Мстиславля, положивъ на мѣстѣ около семи тысячъ непріятеля, и возвратились въ Москву съ большимъ полономъ. Союзникъ Александра Плеттенбергъ приказалъ схватить въ Дерптѣ русскихъ купцевъ и заключить въ тюрьму и началъ пустошить Псковскую землю. Воеводы великаго князя 27-го августа **1501** г. были разбиты имъ близъ Изборска. Псковичи вооружались, а магистръ ордена, между тѣмъ, пустошилъ селенія

489) Ibid. II, 262; III, 146—147; IV, 135, 272; VI, 24, 45—46, 48; VIII, 238—240, 242; Ник. VI, 160—163.

по берегу р. Великой и 7-го сентября сжегъ Островъ. Московскіе воеводы стояли не подалеку, но не смѣли вступить въ битву, а между тѣмъ литовцы подступили къ Опочкѣ, по взятіи которой хотѣли соединиться съ ливонцами и идти на Псковъ. Къ счастью псковичей, въ ливонскомъ войскѣ открылась опасная болѣзнь (кровоавый поносъ), и Плеттенбергъ удалился, удалились и литовцы. Великій князь хотѣлъ отмстить за это Ливоніи: во второй половинѣ октября кн. Даніилъ Щеня съ княземъ Пенкомъ все опустошилъ въ округъ Дерпта, Нейгаузена и Маріенбурга. Долго рыцари сидѣли въ крѣпостяхъ; наконецъ, ночью выступили противъ московскихъ полковъ и хотя бились храбро, но не выдержали напора русскихъ и бѣжали. Они потомъ отплатили разореніемъ предмѣстья Ивангорода. Между тѣмъ въ слѣдующемъ 1502 г. ханъ Золотой орды выступилъ, въ надеждѣ на помощь литовскую, противъ Менгли-Гирея. Великій князь подаль послѣднему помощь. Впрочемъ, на этотъ разъ дѣло кончилось ничѣмъ; но вскорѣ Менгли-Гирей совершенно истребилъ остатки Шигъ-Ахметовой орды. Этотъ ханъ еще сдосился съ великимъ княземъ московскимъ, надѣясь при его помощи влеч-

не исполнить его просьбы, то союзъ ихъ уничтожится. Великій князь, боясь отпустить Летифа, далъ ему приличное содержаніе и тѣмъ удовлетворилъ своего друга, такъ что Менгли-Гирей не переставалъ, въ угоду Ивану Васильевичу, тревожить Александра, тогда уже не только в. кн. литовскаго, но и короля польскаго. Сыновья хана съ 90,000 войскомъ въ августѣ **1502 г.** опустошили окрестности Лупка, Турова, Бряслава, Люблина и др. городовъ включительно до Кракова ⁴⁹¹).

Къ апрѣлю (11-го) того же **1502 г.** относится извѣстіе о томъ, что великій князь положилъ опалу на внука своего Димитрія и мать его Елену, запретилъ поминать ихъ на ектеніяхъ и литіяхъ, называть Димитрія великимъ княземъ, и приказалъ посадить ихъ «за приставы». Лѣтописи не указываютъ на причины этой немилости, которыхъ, можетъ быть, нужно искать въ какихъ-нибудь новыхъ проискахъ Елены. Черезъ два дня, апрѣля 14-го, Иванъ Васильевичъ пожаловалъ сына своего Василя, по благословенію митрополита Симона посадилъ его на великое княженіе Владимірское и Московское. Вслѣдствіе этого, не смотря на посредничество Менгли-Гирея, дружба между княземъ московскимъ и Стефаномъ молдавскимъ порвалась ⁴⁹²).

Между тѣмъ военныя дѣйствія противъ Литвы не прекращались. Мы уже говорили, что сынъ великаго князя Димитрій два раза ходилъ подъ Смоленскъ, послѣдній разъ — въ **1502 г.** Въ декабрѣ того же года Семенъ Стародубскій и Василій Шемякинъ опять ходили на Литву; городовъ хотя они и не завоевали, но сильно опустошили землю. Союзникъ Александра, магистръ Ливонскаго ордена, разорилъ Изборскъ и подступилъ къ Пскову, ожидая помощи отъ Литвы. Хотя литовская помощь и не являлась, однако Плеттенбергъ началъ осаду Пскова. На помощь псковичамъ шли воеводы, кн. Даниилъ Щеня и Василій Шуйскій. Стычки были кровопролитныя; недостатка въ мужествѣ не было ни съ той, ни съ другой стороны. Но результаты никому не были полезны. Александръ видѣлъ, что борьба съ Москвой ему не подъ силу и желалъ мира. Посредникомъ между обоими государями явился папа Александръ VI, который прислалъ въ Москву посла; онъ и кардиналъ его писали Ивану Васильевичу, что все христіанство приведено въ ужасъ завоеваніями турокъ, что христіанскимъ государямъ надобно соединиться и изгнать ихъ; приглашали московскаго князя примириться съ в. кн. литовскимъ и королемъ венгерскимъ и вмѣстѣ съ ними и другими государями западной Европы идти на турокъ. Въ то же время былъ посолъ и

491) Ник. VI, 166; Карамз. VI, пр. 467 и 534 и текстъ къ нимъ.

492) Никон. л. VI, 167; Карамз. VI, прим. 537 и текстъ къ нему.

отъ брата Александра Владислава, который просилъ опасной грамоты для литовскихъ пословъ въ Москву. Иванъ Васильевичъ, съ своей стороны, указывалъ на вѣроломство Александра, который наводилъ на Русь ливонскихъ нѣмцевъ и хана Золотой орды. Впрочемъ, великій князь сказалъ, что онъ радъ стоять за христіанство и позволяетъ явиться въ Москву королевскому посольству. Польскіе послы, прибывъ въ Москву, требовали, чтобы великій князь возвратилъ Александру всю отчину его, всѣ завоеванные русскими города въ Литвѣ. Иванъ Васильевичъ не только отвергъ это требованіе, заявивъ, что завоеванные города искони были русскими, но сказалъ еще, что будетъ добывать отъ Литвы и Кіевъ съ Смоленскомъ и другіе города. Въмѣсто вѣчнаго мира заключили на шесть лѣтъ перемиріе, причемъ великій князь пзъ уваженія къ зятю возвратилъ Литвѣ нѣсколько волостей и приказалъ новгородскому и псковскому намѣстникамъ заключить перемиріе съ Ливоніей также на шесть лѣтъ, а съ Швеціей не хотѣлъ имѣть никакихъ переговоровъ. Къ такому же перемирію Иванъ Васильевичъ приглашалъ и Менгли-Гирея, но только для вида: тайно онъ внушалъ ему, что лучше продолжать войну, что время перемирія нужно употребить на укрѣпленіе за собой завоеванныхъ литовскихъ городовъ и пр. ⁴⁹³).

Не задолго до кончины великаго князя была сѣграна свадьба (въ **1505 г.**) старшаго сына его Василия, женившагося на дочери дворянина Юрія Сабурова, Соломоніи. Во время свадебныхъ торжествъ, въ Москву пришло извѣстіе объ измѣнѣ присяжника великаго князя, казанскаго царя Магметъ-Аминя: побуждаемый своей женой, вдовой Алегамы, онъ задумалъ отложиться отъ Москвы. Въ концѣ іюня (24-го) на Казанскую ярмарку наѣхало много московскихъ купцевъ. Московскаго посла и купцевъ схватили; многихъ убили, многихъ ограбили, а иныхъ удалили въ ногайскіе улусы. Мало того, Магметъ-Аминь, вооруживши 40,000 казанцевъ и призвавши еще 20,000 ногайцевъ, вторгся въ Русь, осадилъ Нижній Новгородъ и выжегъ всѣ окрестные посады. Воеводой въ Нижнемъ былъ Хабаръ Симскій съ небольшимъ числомъ воиновъ. Въ этомъ критическомъ положеніи онъ освободилъ изъ тюрьмы 300 литовскихъ плѣнниковъ, взятыхъ въ Ведрошской битвѣ, роздалъ имъ оружіе и именемъ великаго князя обѣщалъ имъ свободу, если они постоятъ противъ татаръ. Литовцы храбро исполнили порученіе: Магметъ-Аминь бѣжалъ во-свояси; а литовцы дѣйствительно были освобождены и отпущены домой съ дарами ⁴⁹⁴).

Еще подъ **1503** годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ замѣтки, что ве-

493) Карамз. VI, пр. 544.

494) П. С. Р. Л. VI, 50; VIII, 245; Казанск. лѣт. гл. 12.

ликий князь начинается «пзнемогати». Но онъ держался еще года три и скончался 27-го октября **1506 г.**, причемъ лѣтописи замѣчаютъ, что онъ былъ на государствѣ 43 года и семь мѣсяцевъ, а отъ роду имѣлъ 66 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ. Тѣло его погребено было въ новой церкви Архангела Михаила ⁴⁹⁵).

Иванъ Васильевичъ женатъ былъ дважды: а) на княжнѣ тверской, Маріи Борисовнѣ, отъ которой имѣлъ сына Ивана, и б) на Софіи Ооминичнѣ, дочери морейскаго деспота Оомы, отъ которой имѣлъ дѣтей: Василія, Юрія, Дмитрія, Семена и Андрея, и дочерей: Елену, Θεодосію, другую Елену и Евдокію.

Младшіе сыновья Ивана Васильевича хотя и получили удѣлы, но не могли считаться владѣтельными князьями, такъ какъ не имѣли атрибутовъ князей независимыхъ: не имѣли права чеканить монету, объявлять войну, заключать миръ и т. п.

Согласно нашей задачѣ — дать, по возможности, полные біографическіе очерки великихъ и вообще владѣтельныхъ князей сѣверо-восточной Руси за татарскій періодъ Русской Исторіи, мы исполнили, въ настоящемъ томѣ, свое дѣло, на сколько у насъ хватило силъ и умѣнья, относительно великихъ князей, и, по обычаю, должны бы сдѣлать заключеніе къ этой части нашего труда. Но заключенія могутъ быть разнообразны, потому что выборъ ихъ долженъ быть цѣлесообразнымъ труду; а такъ какъ наша цѣль состоитъ въ томъ, чтобы исполненіемъ предположенной задачи дать справочную книгу, то мы и заключаемъ настоящіе очерки не какимъ-либо общимъ историко-философскимъ обобщеніемъ, а тѣмъ, что ближе къ нашей цѣли: мы предлагаемъ въ заключеніе

Хронологическій списокъ великихъ князей въ преемственномъ порядкѣ наслѣдованія ими великокняжескаго стола.

1. Ярославъ Всеволодовичъ съ 1238 † 1246 г. ⁴⁹⁶).
2. Святославъ Всеволодовичъ 1246—1248 г.
3. Михаилъ Ярославичъ Храбрый † 1248 г.

495) Ibid. II, 364 (подъ 1505 годомъ); IV, 136, 281; V, 261; VI, 49, 50, 52, 244; VIII, 243, 245, 248; Нак. VI, 173.

496) За каждымъ княземъ выставлены годы его княженія; если послѣдній годъ княженія извѣстнаго князя совпадаетъ со смертію этого князя, то мы ставимъ между годами знакъ †, — въ противномъ же случаѣ ставимъ *мире* (—). — Изъ Ростовско-Суздальской земли образовалось самостоятельное княжество въ XII в. и первымъ самостоя-